Я. ВАССЕРМАНЪ

РУССКІЯ НОВЕЛЛЫ

РУССКОЕ УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО БЕРЛИНЪ

Я. ВАССЕРМАНЪ

РУССКІЯ НОВЕЛЛЫ

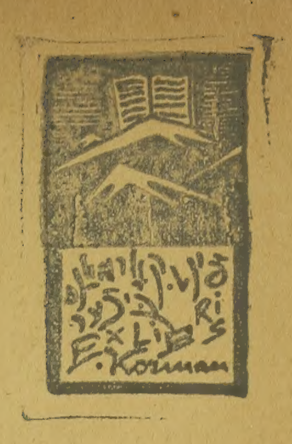
ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
МИХ. КАДИШЪ

РУССКОЕ УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕРЛИНЪ

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ Е. А. ГУТНОВА
BERLIN S. 14, DRESDNERSTRASSE 82-83.

ГОЛОВИНЪ

Первая половина мая ушла на поѣздку изъ Тулы на Кавказъ. Семнадцатаго Марія фонъ-Крюденеръ пріѣхала въ Кисловодскъ, гдѣ она надѣялась застать извѣстія отъ мужа. Въ началѣ революціи онъ бѣжалъ на англійско-русскій фронтъ въ Персію. И вотъ уже цѣлыхъ пять мѣсяцевъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни.

Недалеко отъ Кисловодска было имѣніе его брата. Александръ обѣщалъ направлять письма къ нему, если другой возможности сообщить о себѣ не окажется.

Съ четырьмя дѣтьми и тремя прислугами Марія поселилась въ Паластъ-Отелѣ. Младшій ребенокъ былъ еще грудной; она его кормила сама. Онъ родился черезъ три мѣсяца послѣ разлуки съ Александромъ. До сихъ поръ она не понимала, что можетъ значить залогъ любви, — теперь это стало ей яснымъ.

Исполинскія горы производили гнетущее впечатлѣніе. Она не могла наслаждаться ихъ видомъ: онѣ казались ей сплошною стѣной, — стѣна надъ стѣной, вплоть до границъ вѣчнаго снѣга. Какъ убѣжать отсюда? Прошлое было ужасно. Она не могла еще притти въ себя. Въ первую ночь ей приснилось, будто къ ней простираются кулаки, — цѣлое полчище кулаковъ, и на каждомъ глаза убійцъ. Рана на рукѣ не давала ей забыть сцену въ вагонѣ, когда напившіеся до потери сознанія солдаты разбили окно. Въ купе ихъ сидѣло восемь человѣкъ, и тутъ же была еще навалена гора багажа, — все, что они сумѣли увезти

съ собою изъ Тулы. Дѣти громко закричали, когда двое парней, а за ними еще цѣлая толпа съ крикомъ и шумомъ стала биться въ дверь. Дымова какъ разъ не было: онъ пошелъ поискать мѣстечка въ сосѣднемъ вагонѣ, гдѣ можно было бы хоть часочекъ вздремнуть. Марія приняла на себя первый ударъ и вся въ крови вышла къ солдатамъ. Къ своему собственному удивленію, они отступили отъ двери и робко опустили глаза, какъ будто отъ нея исходила какая-то тайная сила. Она и сама такъ думала. Ей всегда казалось, что она обладаетъ загадочной силой.

А все-таки безъ Дымова она бы погибла. Иванъ Дымовъ служилъ въ судѣ писаремъ. Изъ народа, совершенно простой человѣкъ, онъ выдвинулся во время революціи и достигъ значительной власти, но никогда не злоупотреблялъ ею. Живя въ имѣніи, Марія еще много лѣтъ назадъ хорошо относилась къ нему и однажды ухаживала за его женой во время болѣзни. Она совсѣмъ забыла о немъ, но въ минуту опасности онъ самъ пришелъ къ ней. Раздобылъ пропуски, подкупилъ исполкомъ, сумѣлъ отвлечь вниманіе крестьянъ, для которыхъ Марія была важной заложницей, устранялъ всѣ препятствія во время самого путешествія, былъ шпіономъ, защитникомъ, носильщикомъ, поручителемъ, — все съ чувствомъ какой-то особой молчаливой почтительности по отношенію къ Маріи. Когда онъ простился съ ней въ Кисловодскѣ, она растроганно и смущенно спросила, чѣмъ могла бы отблагодарить его, она ему столькимъ обязана. Онъ отвѣтилъ только: «Я буду счастливъ, Марія Яковлевна, если вы мнѣ дадите когда-нибудь знать, что съ вами и съ вашими дѣтками».

Быть можетъ, это тоже плоды ея магической силы?

Обитатели гостиницы встрѣтили ее очень радушно, какъ даму изъ высшаго общества, жену офицера и носительницу громкаго имени; къ ней относились съ большимъ уваженіемъ, хотя и знали, что она изъ нѣмецкой семьи и стала русской подданной только послѣ замужества.

Такимъ образомъ, снова, послѣ долгихъ лишеній, она очутилась среди людей своего общества, въ атмосферѣ непринужденнаго веселья и въ томъ заминутомъ кругу, къ которому ткъ привыкла и о кото-

ромъ давно ужъ мечтала. Но скоро ей стало ясно, что люди связаны здѣсь между собою лишь внѣшней условностью и что годы, проведенные ею въ деревнѣ, сперва съ Александромъ, а потомъ хотя и безъ него, но всегда подъ его вліяніемъ и руководствомъ, прошли для нея не безслѣдно и пріучили ее къ другому времяпрепровожденію. Да и кромѣ того общество было здѣсь достаточно смѣшанное: предовратить это было немыслимо, потому что сюда согнала всѣхъ общая участь. Гостиница и весь городокъ, прежде мѣсто встрѣчи аристократіи и сосредоточіе самой изысканной роскоши, — превратились сейчасъ въ островъ, куда спасались потерпѣвшіе кораблекрушеніе: они давали пріютъ бѣженцамъ съ ихъ послѣднимъ достояніемъ и послѣдней надеждой, — великимъ князьямъ и камергерамъ наряду со спекулянтами и журналистами, дамамъ изъ лучшаго московскаго и петербургскаго общества наряду съ кокотками и мѣщанками, разбогатѣвшими во время войны. Всѣ они спаслись бѣгствомъ изъ ада, но всѣ сознавали, что имъ дана только отсрочка. Дрожа отъ страха предъ будущимъ, они покамѣстъ наслаждались здѣсь жизнью и справляли пиры. Слыша о казни своихъ отцовъ, братьевъ и близкихъ друзей, они искали забвенья въ азартѣ и танцовали танго и уанъ-стэпъ.

Марія прежде всего принялась за поиски надежнаго человѣка, котораго можно было бы послать съ письмомъ въ имѣніе къ брату мужа. Къ своей великой радости она узнала, что въ Кисловодскѣ находится Іосифъ Менассе; услышавъ объ ея пріѣздѣ, онъ самъ пришелъ предложить ей услуги. Онъ состоялъ прежде довѣреннымъ крупнаго одесскаго банка, съ которымъ въ свое время велъ дѣла Александръ фонъ-Крюденеръ. Вспомнивъ, что Александръ не разъ хвалилъ ей честность Менассе, она отнеслась къ нему сразу съ довѣріемъ и впослѣдствіи не разочаровалась въ этомъ. Онъ повѣдалъ ей о своихъ злоключеніяхъ: нѣсколько недѣль тому назадъ онъ пріѣхалъ сюда по важному порученію, но обратно вернуться не могъ: желѣзнодорожное сообщеніе прекратилось, и всякая попытка выбраться изъ города была сопряжена съ опасностью для жизни. Марія сочувственно выслушала его, а когда онъ кончилъ, разсказала ему о своемъ дѣлѣ. Онъ задумался, сказалъ, что наведетъ справки, а спустя три часа явился съ какой-то

черкешенкой и категорически заявилъ, что ей вполнѣ можно довѣрить отвѣтственное порученіе.

Генералъ, братъ Александра, отнесся въ свое время неодобрительно къ женитьбѣ младшаго брата. Между ними произошелъ полный разрывъ. Генералъ былъ непримиримъ и отказался познакомиться даже съ Маріей. Ему сообщали о рожденіи дѣтей, но онъ оставлялъ безъ отвѣта всѣ письма. Александръ сносилъ все это безропотно и требовалъ того же и отъ Маріи: онъ преклонялся передъ превосходствомъ брата и не позволялъ себѣ критиковать его дѣйствія. Онъ покорился, — этимъ все было сказано, и потому покорилась безропотно и Марія. Въ началѣ войны генералъ въ личномъ письмѣ къ царю сложилъ свое званіе и титулъ, такъ какъ, по его убѣжденію, война съ Германіей должна была стать роковой для Россіи. Въ японскую войну онъ совершилъ рядъ блестящихъ подвиговъ, и по одному уже этому его теперешнее выступленіе не было истолковано ложно. Онъ уединился въ своемъ имѣніи, повелъ замкнутый образъ жизни и, будучи страстнымъ гегеліанцемъ, углубился въ изученіе философіи.

Маріи было безразлично, какъ относились къ ней люди, лишь бы только она сама ихъ цѣнила или питала къ нимъ уваженіе. Человѣческое достоинство она ставила выше мимолетныхъ и обманчивыхъ знаковъ симпатіи. Ее научилъ этому Александръ. Въ долгихъ ночныхъ бесѣдахъ онъ доказывалъ ей, что источникомъ всего зла служитъ принципъ возмездія. Слѣдуя его наставленіямъ, она воспитала въ себѣ своеобразную твердость характера и постоянство. И потому ея письмо генералу дышало простотой и чувствомъ собственнаго достоинства.

Она стала ждать, ждать извѣстій и наставленій отъ Александра, хотя и сознавала въ душѣ всю безплодность своихъ ожиданій. Чтобы немного разсѣяться, она начала давать уроки своему старшему сыну, семилѣтнему Митѣ, но вскорѣ убѣдилась, что не удовлетворяетъ его, что его запросы гораздо болѣе значительны, чѣмъ ей казалось вначалѣ, и стала подыскивать для него учителя. Одинъ московскій знакомый рекомендовалъ ей студента, Ефима Леонтьевича Татьянова, жившаго въ маленькой харчевнѣ за городомъ. Она вызвала его и предло-

жила ему давать Митѣ уроки. Онъ выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ однимъ крупнымъ фабрикантомъ въ качествѣ его секретаря или чего-то еще въ этомъ родѣ, но по дорогѣ и фабрикантъ и большинство его провожатыхъ были убиты солдатами, и Ефимъ Леонтьевичъ очутился совершенно безъ денегъ въ этомъ центрѣ роскоши и избытка. Марія отнеслась къ нему участливо и съ уваженіемъ. Онъ, вѣроятно, отвыкъ ужъ отъ этого и платилъ ей дѣтски-наивной благодарностью. Своему ученику онъ посвящалъ не только обусловленные часы, но и все свободное время и своей добродушной простотой снискалъ себѣ привязанность также и двухъ младшихъ мальчиковъ, Феди и Алеши.

Однажды утромъ, побѣжавъ по корридору впереди матери, Алеша попалъ по ошибкѣ въ чужую комнату. Марія смѣясь пошла слѣдомъ за нимъ и увидѣла передъ собой даму высокаго роста, любезно поднявшуюся къ ней навстрѣчу и протянувшую ей руку. Она оказалась княгиней Нелидовой. Марія смутилась своего смѣха: княгиня была въ глубокомъ траурѣ, причина котораго была извѣстна Маріи. Ея сынъ, флотскій офицеръ, двадцатитрехлѣтній князь Григорій застрѣлился нѣсколько дней тому назадъ во время прогулки въ горахъ.

Княгиня, женщина лѣтъ сорока пяти, была еще очень красива. Къ Маріи она отнеслась чрезвычайно сердечно. Александра фонъ-Крюденера она знала еще съ того времени, когда онъ служилъ въ министерствѣ, и отозвалась о немъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ. «Мнѣ такъ пріятно васъ видѣть», сказала княгиня. «Надѣюсь, мы будемъ часто встрѣчаться». Она обняла Алешу и погладила его по головкѣ. «Сегодня мы справляемъ поминки по Григоріи», добавила она, «приходите обязательно. Я буду ждать васъ».

Марію охватило чувство жалости, — не только къ княгинѣ и къ ея личному горю, но ко всѣмъ этимъ людямъ вообще. Особенно горькое чувство вызывали въ ней женщины: беззаботныя, блестящія существа, призванныя лишь украшать себя и наслаждаться жизнью, онѣ были, казалось, обречены на вѣрную гибель.

Она хотѣла проститься, но княгиня не пустила ее. Марія отослала Алешу домой и стала слушать разсказъ княгини. «Послушайте, что

тутъ произошло. У насъ въ гостиницѣ живетъ одна женщина, нѣкая Елизавета Петровна. Она утверждаетъ, что была замужемъ за Григоріемъ. По ея словамъ, они поженились незадолго до его отъѣзда изъ Севастополя. Ни документовъ, ни доказательствъ, ни писемъ у нея нѣтъ. Она заявляетъ, что всѣ бумаги у нихъ украли. Она кинулась передо мной на колѣни, стала цѣловать мнѣ руки и называть меня матерью. По цѣлымъ днямъ она сидитъ въ своей комнатѣ, рыдаетъ и плачетъ. И то и дѣло посылаетъ ко мнѣ лакеевъ съ записочками. Сжальтесь, княгиня, сжальтесь надъ бѣдною женщиной, сжальтесь! Я не знаю ея и никогда объ ней не слыхала. Григорій не говорилъ про нее мнѣ ни слова. До сихъ поръ ее никто не видалъ. Провѣрить ея слова нѣтъ никакой возможности. Что же тутъ прикажете дѣлать? Сжалиться — но что значитъ въ концѣ концовъ сжалиться? У нея нѣтъ денегъ, по всей вѣроятности. Ну, по счетамъ ея, конечно, я заплачу. Вчера разыгралась непріятная сцена. Она явилась сюда, усѣлась и начала плакать. Моя племянница Елена не выдержала, встала и назвала ее лгуньей. Елизавета Петровна стиснула кулаки, упала на полъ и закатила истерику. Въ концѣ концовъ пришлось ее вывести силой. А сегодня утромъ ее нашли въ обморокѣ на могилѣ Григорія. Говорятъ, она пыталась покончить съ собой. Елена утверждаетъ, что она все симулируетъ. Что же тутъ предпринять, я, право, не знаю». Марія рѣшила тотчасъ же посѣтить Елизавету Петровну, но умолчала объ этомъ и перевела разговоръ на молодого князя и стала разспрашивать о подробностяхъ его жизни, безъ всякаго любопытства, давъ только деликатно понять о раздѣляемомъ и ею чувствѣ матери. Княгиня съ благодарностью начала разсказывать, для нея это было большимъ облегченіемъ, между тѣмъ какъ Марія изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ штриховъ составила себѣ цѣльный образъ. Она сидѣла молча передъ княгиней, внимательно слушала ее, и передъ нею вставалъ во весь ростъ покойный князь. Способность внутренняго зрѣнія была порой даже тягостна, но все же ей казалось чудеснымъ знать столько о людяхъ. Когда она стала прощаться, княгиня сказала: «У меня такое чувство, какъ будто мы дружны съ вами уже много лѣтъ». Марія улыбнулась.

Въ теченіе дня распространились тревожные слухи. Опасность была несомнѣнная. Кисловодскъ окружили революціонныя войска. Митя заявилъ съ гордымъ упрямствомъ, напоминавшимъ отца: «Вѣдь правда, мама, мы не продадимъ дешево нашу жизнь?» Она отвѣтила ему: «Да, храбрый мой мальчикъ.» — «Какъ жаль, что съ нами нѣтъ Дымова», пожалѣлъ онъ. Но она утѣшила его: «Во-первыхъ, ты и самъ герой, а, во-вторыхъ, ты развѣ забылъ, что съ нами Ефимъ Леонтьевичъ?» Митя посмотрѣлъ вопросительно на студента, тотъ покраснѣлъ и сказалъ, устремивъ робкій и покорный взглядъ на Марію: «Вамъ достаточно только мнѣ приказать. Прикажите, я весь къ вашимъ услугамъ». Его слова прозвучали такъ рѣшительно и серьезно, что Марія невольно протянула ему руку, къ которой тотъ благоговѣйно прикоснулся губами.

Развѣ мнѣ грозитъ что-нибудь, подумала она, разъ вокругъ меня такіе хорошіе люди?

Когда вечеромъ она подошла къ комнатамъ Нелидовой, до нея донесся оттуда смѣхъ, крики, хлопаніе пробокъ и звонъ бокаловъ. Она отворила дверь. Десять, двѣнадцать молодыхъ людей сидѣли за столомъ, пили, курили и пѣли; временами одинъ изъ нимъ поднимался и бросалъ музыкантамъ ассигнаціи. Марія прошла въ сосѣднюю комнату; тамъ было нѣсколько пожилыхъ дамъ и мужчинъ и молоденькая дѣвушка лѣтъ восемнадцати, ослѣпительной красоты. У нея были короткіе вьющіеся волосы, блѣдная кожа съ прозрачнымъ сіяніемъ опала и желтоватые, большіе, сосредоточенные, строгіе глаза. Марія остановилась въ восхищеніи. Но тутъ ее позвала княгиня Нелидова, сидѣвшая одна въ своей спальнѣ. «Я ждала васъ,» сказала она, увидя Марію. «Садитесь ко мнѣ, поговорите со мной. Мнѣ такъ пріятно слышать вашъ голосъ».

Изъ столовой, гдѣ такъ шумно справлялись поминки, доносился сейчасъ заунывный жалобный хоръ.

Въ своемъ стараніи пробудить слегка помрачившійся отъ горя разсудокъ княгини, Марія казалась сама себѣ человѣкомъ, пытающимся оріентироваться въ чужой темной комнатѣ. Княгиня не сводила съ нея

все время глазъ, но взглядъ ея только мало-по-малу прояснялся сочувствіемъ и пониманіемъ. Марія разсказывала ей о своей одинокой жизни въ деревнѣ за послѣднее время, о рожденіи Вани и о томъ, какъ въ эту мучительную ночь ея тоска по Александру вызвала передъ ней его образъ, съ такой обманчивой реальностью, что она силой подавляла всѣ крики, лишь бы только не вызвать его недовольства. Во всемъ, что она за это время дѣлала и думала, онъ незримо руководилъ всегда ею. Она разсказала и о своихъ отношеніяхъ съ крестьянами, — о томъ духѣ вражды и протеста, который обуялъ рѣшительно всѣхъ, не исключая самыхъ благоразумныхъ и добродушныхъ. Въ одинъ прекрасный день они заявили, что отнимаютъ у нея лѣсъ: онъ будетъ вырубленъ ими и проданъ. Она спорила съ ними, — напрасно; пробовала усовѣстить ихъ — тоже напрасно. Тогда она сама вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ отправилась въ лѣсъ, гдѣ зачинщики уже приступили къ рубкѣ деревьевъ. Она вырвала у одного изъ нихъ топоръ и крикнула: не смѣй! Она объяснила имъ, какой грѣхъ они совершаютъ, они покушаются на живую святыню, они оскверняютъ память того, кто былъ всегда добръ и справедливъ къ нимъ. Нѣкоторые продолжали выражать еще недовольство, большинство же замолчало и опустило глаза. Она объяснила имъ, что дерево—такое же божье творенье, какъ каждый изъ нихъ, что эти молодыя деревца, съ любовью посаженныя и всхоленныя, предназначались для ея дѣтей и ея внуковъ и не созрѣли еще для топора. Неужели же они хотятъ сгубить божьи творенія ради какихъ-то несчастныхъ денегъ? Пусть они убьютъ тогда и ее — она не сойдетъ съ мѣста, пока они не дадутъ ей клятвы, что пощадятъ лѣсъ. А то лучше пусть убиваютъ ее самое. Они начали совѣщаться. Потомъ къ ней подошли старики, дали торжественное обѣщаніе не трогать лѣса и просили простить имъ ихъ грѣхъ. Такимъ образомъ, ей удалось спасти тогда лѣсъ. Что съ нимъ сейчасъ, она, конечно, не знаетъ.

Княгина взяла руку Маріи и горячо пожала ее. Жить въ этой странѣ», сказала она, «значитъ, каждую минуту подвергаться страшной опасности. Хотя, можетъ быть, такова вообще жизнь и мы, ея баловни, просто до сихъ поръ не знали объ этомъ? Меня охватываетъ

иногда ужасъ. Мнѣ лично терять ужъ больше особенно нечего, но мнѣ страшно за всѣхъ, кого я вижу кругомъ, страшно за народъ, за все человѣчество, хотя большинство само способно только на зло».

«Дѣло, повидимому, вовсе не въ большинствѣ», возразила Марія, «все зависитъ отъ каждаго человѣка въ отдѣльности. Отдѣльный человѣкъ напоминаетъ часто чудодѣйственную каплю лѣкарства, исцѣляющую весь организмъ. Свѣтъ исходитъ всегда отъ отдѣльнаго человѣка. Въ Тулѣ мнѣ пришлось поселиться съ дѣтьми въ гостиницѣ; поѣздъ на югъ шелъ только два раза въ недѣлю. Въ первую же ночь насъ разбудила тревога. Гостиницу окружили солдаты, и былъ изданъ приказъ предъявить немедленно всѣ наличныя деньги: выходить изъ комнаты строго воспрещается, въ восемь часовъ утра будетъ тщательный обыскъ, и всѣ, у кого будутъ обнаружены деньги, будутъ тутъ же разстрѣляны. Представьте себѣ мое положеніе: у меня на груди было спрятано восемьдесятъ тысячъ рублей, все, что удалось мнѣ реализовать. Если у меня отберутъ эти деньги, я съ дѣтьми все равно погибла. Прислугъ и моего вѣрнаго спутника отъ меня отдѣлили, за дверью стоялъ часовой, спрятать деньги тутъ же въ комнатѣ было безсмысленно, я знала, какъ эти люди обыскиваютъ. У меня оставался одинъ только выходъ: ждать, что будетъ дальше. Объ томъ, чтобы добровольно выдать имъ деньги, я ни минуты не думала. Съ трехъ часовъ ночи до половины десятаго утра я безпрерывно ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Страха во мнѣ не было. Колебаній я тоже не испытывала. Не было во мнѣ и яснаго представленія о томъ, что меня ожидаетъ; для меня было несомнѣннымъ только одно, — я должна спасти отъ этой опасности и себя и своихъ четырехъ малышей, это мой святой долгъ и потому я должна его выполнить. Въ девять часовъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ спали дѣти, вошли трое солдатъ, унтеръ-офицеръ и какая то женщина. Разбудили дѣтей и начали обыскъ: обшаривали мебель, постели, сундуки, встряхивали занавѣски, выстукивали стѣны и полъ. Я тоже вошла въ комнату и оглянулась кругомъ. Мрачныя лица, ненавистные взгляды. Ни малѣйшей надежды. Меня грубо попросили уйти. Одинъ изъ солдатъ пошелъ слѣдомъ за мной, чтобы затворить дверь. Я повернула голову, и мнѣ показалось, будто въ его глазахъ что-то мель-

кнуло, какой-то неуловимый отблескъ, еле замѣтная тѣнь человѣчности. У него были рыжіе, короткіе, жесткіе волосы, все лицо сплошь въ веснушкахъ, толстыя мясистыя губы, а за ними черные остатки зубовъ. Но меня вдругъ осѣнило. Подъ вліяніемъ точно какого то внушенія я подала ему знакъ. Онъ молча подошелъ ближе. Я растегнула на груди платье, достала пакетъ съ восемьдесятью тысячами и протянула ему. «Отъ тебя зависитъ жизнь пяти человѣкъ», произнесла я, «дѣлай, какъ знаешь». Не моргнувъ глазомъ, онъ положилъ пакетъ въ карманъ и исчезъ. Черезъ двѣ минуты переходятъ съ обыскомъ въ мою комнату. Опять во всемъ роются, всюду шарятъ въ бѣльѣ, въ платьяхъ, въ обуви, осматриваютъ всѣ щели, всѣ ящики. Наконецъ, со мной остается женщина и предлагаетъ мнѣ раздѣться. Обыскиваетъ меня и уходитъ. Черезъ четверть часа — я все время не могла притти въ себя отъ волненія — входитъ въ комнату рыжій солдатъ, прислушивается, вынимаетъ изъ кармана нетронутый пакетъ и молча подаетъ его мнѣ. Я бормочу что-то безсвязное, внѣ себя отъ неожиданной радости; спрашиваю, чѣмъ я могу отблагодарить его—я понимаю, что предлагать ему деньги нелѣпо: онъ только что самъ подарилъ мнѣ весемьдесятъ тысячъ рублей. Онъ качаетъ головой и говоритъ: «Не безпокойтесь, матушка. Мы и такъ по колѣно въ крови и въ грѣхахъ. Можетъ быть, заслужу хоть этимъ милосердіе Господа. Авось на томъ свѣтѣ мнѣ это зачтется!» Онъ ушелъ. А меня охватило чувство стыда, какъ будто я согрѣшила противъ него своимъ страхомъ и своими сомнѣніями».

При послѣднихъ словахъ Маріи въ дверяхъ показалась красивая молодая дѣвушка. Подойдя къ княгинѣ, она сказала своимъ звонкимъ, какъ стекло, голосомъ, въ которомъ трепетала плохо скрытая злоба: «Степанъ Федоровичъ говоритъ, что онъ знаетъ эту Елизавету Петровну еще изъ Петербурга. Она была шансонеткой въ какомъ-то кафе-шантанѣ и вообще — можно себѣ, конечно, представить. Вотъ видите, тетя, вы несомнѣнно стали жертвой шантажистки. Было бы нелѣпо теперь продолжать съ ней возиться».

«Моя племяница Елена», представила ее княгиня и назвала имя Маріи. Марія улыбнулась, молча любуясь красотой молодой княжны.

«У нея нѣтъ ни копѣйки денегъ», продолжала съ негодованіемъ Елена; «дирекція отеля вчера уже грозила ее выселить. А что касается этой комедіи на могилѣ Григорія, то все было разсчитано только на то, чтобы ввести васъ, тетя, еще больше въ заблужденіе. Пуля слегка только поцарапала кожу на лѣвой рукѣ. Она очень предусмотрительна. Фу, какъ все это противно!»

«Но если во всемъ этомъ, Елена Николаевна, есть хоть малѣйшій намекъ на правду, вы должны были бы быть болѣе снисходительны», сказала Марія.

Елена поблѣднѣла. «Какъ она только смѣетъ!» вскричала она и вся задрожала отъ возмущенія. «Не говоря ужъ объ томъ, что у нея нѣтъ никакихъ доказательствъ ея клеветнической выдумки, имѣются еще и другія, внутреннія соображенія, — да, внутреннія соображенія...» Она стиснула губы и гордо выпрямилась: «Развѣ можно позволять ей оскорблять память Григорія? Чего-жъ вы хотите? Почему вы за нее заступаетесь?»

«Я нисколько не заступаюсь», отвѣтила Елена, внезапно почувствовавъ, что молодая дѣвушка заинтересована здѣсь больше, чѣмъ ей показалось вначалѣ. «Мнѣ хотѣлось бы только предостеречь васъ отъ слишкомъ поспѣшныхъ сужденій. Не сердитесь на меня понапрасну». Она встала и вышла изъ комнаты.

По корридору взадъ и впередъ ходилъ Менассе. «Гостиница вся окружена и тщательно охраняется», заявилъ онъ Маріи. «У всѣхъ выходовъ вооруженные люди. Подъ угрозой разстрѣла запрещено выходить изъ дому вечеромъ. Чей это приказъ, пока неизвѣстно. Никто не знаетъ и того, хотятъ ли насъ охранять или просто поймать въ мышеловку, чтобы никому не удалось выбраться. Во всякомъ случаѣ положеніе чрезвычайно серьезное. Дѣло идетъ о жизни и смерти».

Онъ безъ приглашенія открылъ дверь въ ея комнату и только потомъ, точно вспомнивъ вдругъ о правилахъ вѣжливости, пропустилъ ее впередъ. «Послушайте», началъ онъ снова съ своей забавной фамильярностью, «ждать, пока насъ приставятъ къ стѣнкѣ и раздробятъ черепъ, безсмысленно. Кто не сумѣетъ удрать, тотъ самъ будетъ отвѣ-

чать за послѣдствія. У меня есть одинъ планъ. Вы мнѣ симпатичны, вашихъ дѣтокъ мнѣ жалко, вашего мужа я глубоко уважаю, онъ джентльменъ до мозга костей, и не вызволить его семью изъ тяжелаго положенія, было бы съ моей стороны подлостью. Повторяю вамъ, у меня есть одинъ планъ. Всѣ приготовленія уже сдѣланы. Правда, денегъ это будетъ стоить порядочно. Но разъ дѣло идетъ о жизни, тутъ ужъ не приходится торговаться».

Онъ тревожно оглядѣлъ вокругъ, подбѣжалъ къ двери, посмотрѣлъ въ щелку, вернулся снова къ Маріи и продолжалъ хриплымъ шопотомъ, что весь этотъ планъ будетъ стоить такихъ бѣшеныхъ денегъ, что имъ сможетъ заплатить только цѣлая большая компанія. У него уже есть въ виду нѣсколько человѣкъ, о которыхъ ему тоже хотѣлось бы позаботиться, которыхъ ему тоже жалко. Онъ сообщилъ имъ свой планъ, и они предоставили ему полную свободу дѣйствій. Согласна ли Марія присоединиться? Согласна ли она слѣпо подчиниться его распоряженіямъ? Только при желѣзной дисциплинѣ можно разсчитывать на успѣхъ. Онъ предусмотрѣлъ рѣшительно все. Рискъ, конечно, огромный, но все-таки это лучше, чѣмъ оставаться здѣсь на вѣрную смерть. Въ концѣ концовъ вѣдь все въ Божьей волѣ

Онъ былъ маленькій, юркій, съ глазами, почти совсѣмъ безъ рѣсницъ и бровей, одѣтъ франтовски, точно вышелъ только что изъ моднаго магазина. Сейчасъ онъ былъ весь проникнутъ важностью задуманнаго имъ предпріятія.

«Хорошо, господинъ Менассе,» сказала послѣ короткаго раздумія Марія. «Я вамъ вполнѣ довѣрюсь. Насъ восемь человѣкъ, какъ вы знаете. Мои трое прислугъ должны тоже уѣхать. Это единственное условіе, которое я вамъ ставлю».

Менассе пожалъ плечами. Это будетъ ей стоить еще дороже, замѣтилъ онъ дѣловымъ тономъ. Больше шестидесяти человѣкъ взять невозможно. Сейчасъ уже есть сорокъ семь. Всего потребуется до полумилліона рублей, хотя дорогой можетъ случиться, что этихъ денегъ окажется далеко не достаточно. «Прежде всего необходимо молчать», закончилъ онъ, «каждую минуту дѣло можетъ принять неожиданный

оборотъ. Вы будьте спокойны и не трогайтесь съ мѣста, пока я не дамъ вамъ знать, что нужно дѣлать. Съ этой минуты я вашъ генералъ и требую полнаго повиновенія. Спокойной ночи».

Марія съ удивленіемъ посмотрѣла ему вслѣдъ, какъ онъ выскочилъ изъ комнаты на своихъ кривыхъ ножкахъ, съ короткой толстой шеей, весь полный энергіи. Вздохнувъ облегченно, она подошла къ окну. Почти полная луна мирно плыла среди облаковъ. Черные холмы и долины громоздились наверхъ къ торжественнымъ великанамъ, очертанія которыхъ трепетали въ лазурномъ эфирѣ. Въ воздухѣ чувствовалась свѣжая влажность. Мракъ растворялся въ серебристомъ сіяніи, и грудь земли съ молчаливыми вздохами жадно вздымалась къ недосягаемымъ небесамъ. Маріи хотѣлось молиться; ея душа горѣла радостнымъ жаромъ, но ей казалось, будто къ ней простираетъ руки весь этотъ домъ съ испуганно бьющимися сердцами людей, со всей ихъ растерянностью и всѣмъ ихъ безсиліемъ. Ей стало страшно. Пробило двѣнадцать часовъ. Послышался легкій стукъ въ дверь. Марія спокойно окликнула: въ комнату вошла княгиня Нелидова, съ черной вуалью на головѣ. Такъ же тихо, какъ она постучалась, она подошла къ Маріи съ умоляющимъ жестомъ, точно выражая ей свою полную покорность во всемъ. Не помѣшала ли она ей? Если Марія Яковлевна собирается спать, она сейчасъ же уйдетъ. Сама она эти дни не можетъ сомкнуть глазъ ни на минуту. Она нѣжно обвила Марію за шею.

Нѣтъ, она нисколько ей не мѣшаетъ, отвѣтила Марія, она сама не въ состояніи спать. У нея такое тревожное состояніе. Онѣ сѣли. Въ углу горѣла электрическая лампа; вся остальная комната была окутана мракомъ.

Ее привело сюда своего рода любопытство, сказала княгиня: она долго думала надъ словами Маріи, они не даютъ ей покоя. «Какая сила заложена въ васъ? Откуда она? Какимъ образомъ вы, чужая все-таки въ нашей странѣ, такъ хорошо знаете всѣ условія жизни и умѣете такъ обходиться съ людьми, какъ будто васъ съ ними связываютъ столѣтнія узы? Вы точно срослись съ чужой вамъ землей. Вы сумѣли говорить съ крестьянами на ихъ языкѣ, сумѣли войти въ озвѣрѣвшую душу

солдата, между тѣмъ какъ, въ сущности, ни тѣхъ, ни другихъ вы не знаете. Я, какъ родной сестрѣ, разсказала вамъ все о Григоріи, а вѣдь я вижу васъ всего въ третій разъ. Что вы за женщина? Откуда у васъ эти способности? Объясните мнѣ. Или, быть можетъ, мои вопросы вамъ непріятны?»

«Нѣтъ, нѣтъ,» отвѣтила Марія съ улыбкой. «Меня только удивляетъ — »

«Удивляетъ? Что именно? Неужели, по-вашему, я должна замкнуться цѣликомъ въ свое горе? Вы мнѣ еще глубже его внѣдрили въ сознаніе, но въ то же время смягчили и мой эгоизмъ. Въ душѣ, для себя мы не должны вовсе проливать столько слезъ, сколько окружающіе требуютъ отъ насъ тѣмъ, что считаютъ себя вправѣ выражать намъ сочувствіе. Скорбь зачастую только тонкая форма притворства, и никогда душа человѣка не стремится такъ пламенно къ своему воскрешенію, какъ именно въ скорбные часы невознаградимой утраты. Я вижу по вашему лицу, что вы меня понимаете».

«Я преклоняюсь предъ вашимъ мужествомъ, княгиня. Оно-то и удивило меня».

«Мужество — это послѣднее. Послѣднее передъ концемъ, Марія Яковлевна. А мы сейчасъ какъ разъ на краю пропасти. Но вы мнѣ отвѣтите на мой вопросъ? Можетъ быть, вы не хотите? Вы улыбаетесь. Ваша улыбка вызываетъ во мнѣ надежду».

Марія, скрестивъ руки на колѣняхъ, нагнулась къ княгинѣ. «Вы говорили мнѣ, что хорошо помните Александра», сказала она. «Это было, правда, очень давно. Но скажите, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на васъ? Конечно, въ глубокомъ смыслѣ этого слова,—не въ общепринятомъ?»

Княгиня задумалась. «Мнѣ трудно отвѣтить на этотъ вопросъ», робко призналась она, «я слишкомъ много про него знаю. Намъ, членамъ высшаго общества, черезчуръ много извѣстно другъ про друга, и мы не въ состояніи составить себѣ о человѣкѣ правильнаго представленія. Онъ казался мнѣ всегда очень замкнутымъ. Прямымъ, непреклоннымъ. Онъ вѣдь изъ Прибалтійскаго края? Ну, такъ вотъ таковы

всѣ прибалтійцы. Внѣшне онъ былъ безупреченъ и производилъ блестящее впечатлѣніе. Почти всѣ дѣвицы были въ него влюблены, но нѣкоторымъ онъ казался слишкомъ холоднымъ, какъ человѣкъ, долго пробывшій въ одиночествѣ, и внѣшне и внутренне, и утратившій пути къ человѣческому сердцу. Я права, вѣдь не правда ли?»

Марія кивнула головой. «Ваше представленіе о немъ все равно, какъ силуэтъ,—и похоже и нѣтъ. Прямой, неприклоный, — пожалуй что такъ. Онъ согнулъ меня, — именно согнулъ, но не сломилъ. Я могла бы сломиться, но тогда я была бы не той, какой онъ хотѣлъ меня видѣть. Кругъ, изъ котораго я вышла, можно назвать скорѣе неопредѣленнымъ: это не аристократія и не буржуазія, а нѣчто среднее. Родилась я въ Германіи, воспитывалась въ Австріи, — своеобразная государственная и соціальная атмосфера мало способствуетъ развитію тамъ твердаго характера. Во мнѣ зародился горячій протестъ противъ всего, что меня окружало; я во всемъ отличалась отъ другихъ и со всѣми всегда ссорилась. Стараясь найти себя самое или что-нибудь другое, за что бы я могла уцѣпиться, я тщетно искала по сторонамъ, попирала всѣ традиціи и предразсудки, стала въ концѣ концовъ совсѣмъ дикой, порвала съ семьей и всѣми друзьями, увлеклась свободными идеями и готова была вступить на новый, опасный путь. Тутъ-то я и встрѣтила Александра. Для меня это былъ самый критическій моментъ. Въ свои девятнадцать лѣтъ я страшно запуталась, — чувственность всегда вѣдь вѣрный показатель полной растерянности. Съ одной стороны, стремленіе сбросить съ себя оковы, съ другой, полнѣйшая неустойчивость, — какъ странно все это можетъ сочетаться въ одномъ человѣкѣ. Но тогда какъ разъ было время, когда ни въ комъ цѣльности не было, когда всѣ боялись отдаваться чему-нибудь полно и безраздѣльно и чуждались людей, рѣшавшихся итти прямою дорогой. Мы съ Александромъ никогда не говорили другъ съ другомъ. Онъ пріѣхалъ съ офиціальной миссіей и появлялся въ обществѣ очень рѣдко, рѣзко отличаясь отъ всѣхъ остальныхъ мужчинъ. Что онъ обратилъ на меня вниманіе и наблюдалъ за мной, я, конечно, сразу почувствовала. Если я была увѣрена въ своемъ магнетизмѣ, то его магнетизмъ былъ гораздо сильнѣе, хотя и не достаточенъ для того, чтобы сразу освободить меня отъ всѣхъ моихъ

путъ. Рѣшеніе раздѣлить со мной свою жизнь онъ принялъ для самого себя неожиданно. Я не буду надоѣдать вамъ подробностями нашего романа. Существенно лишь то, что мы поженились и что оба мы сознавали, что ставимъ этимъ на карту всю нашу судьбу. Что это были за мучительные годы, княгиня! Мы выступили другъ противъ друга, какъ два дуэлянта, какъ два единоборца. Однажды потомъ онъ мнѣ какъ-то признался: если бы, благодаря чудесному случаю, онъ не увидѣлъ во мнѣ зерно моей истинной сущности, онъ въ самомъ началѣ отослалъ бы меня домой. Я была несдержанна, необузданна, проникнута ложными представленіями и всевозможными предразсудками по отношенію къ любви и къ браку, къ мужчинѣ и женщинѣ, къ Богу и человѣку. Въ твоей груди вся Европа, говорилъ онъ мнѣ часто, и я долго не понимала, что онъ хотѣлъ этимъ выразить. Я упорно сопротивлялась ему, противопоставляла ему то, что называла своей личностью, — это тепличное растеніе, которое онъ терпѣливо обрывалъ лепестокъ за лепесткомъ, листокъ за листкомъ и отъ котораго въ концѣ концовъ не осталось ничего, кромѣ стыда и упрямства, — да, простого упрямства. А онъ тѣмъ не менѣе не переставалъ искать во мнѣ истинное зерно: неутомимо, непрестанно, день за днемъ, съ непостижимымъ терпѣніемъ и глубокимъ знаніемъ души человѣка. Онъ извлекалъ меня изъ меня же самое; терзалъ меня на части, чтобы возсоздать меня заново. Мнѣ было больно. Увѣряю васъ, княгиня, бывали дни и даже недѣли, когда я задыхалась, колеблясь между любовью и ненавистью. А онъ, онъ все время стоялъ надо мной со своимъ духовнымъ бичемъ: ты должна, должна перестрадать эти муки, хотя бы онѣ и убили тебя, лучше пусть мы оба сразу погибнемъ, чѣмъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ будемъ умирать медленной смертью отъ взаимнаго непониманія и тайныхъ ранъ. И въ концѣ концовъ я порвала все же свою оболочку и доросла до него. Онъ нашелъ меня, наконецъ. Это было какъ разъ въ періодъ моей первой беременности, черезъ пять лѣтъ послѣ замужества. Что и онъ тоже измѣнился не мало, это само собой разумѣется: если бы я не способна была давать ему ничего, онъ не дорожилъ бы мной вовсе. А все же я была цѣликомъ его созданіемъ и такой именно сама себя чувствовала. Въ то время онъ бросилъ общество, мы уѣхали въ имѣніе и начали ра-

ботать. Всѣ задачи и цѣли у насъ были общія. Во всѣхъ сужденіяхъ и поступкахъ мы всегда въ конечномъ счетѣ сходились другъ съ другомъ. Читали однѣ и тѣ же книги, одинаково мыслили, одинаково ко всему относились. Онъ не прощалъ себѣ ничего; въ его строгости къ себѣ было что-то аскетическое. Не было такой выгоды, ради которой его можно было бы побудить совершить малѣйшую несправедливость, — легче было сдвинуть съ мѣста гранитную глыбу. Онъ никогда не ограничивалъ опредѣленными рамками ни своего долга, ни задачъ своей жизни; для него это былъ сплошной, непрестанно нароставшій потокъ. Онъ требовалъ отъ себя величайшаго напряженія, и такого же напряженія онъ требовалъ отъ меня. Я отъ природы была склонна слегка къ вялости и созерцательности, — и то, и другое онъ вытравилъ изъ меня окончательно. Я проливала иногда горькія слезы отъ злобы и жалости къ себѣ самой, когда онъ требовалъ отъ меня слишкомъ многаго. Но когда я въ концѣ концовъ пересиливала себя, онъ однимъ добрымъ словомъ заставлялъ меня забывать всю мою злобу. Только не баловать себя, только не быть къ себѣ снисходительной, только не прислушиваться къ голосу чувства, когда долженъ рѣшать разсудокъ, — говорилъ онъ всегда. Такъ онъ относился ко всему міру, къ своимъ дѣтямъ, ко всѣмъ подчиненнымъ. Всякое возраженіе онъ парализовалъ своимъ собственнымъ примѣромъ. Въ немъ жила великая идея его націи, великая идея могущества, возникающаго, благодаря долгу, повиновенію и уваженію къ обычаямъ. Для него царь былъ такою же божественной особой, какъ и для простого крестьянина. Россія, русскій народъ были для него священной житницей человѣчества, тайнымъ хранилищемъ будущаго, сокровищницею міра. Когда я говорю о немъ, это все равно, что я говорю о себѣ. Отличія для меня нѣтъ никакого. И онъ, и я, — мы оба растворялись въ этомъ мистическомъ мірѣ, отъ котораго исходила могучая сила. Когда онъ подымалъ горсть земли, я знала, что онъ окидываетъ умственнымъ взоромъ всю землю, всю страну, съ небомъ надъ нею и людьми, ее населяющими. Когда онъ шелъ къ крестьянамъ и судилъ ихъ споры, я знала, что онъ дѣлаетъ это съ чувствомъ высокой отвѣтственности, какъ будто произноситъ непререкамый, вѣчный приговоръ. Они звали

его постоянно на помощь, и онъ шелъ къ нимъ по самому незначительному поводу. Далекія поѣздки на саняхъ въ морозную зимнюю ночь были не рѣдкостью. Но при всемъ этомъ онъ оставался всегда господиномъ, умѣлъ быть господиномъ. А я была госпожей; такой онъ меня сдѣлалъ. Мало-помалу это стало мнѣ яснымъ. Госпожей и матерью, — для него это было почти равнозначуще: матерью для всѣхъ. Крестьяне такъ и называли меня своей матушкой-барыней. Такъ вотъ, княгиня, развѣ теперь не кажется вамъ все очень просто?»

«Я понимаю васъ, понимаю», прошептала княгиня, «все очень просто, конечно. Въ концѣ концовъ вѣдь и всякое чудо всегда очень просто. Я понимаю всю вашу исторію, понимаю и васъ, но послѣ того, что случилось теперь, вѣдь вы должны же были совершенно разочароваться. Развѣ всѣ ваши старанія не оказались безплодными, — сейчасъ, когда мы остались одни, безъ господина, всѣми покинутые?»

«Я нисколько не разочарована», отвѣтила Марія; «мой путь ведетъ меня дальше. Да и кромѣ того я вовсе не осталась безъ господина, какое бы значеніе вы этому слову ни придавали».

Княгиня спросила: «Давно уѣхалъ вашъ мужъ?»

«Уже около года. На Рождествѣ я имѣла послѣднее письмо отъ него».

«Какъ же вы миритесь съ этой разлукой? Вѣдь это вообще тяжело, а тѣмъ болѣе сейчасъ, при нынѣшнемъ положеніи!»

«Очевидно, такъ нужно», отвѣтила Марія. «Я знаю, что онъ постоянно со мной и потому не ощущаю разлуки настолько болѣзненно. Стоитъ мнѣ на минуту закрыть глаза, какъ я вижу его передъ собой, слышу его голосъ, улыбаюсь нѣкоторымъ хорошо мнѣ знакомымъ особенностямъ его рѣчи, спрашиваю его, сама отвѣчаю, совѣтуюсь съ нимъ во всемъ. Я убѣждена, что то же переживаетъ и онъ».

Княгиня замѣтила: «У васъ сильно развито воображеніе, Марія Яковлевна. Я не хочу преуменьшать вашего чувства. Все, что вы мнѣ разсказываете, вселяетъ въ меня глубокое уваженіе къ вамъ и только подтверждаетъ мое первое впечатлѣніе. Вы чисты, какъ прозрачный источникъ. Въ васъ нѣтъ никакихъ тайнъ. Разговаривать съ вами —

огромное наслажденіе, — хотя бы просто сидѣть и смотрѣть на васъ. Но скажите мнѣ только одно. Я вѣрю въ ваши силы. Понимаю, что онѣ помогаютъ вамъ мириться съ тоской, съ нетерпѣніемъ, со страхомъ за участь столь горячо любимаго вами человѣка. Но развѣ вы не испытываете нѣкотораго чувства освобожденія? Погодите мнѣ отвѣчать, погодите минутку. Это такая деликатная область, мнѣ такъ трудно выразить свою мысль. И мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы меня заподозрили въ нескромности, въ желаніи вторгнуться въ святая святыхъ....»

«Говорите все, я не истолкую вашихъ словъ ложно», привѣтливо прервала ее Марія.

Княгиня продолжала: «Въ васъ много страстности. Я рѣдко встрѣчала болѣе страстную женщину. Но въ то же время и болѣе недоступную. Я понимаю это, конечно, въ опредѣленномъ смыслѣ. Какъ можно наглухо замкнуть въ себѣ весь избытокъ страсти и навѣки отказаться отъ малѣйшаго шага въ загадочную неизвѣстность? Какъ достичь такой твердости воли? Женщины самыя несчастныя существа. Онѣ либо отдаютъ себя цѣликомъ, либо замыкаются въ себѣ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ ихъ ждетъ глубокое разочарованіе. А вотъ вы создали себѣ неприступную твердыню, въ которую дьяволу никакихъ не проникнетъ. Кругомъ васъ ходишь и ищешь, нѣтъ ли гдѣ какой-нибудь щелочки. Это такъ вѣдь понятно: всѣ мы остальныя окружены однѣми развалинами и сгораемъ отъ зависти. Но скажите мнѣ все-таки: развѣ вы не испытывали нестерпимаго деспотическаго гнета? Развѣ сейчасъ въ глубинѣ души вы не чувствуете нѣкотораго освобожденія или хотя бы лишь облегченія? Развѣ, несмотря на всю любовь, съ васъ не свалилось все же тяжелое бремя? Вѣдь всѣ эти годы вы лишены были права свободнаго выбора, — неужели же теперь вы не чувствуете, что жизнь стучится къ вамъ, можетъ быть, съ роскошнѣйшимъ даромъ и вы можете принять его безъ тяжелыхъ угрызеній совѣсти? Или хотя бы и съ угрызеніями, лишь бы принять, лишь бы принять этотъ даръ? Я хочу сказать: неужели ваше чувство и вашъ разсудокъ настолько полны этимъ человѣкомъ, его волей и постоянною близостью, что для васъ недоступно никакое другое чувство, никакой соблазнъ и никакое искушеніе? Вѣдь вы женщина до мозга костей. Въ васъ все цвѣтетъ и сія-

етъ. Если бы я была мужчиной, я поставила бы на карту рѣшительно все, лишь бы добиться вашей взаимности. Вы покраснѣли? Какъ это прелестно, какъ трогательно. Совсѣмъ, какъ юная дѣвушка. Но отвѣчайте же мнѣ, отвѣчайте».

Маріи стало страшно. Она отвѣтила почти механически: «Княгиня, у меня четверо дѣтей. Наряду съ этой — какъ вы назвали ее? — моей твердостью, еще четверо дѣтей. Вы ихъ видѣли?»

Княгиня молчала. Она оперлась на столъ обнаженными руками, выдѣлявшимися на фонѣ чернаго платья, и Марія, пожалѣвъ слишкомъ поздно о своей материнской гордости, прочла на ея потемнѣвшемъ лицѣ слова: я тоже вѣдь была матерью. Спустя минуту молчанія она начала снова: «Это эгоистично съ моей стороны. Съ однихъ гладкихъ рельсъ я поспѣшила перескочить на другіе. Быть можетъ, изъ трусости. Но вашъ вопросъ поразилъ меня, какъ внезапная молнія. Ослѣпилъ меня сразу. Гдѣ правда? Развѣ я сама знаю? Мнѣ кажется иногда, что она заложена въ страхѣ. Истина тамъ, гдѣ передъ нами разверзается пропасть. Хотя я и дѣйствительно была лишена права свободнаго выбора, но у меня не было ни малѣйшей потребности, ни малѣйшаго повода производить выборъ еще разъ. Я сдѣлала свой выборъ разъ навсегда. Вы сказали, что въ твердыню мою не проникнуть ни за что дьяволу. Вы совершенно правы, но, должно быть, я дѣйствительно настолько отважна, отважна до дерзости, что избрала себѣ божественный удѣлъ. Я не отрицаю возможности для себя искушенія. Кто гарантированъ вообще противъ искушенія? Кровь — страшная сила. Но если бы мнѣ еще разъ когда-нибудь пришлось выбирать, я должна была бы пройти опять весь кругъ заново и направиться къ противоположному полюсу. Божественный удѣлъ избирать двожды нельзя, какъ нельзя пускаться въ немъ на уловки и эксперименты. Въ немъ слишкомъ много неумолимости. Если бы передо мной былъ опять выборъ, это несомнѣнно былъ бы самъ дьяволъ. Во искушеніе можетъ ввести меня только дьяволъ. Ну, а до этого, надо надѣяться, дѣло и не дойдетъ». Она засмѣялась.

Княгиня встала и обняла ее молча. Потому ли, что ей нечего было больше возразить, или потому, что она была сражена неожидан-

ной рѣзкостью аргументовъ Маріи, — во всякомъ случаѣ казалось, у нея нѣтъ больше сомнѣній. Передъ уходомъ она произнесла еще: «Конечно, конечно», и снова удрученнымъ тономъ: «Можетъ быть. Вся эта половинчатость, неувѣренность и пассивность вмѣсто прямыхъ и ясныхъ рѣшеній только распыляетъ нашу судьбу. Мы утомляемся преждевременно. Мы подводимъ все время итоги, а въ важныя, рѣшительныя минуты стараемся какъ-нибудь вывернуться». Въ заключеніе она еще сердечно добавила: «Мнѣ бы хотѣлось имѣть вашъ портретъ, Марія Яковлевна. Пришлите мнѣ поскорѣй вашу карточку, она будетъ моимъ амулетомъ. Кто знаетъ, не разстанемся ли мы съ вами уже очень скоро. А ваша карточка будетъ меня все-таки охранять».

Марія обѣщала ей.

Остатокъ ночи она провела безъ сна. Весь домъ, отъ земли до крыши, напоминалъ аккумуляторъ, въ которомъ медленно наросталъ страхъ. По корридорамъ скользили тѣни. Марія догадывалась о романическихъ нитяхъ, которыя протягивались изъ комнаты въ комнату и большею частью ограничивались лишь угаромъ первыхъ часовъ. Они боятся потерять каждую минуту и въ отчаяніи вкушаютъ запретный плодъ, стараясь заглушить свои чувства, — думала Марія отчасти съ жалостью, отчасти съ презрѣніемъ. Но слышались и другіе шаги: передавались тревожные слухи, крались предатели и шпіоны, охраняли вѣрные слуги. Въ раскрытое окно вливался то прохладный, то теплый воздухъ. Подъ утро стало свѣжо, — Марія уснула, наконецъ, и проспала до полудня. Ее разбудилъ крикъ маленькаго Вани. Его принесла къ ней няня Евгенія съ упрекомъ, что барыня совсѣмъ забыла о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ ребенку. Съ Ваней шутить было нельзя: онъ ухватился пухлыми ручонками за тѣло матери и впился въ грудь, какъ маленькая сердитая рыбка.

Съ улицы доносилась ружейная пальба. Къ вечеру она еще больше усилилась и послышалась совсѣмъ близко. Пришелъ смущенный Ефимъ Леонтьевичъ и попросилъ Марію разрѣшенія переночевать въ комнатѣ мальчиковъ: онъ слишкомъ взволнованъ. Марія разсчитывала получить какое-нибудь извѣстіе отъ Менассе. Чтобъ быть на всякій случай го-

товой, она велѣла прислугамъ, Link Аринѣ и Настѣ, уложить вещи; дѣти были въ восторгѣ. У нея самой было чувство, какъ будто она забыла сдѣлать что-то важное. Эта мысль не давала ей покоя. Она надѣла вечернее платье и сошла внизъ. Потомъ вернулась, достала изъ шкатулки свою фотографію, сдѣлала на ней надпись, положила въ конвертъ и послала княгинѣ Нелидовой. Но и это не было тѣмъ, что ей все еще не давало покоя.

Въ общихъ комнатахъ было, какъ всегда, оживленно и шумно. Всѣ эти оторванные отъ родины, а теперь лишенные и свободы, мужчины и женщины проявляли изумительную безпечность. Только на нѣкоторыхъ лицахъ отражалось сознаніе опасности. Въ одной группѣ передавали со смѣхомъ о томъ, что сраженіе идетъ уже на улицахъ города и что во дворъ гостиницы привезли убитыхъ и раненыхъ. Они видѣли достаточно крови, привыкли ко всякимъ ужасамъ. Сейчасъ рѣчь шла объ опасности для ихъ собственной жизни, и они ждали ее со своего рода дерзкимъ любопытствомъ. Въ звуки вальса врывалась трескотня пулеметовъ. Мимо оконъ пробѣгали солдаты. Марія обратила вниманіе на мрачныя фигуры въ вестибюлѣ и столовой; сначала ихъ было три или четыре, потомъ появилось сразу пятнадцать, двадцать. Ихъ старались не замѣчать: шутили, смѣялись и дѣлали видъ, какъ будто ихъ вовсе не было. Своими оборванными костюмами они рѣзко выдѣлялись на фонѣ бальныхъ туалетовъ, фраковъ и ослѣпительныхъ манишекъ. Они преграждали дорогу лакеямъ, подававшимъ шампанское, становились безъ всякаго стѣсненія за клубными креслами, на которыхъ сидѣли развалясь блестящіе кавалеры, и бродили между отдѣльными кучками. Марія подумала: пора бы Менассе уже дать знать о себѣ. Неожиданно послышался оглушительный свистъ; оркестръ въ столовой какъ разъ замолчалъ, и изъ сосѣдней залы донеслись звуки странной музыки. Къ Маріи подошелъ молодой московскій писатель, сообщилъ, что въ большой залѣ справляютъ армянскую свадьбу и посовѣтывалъ ей взглянуть на любопытное зрѣлище. Онъ проводитъ ее. Марія была всегда рада посмотрѣть на что-нибудь новое и согласилась. Между тѣмъ настроеніе среди одной части публики неожиданно измѣнилось. Какой-то пожилой господинъ ожесточенно жестикулировалъ

передъ дамами. Марія услышала, какъ одна изъ нихъ прошептала: «А какъ же мои драгоцѣнности? Мои жемчуга?» Пожилой господинъ отвѣтилъ ей только: «Не забудьте, что сейчасъ вопросъ идетъ о жизни и смерти». Передъ билліардной столпилось нѣсколько молоденькихъ дѣвушекъ, блѣдныхъ, испуганныхъ, съ широко раскрытыми глазами. Писатель говорилъ между тѣмъ Маріи: «Положительно невѣроятно, до какой роскоши доходятъ армяне на такихъ празднествахъ. Вотъ вы сами увидите. Положительно сказочно».

Въ залѣ были еще и другіе зрители. Особенно выдѣлялся Степанъ Нелидовъ, выражавшій свой восторгъ въ высшей степени неделикатно, какъ будто былъ въ циркѣ. Марія остановилась въ дверяхъ большого зала, въ вестибюлѣ, надъ площадкой котораго подымался пролетъ во всю вышину семиэтажнаго зданія. Въ каждомъ этажѣ выдавалась впередъ полукруглая галлерея съ ажурной желѣзной рѣшеткой. Въ трехъ первыхъ этажахъ видны были еще и части лѣстницы. Поднявъ голову, Марія почувствовала, что наверху происходитъ что-то, что имѣетъ отношеніе и къ ней. Она услышала сперва громкій разговоръ, потомъ какъ будто крики и смѣхъ; неожиданно тамъ все смолкло, но едва она повернулась опять, чтобы посмотрѣть на армянскую свадьбу, какъ шумъ послышался снова.

Незнакомая музыка — нѣсколько духовыхъ инструментовъ и два глухихъ барабана—перешли отъ заунывной мелодіи къ бравурной. Пара — юноша и молодая дѣвушка — вышли танцовать. Ихъ движенія, вначалѣ медлительныя и идиллически нѣжныя, перешли, ритмически слѣдуя музыкѣ, въ страстную, разнузданную пляску. Высокій, просторный, залитый свѣтомъ залъ пестрѣлъ яркими красками платьевъ, зашитыхъ золотомъ и серебромъ, — синихъ, желтыхъ, зеленыхъ и красныхъ. Въ разгоряченномъ воздухѣ мелькали изумительно красивыя женскія лица и блѣдныя головы мужчинъ съ длинными черными бородами, возсѣдавшихъ съ величественнымъ гордымъ видомъ. Въ глубинѣ зала показался хороводъ молоденькихъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ кружевныхъ платьяхъ. Онѣ раскачивались и изгибались въ тактъ музыкѣ, а, когда она смолкла, запѣли хоромъ торжественную пѣсню. На-

слаждаясь картинами и звуками незнакомаго, далекаго міра, Марія стояла съ улыбкой въ дверяхъ, испытывая въ то же время тягостное чувство своей собственной отчужденности и непрошенности на этомъ празднествѣ. Внезапно она снова услышала сверху страшные крики; они раздались теперь уже ближе. Она отошла отъ двери зала и подняла голову. По лѣстницѣ въ третьемъ этажѣ бѣжала внизъ женщина съ такой головокружительной быстротой, что, казалось, она каждую секунду можетъ разбить себѣ голову. Волосы ея были распущены, лицо искажено страхомъ и ужасомъ. Она достигла площадки, ухватилась на мгновеніе за перила и побѣжала потомъ дальше внизъ. Марія тотчасъ же сообразила, что это, вѣроятно, Елизавета Петровна, къ которой она хотѣла пойти. Ей стало вдругъ ясно, что ее такъ безотчетно сегодня весь день мучило. Быстро рѣшившись, она направилась къ лѣстницѣ Между тѣмъ женщина, испуская дикіе стоны, была уже на площадкѣ перваго этажа и опять на мгновеніе остановилась. Еле переводя дыханіе, она обернулась назадъ: слѣдомъ за ней спускалась по лѣстницѣ молодая дѣвушка, въ которой Марія узнала княжну Елену. Но ни походка, ни видъ ея ни въ какой мѣрѣ не оправдывали дикаго бѣгства Елизаветы и ея ужаса. Она спускалась медленно со ступеньки на ступеньку, и хотя на ея мрачномъ лицѣ была написана твердая непоколебимая рѣшимость, тѣмъ не менѣе вся ея фигура отражала пренебреженіе и отвращеніе. Марія поднялась на нѣсколько ступенекъ, — Елизавета Петровна столкнулась съ ней, подумала, очевидно, что передъ ней новый врагъ, испустила опять неистовый крикъ, похожій на хохотъ безумнаго, зашаталась и упала бы на полъ, если бы Марія не подхватила ее. Почувствовавъ постороннюю помощь, дѣвушка уцѣпилась за нее, крѣпко обняла, потомъ скользнула по ней руками и опустилась на колѣни. Между тѣмъ къ нимъ подошла и княжна Елена, — остановилась на нѣсколько ступеней выше, отвращеніе еще отчетливѣе отразилось на ея прекрасномъ, какъ бы точеномъ лицѣ, — она произнесла только: «Какъ вы рѣшаетесь прикасаться къ этой гадинѣ!» Она вся задрожала отъ негодованія.

Дѣвушка рыдая спрятала лицо въ платье Маріи. «Она убьетъ меня, убьетъ!» вырвалось у нея между стонами. Вокругъ лѣстницы

столпились удивленные зрители. Степанъ Нелидовъ прислонился къ стѣнѣ, скрестивъ руки на груди, съ иронической улыбкой.

«Зачѣмъ вы, Елена Николаевна?» сказала Марія, обратившись къ княжнѣ. «Зачѣмъ вы?» Ея спокойный, простой тонъ оказалъ замѣтное дѣйствіе на Елену. Она склонила голову, ея короткіе локоны мягко опустились на щеки; она замерла въ неподвижной позѣ.

«Пойдемте со мной, Елизавета», обратилась Марія къ стоявшей все еще передъ ней на колѣняхъ дѣвушкѣ, «никто васъ не тронетъ». Она подняла безпомощное существо, обняла ее за талію и провела черезъ толпу разступившихся зрителей въ корридоръ и дальше до лифта. Когда они поднялись наверхъ, ей пришлось чуть не силой выводить ее изъ подъемной машины. Навстрѣчу ей радостно бросились Митя и Алеша, крича, что сундуки уже унесли. Ефимъ Леонтьевичъ разсказалъ, что безъ нея явилось трое мужчинъ и, не говоря ни слова, унесли два большихъ сундука и три чемодана. Прислуги не рѣшились имъ мѣшать и не посмѣли разспрашивать, кто ихъ прислалъ. Въ комнатѣ были разбросаны повсюду саквояжи, нессесеры и корзинки Пока Марія обсуждала съ Евгеніей, что дѣлать дальше, въ комнату постучался какой-то человѣкъ, подалъ записку и сейчасъ же исчезъ. Записка гласила: «Немедленно по полученіи сего выходите всѣ вмѣстѣ черезъ дверь рядомъ съ кухней. Тамъ будетъ васъ ждать человѣкъ; онъ проводитъ васъ въ условленное мѣсто, гдѣ вамъ придется провести, можетъ быть, двѣ ночи. Человѣкъ вполнѣ надежный. Даю вамъ на приготовленія не больше получаса. Въ противномъ случаѣ слагаю съ себя всякую отвѣтственность. Сундуки прибыли. Всѣ счета ваши оплачены. Менассе».

Несмотря на всю серьезность минуты, Марія невольно улыбнулась. Ка кой строгій у меня генералъ, подумала она, и принялась одѣвать дѣтей. Нужно было уложить еще много вещей. Арина и Настя заметались по комнатамъ. Ваня кричалъ; Евгеніи пришлось его долго укачивать. Маріи очень хотѣлось проститься съ княгиней Нелидовой, но времени уже не было. Елизавета Петровна сжалась въ комочекъ на диванѣ и съ глазами испуганнаго звѣрька смотрѣла на все, что вокругъ происхо-

дить. Но внезапно она сорвалась съ мѣста и умоляюще скрестила руки. «Возьмите меня съ собой!» бормотала она растеряннымъ голосомъ. Марія отвѣтила: «У насъ осталось всего нѣсколько минутъ. Какъ же вы можете въ такомъ видѣ?» На ней было широкое кимоно и на ногахъ голубыя шелковыя туфельки. «Къ себѣ въ комнату я не вернусь ни за что въ жизни!» сказала она безпомощно. Мальчики, сгорая отъ нетерпѣнія, молча торопили Марію. Арина нагрузила Ефима Леонтьевича цѣлой грудой вещей. Митя, несмотря на свой гордый видъ юнаго принца, всегда выказывавшій большое участіе къ чужому горю, заявилъ матери: «Она можетъ надѣть твое пальто. У насъ вѣдь масса пальто». Марія распорядилась, и Настя подала ей пальто. «А какъ всѣ ваши вещи? Что же вы ихъ бросите?» спросила Марія, но та отвѣтила: «Только бы уйти отсюда! Только-бъ уйти!»

Ефимъ Леонтьевичъ, мальчики, Евгенія съ заснувшимъ Ваней, Арина, Настя и Елизавета Петровна вышли въ корридоръ. Послѣднею вышла Марія. Неожиданно предстала предъ нею Елена Нелидова. «Вы уходите?» прошептала она съ мрачнымъ недоумѣніемъ, «уходите? И берете подъ свое покровительство эту гадину? Оказываете помощь этой безстыдницѣ?»

«Елена Николаевна, я вижу передъ собой только несчастную женщину», сказала Марія. «Другого про нея я не знаю. Неужели, по-вашему, я могу оттолкнуть человѣка, который молитъ меня о спасеніи, разъ я сама стараюсь спастись?»

Во второй разъ слова Маріи подѣйствовали успокаивающе на молодую княжну. Ея лицо передернулось судорогой. Внезапнымъ движеніемъ она сорвала дрожащими пальцами съ платья брилліантовую брошь и вложила ее въ руку Маріи. «Я не хочу быть передъ ней виноватой еще больше, чѣмъ я уже провинилась», прошептала она съ отчаяніемъ въ голосѣ; «отдайте ей эту брошку. Продайте ее для нея. Она нищая У меня тоже нѣтъ денегъ. Но только не выдавайте меня!»

Марія отвѣтила ей благодарнымъ взглядомъ. Нельзя было терять ни минуты. За ней уже съ крикомъ бросился Федя. Елена прошла съ ней еще нѣсколько шаговъ. У лѣстницы она схватила ее за руку и

прошептала испуганнымъ, дѣтскимъ голосомъ: «Я боюсь! Я такъ боюсь!» Ея странные желтые глаза широко раскрылись: «Я такъ безумно боюсь!» повторила она, «можетъ быть, именно отъ страха я и стала такая недобрая».

«Вы хорошая, милая», тихо и нѣжно отвѣтила ей Марія. Молодая княжна закрыла лицо руками и медленно повернула обратно, между тѣмъ какъ Марія съ тяжелымъ сердцемъ стала спускаться по лѣстницѣ.

У двери, указанной въ запискѣ Менассе, ихъ ждалъ солдатъ съ винтовкой, и молча велѣлъ имъ итти слѣдомъ за нимъ. Они миновали тѣсный дворъ и вышли на улицу, освѣщенную заревомъ. Слѣва на возвышеніи горѣлъ рядъ домовъ. Искры, похожія издали на золотую вышивку, поднимались къ черному небу. Галопомъ проскакали мимо нихъ верховые. Федя и Алеша остановились, разинувъ ротъ; Митя, какъ заботливый пастухъ, погналъ ихъ впередъ. Ефимъ Леонтьевичъ кряхтѣлъ подъ тяжелой ношей, и Марія силою отняла у него одинъ чемоданъ. Солдатъ повернулъ въ переулокъ. Дома становились все болѣе убогими. Потомъ солдатъ вдругъ остановился, оглянулся по сторонамъ: повидимому, онъ и самъ не зналъ точно дороги. Улицы были не освѣщены. Изъ воротъ показался другой солдатъ и тихо заговорилъ съ первымъ. Вдали загремѣлъ вдругъ залпъ изъ орудія. Алеша расплакался. Марія схватила его за руку. Наконецъ, они добрались до послѣднихъ домовъ на краю города, неподалеку отъ вокзала. Солдатъ повернулъ обратно и прошелъ немного назадъ. Елизавета, еле передвигавшаяся въ своихъ туфелькахъ, безсильно прислонилась къ стѣнѣ дома. Съ другого конца улицы послышались шаги патруля. Солдатъ свистнулъ. Ефимъ Леонтьевичъ поспѣшилъ къ нему и черезъ минуту позвалъ остальныхъ. Они вошли въ ветхій домикъ, нежилой, состоявшій всего изъ одной комнаты. Солдатъ прикладомъ отворилъ дверь и зажегъ спичку. Комната оказалась всего аршина четыре въ ширину и длину съ такимъ низкимъ потолкомъ, что приходилось чуть ли не нагибаться, съ сырыми стѣнами, покрытыми зеленой плѣсенью, безъ всякой мебели. Спичка погасла. Они должны здѣсь остаться, замѣтилъ солдатъ. Выходить не полагается; нельзя и открывать ставень, если имъ дорога жизнь. Марія спросила его въ темнотѣ, не знаетъ ли

онъ, гдѣ господинъ Менассе. Нѣтъ, не знаетъ, онъ никогда даже объ немъ не слыхалъ; онъ знаетъ только, что въ домахъ неподалеку отъ вокзала спряталось сегодня ночью много народу; ихъ всѣхъ увезутъ, какъ только будетъ возможно. Это все, что ему извѣстно. Можно ли зажечь свѣчку, пока хоть уложатъ дѣтей? спросила Марія. Онъ не совѣтуетъ. Сколько же имъ придется просидѣть здѣсь? Вдесятеромъ, въ этой темной дырѣ? Ему ничего не извѣстно. Онъ еще разъ посовѣтовалъ не подавать о себѣ признака жизни и исчезъ.

Нѣсколько минутъ всѣ молчали, погрузившись въ печальныя размышленія. Алеша нашелъ въ темнотѣ руку матери и прижался къ ней личикомъ. Она чувствовала, что онъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ отъ страха. Ефимъ Леонтьевичъ вызвался покараулить на улицѣ. Если онъ замѣтитъ что -нибудь подозрительное, онъ постучитъ три раза въ ставню, — тогда надо гасить скорѣй свѣтъ. Прошло нѣкоторое время, пока Арина разыскала свѣчку. Ее зажгли и принялись быстро стелить на грязный полъ пледы и одѣяла. Каждый самъ приготовлялъ себѣ ложе. Мальчики не успѣли лечь одѣтыми, какъ тотчасъ же заснули.

Елизавета лежала у стѣны рядомъ съ Маріей. Она закрыла лицо руками, и видны были только ея наспѣхъ заколотые, растрепанные каштановые волосы. По ея полнымъ бедрамъ пробѣгала изрѣдка дрожь. Марія кормила Ваню и задумчиво смотрѣла на нее. Потомъ, передавъ насытившагося ребенка Евгеніи и погасивъ свѣчу, она велѣла Настѣ позвать Ефима Леонтьевича, чтобы и тотъ могъ лечь спать. Но студентъ заявилъ, что онъ находитъ нужнымъ караулить на улицѣ и ляжетъ въ дверяхъ на шинели.

Марія не могла заснуть. Она ясно слышала дыханіе всѣхъ троихъ мальчиковъ и могла различить каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. До нея доносилось отчетливо даже легкое дыханіе Вани. Прислуги тоже спали. А она не смыкала глазъ, размышляла, прислушивалась. Справа отъ нея послышался глубокій вздохъ. «Вы не спите, Елизавета Петровна?» спросила она шопотомъ.

Та зашевелилась и придвинулась ближе. «Кто вы, собственно говоря?» спросила она тоже шопотомъ. «Вы помогли мнѣ, взяли меня съ собой... почему, въ сущности? Кто вы?»

«Если вамъ мое имя что-нибудь скажетъ — пожалуйста», отвѣтила Марія и назвала себя. Онѣ замолчали, но потомъ снова послышался вздохъ, точно подъ гнетомъ тяжелаго бремени.

«Что съ вами?» прошептала Марія, «Разскажите мнѣ, вамъ будетъ легче».

«Боже великій!»

«Мы въ темнотѣ и не видимъ другъ друга», продолжала Марія. «Всѣ спятъ, никто насъ не слышитъ. Скажите же мнѣ».

«Елена Николаевна готова была растоптать меня каблукомъ», произнесъ съ горечью голосъ, «а она одна только и знаетъ. Ей одной все извѣстно. Григорій ей все разсказалъ. И несмотря на это, она готова была меня разстерзать».

«Это правда, что князь Григорій женился на васъ?» спросила Марія.

«Не спрашивайте меня», послышалось въ отвѣтъ измученнымъ голосомъ. «Ну, да, священникъ насъ повѣнчалъ, тогда въ Севастополѣ, когда я сошла съ корабля. Повѣнчалъ, когда все было кончено. Я не знаю, насколько бракъ этотъ законный, но онъ все-таки состоялся, хотя и при самыхъ невѣроятныхъ условіяхъ. Никто никогда не повѣритъ, что возможны подобныя вещи. Да, да — когда я сошла съ корабля, мы повѣнчались».

«Съ какого корабля, Елизавета Петровна?»

Елизавета не отвѣтила. «Я не могу здѣсь оставаться», сказала она жалобнымъ тономъ немного спустя. «Я уйду. Мнѣ нужно вернуться и забрать свои вещи. Что я буду дѣлать безъ платьевъ и безъ ботинокъ? Да и куда мнѣ ѣхать? Къ кому?»

«Да, — чтобъ не забыть: мнѣ дали для васъ бриліантовую брошь», сказала Марія, но сказавъ, сейчасъ же раскаялась: у нея было чувство, будто она нанесла этимъ оскорбленіе лежащей рядомъ съ ней женщинѣ. «Можетъ быть, хотѣли вамъ передать это на память? А, можетъ быть, старались и загладить все происшедшее».

Елизавета сразу догадалась, въ чемъ дѣло. «Я ей кину эту брошку въ лицо», воскликнула она, не повышая, однако, голоса, «хотя и это еще

слишкомъ большая честь для нея. Неужели же этой милостыню она думаетъ задобрить меня, послѣ того какъ она, точно въ пыткѣ, жгла мнѣ душу раскаленнымъ желѣзомъ? Господи, какой позоръ, какой ужасъ! Если вы ее не увидите и не сумѣете ей отдать брошку, подарите ее лучше нищей. Съ меня довольно уже униженій!»

Больше получаса онѣ молчали. Дыханіе спящихъ становилось все тише. Внезапно Елизавета прошептала: «Вы меня слышите?»

«Слышу», отвѣтила Марія.

«Я разскажу вамъ про корабль. Подвиньтесь ко мнѣ поближе, чтобъ насъ никто не услышалъ».

Марія придвинулась къ ней.

«Когда я познакомилась съ Григоріемъ, я выступала въ одномъ загородномъ петербургскомъ кафе-шантанѣ. Заведеніе это было самаго низкаго пошиба, и я зарабатывала тамъ ровно столько, чтобы не умереть съ голода. Дѣло въ томъ, что я была порядочной дѣвушкой. Вы, навѣрное, сейчасъ улыбаетесь, не вѣрите мнѣ, но право: несмотря на мои двадцать пять лѣтъ, у меня не было ни одного любовника. Вечеромъ я выступала полуголая на эстрадѣ и пѣла глупые вульгарные куплеты, на половину ихъ даже не понимая, а днемъ сидѣла все время у себя на чердакѣ и очень часто не имѣла даже на что пообѣдать. Григорій былъ въ отпуску и пришелъ какъ-то въ шантанъ вмѣстѣ съ товарищами. Мы познакомились и полюбили другъ друга. Полюбили... развѣ могу я описать вамъ нашу любовь?! Все наше существо было проникнуто этимъ чувствомъ. День, когда долженъ былъ кончиться отпускъ Григорія, казался намъ днемъ неминуемой казни. Мы даже не говорили другъ съ другомъ, мы слились съ нимъ воедино. Тогда то отчаяніе и внушило ему одинъ планъ, съ которымъ онъ со мной однажды вечеромъ подѣлился. Сперва мнѣ показалось, что онъ лишился разсудка. Я онѣмѣла отъ ужаса. Но его состояніе передалось въ концѣ концовъ и мнѣ. Хуже разлуки быть ничего не могло. Ждать его возвращенія и томиться мыслью, живъ онъ или нѣтъ, было еще гораздо ужаснѣе того, что онъ задумалъ. По крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось тогда, и я согласилась. Вы меня слушаете?»

«Конечно, слушаю», прошептала Марія.

«Онъ рѣшилъ взять меня тайкомъ на военное судно. Спрятать меня въ каютѣ, нести службу, какъ всѣ остальные, а все свободное время проводить со мной. Что это значило, я приблизительно понимала. Я знала, что если меня съ нимъ накроютъ, намъ обоимъ грозитъ неизбѣжная смерть. Женщина не имѣетъ права даже входить на военное судно. Но самое тяжелое было то, что въ эту тайну приходилось посвятить и его деньщика. Безъ помощи третьяго лица мы обойтись никакъ не могли. Григорій полагался на своего Петра. Онъ подкупилъ его, это стоило большихъ денегъ, приходилось давать ему не одинъ разъ, и все-таки мы все время дрожали, что онъ можетъ какъ-нибудь проболтаться или выдать насъ просто изъ злости. Во время долгаго плаванія всѣ вѣдь въ концѣ концовъ становятся злыми. Вначалѣ все сошло какъ будто благополучно. — Меня уложили въ дорожный мѣшокъ Григорія, я чуть не задохлась между бѣльемъ и платьемъ, — и Григорій втащилъ меня съ лодки въ каюту. И въ этой самой каютѣ, длиной не больше трехъ шаговъ, я провела четырнадцать мѣсяцевъ».

Марія всплеснула невольно руками. Между тѣмъ Елизавета Петровна продолжала: «Да, цѣлыхъ четырнадцать мѣсяцевъ взаперти, — либо одна, дрожа все время отъ страха, либо на узкой койкѣ, тѣсно прижавшись къ Григорію. Четырнадцать мѣсяцевъ въ смертельной опасности и въ смертельномъ страхѣ на морѣ, въ крохотной душной каютѣ. Четырнадцать мѣсяцевъ бояться произнести громкое слово или пошевелиться и все время испытывать безумный, нечеловѣческій страхъ!»

Марія, широко раскрывъ глаза, слушала ее молча. —

«Мы боялись, какъ бы не обратили вниманіе на то, что каюта всегда заперта. Одно это уже насъ сводило съ ума. Повсюду кругомъ шаги, шаги вѣстовыхъ и офицеровъ; тревожные свистки, шумъ машины, желѣзный лязгъ огромнаго корабля. Грохотъ наверху на палубѣ, шумъ волнъ за окномъ: ахъ, эти ночи, эти страшныя ночи! Поцѣлуй объятія и страхъ, вѣчный страхъ! И къ тому еще постоянная качка. Какъ то разъ при осмотрѣ каюты мнѣ пришлось спрятаться въ стѣнной

шкафъ; тамъ было такъ тѣсно, что я нѣсколько недѣль потомъ не могла оправиться отъ боли въ груди. На Пасху Григорій заболѣлъ. Мы совершенно лишились разсудка. Ему приходилось выходить на палубу, нести вахту. Что жъ было еще дѣлать? Нужно было перемогаться, только бы не показать вида, что у него жаръ. У насъ былъ одинъ только выходъ: броситься вдвоемъ въ море. Въ свободные отъ службы часы, днемъ и ночью онъ лежалъ въ моихъ объятіяхъ и прислушивался, все только прислушивался, и я вмѣстѣ съ нимъ. Намъ приходилось тѣсно прижиматься другъ къ другу, на двоихъ мѣста не было. Когда онъ уставалъ, я брала у него подушку и одѣяло и ложилась на полу или же присаживалась къ иллюминатору и смотрѣла на бурное море. Его мучила мысль: что будетъ, если на пароходѣ начнется пожаръ, если его ранятъ или убьютъ? Я успокаивала его по мѣрѣ силъ, но въ такомъ ужасномъ состояніи я и сама падала духомъ. Онъ упрекалъ меня, что я его разлюбила. Я заглушала его упреки безумными поцѣлуями. — Мы проклинали минуты, когда вновь приходили въ сознаніе. У него часто выступалъ на лбу холодный потъ. Безразлично, говорили ли мы или молчали, — ужасъ овладѣвалъ нами съ каждымъ днемъ все сильнѣй и сильнѣй. Григорій признался мнѣ, что у него постоянно передъ глазами красные круги, и на палубѣ, и въ каютѣ. Ему кажется, что начальство уже питаетъ противъ него подозрѣніе. — Отъ его былой жизнерадостности не осталось и слѣда. Я спрашивала его, жалѣетъ ли онъ о томъ, что онъ сдѣлалъ. Онъ прижимался ко мнѣ, какъ ребенокъ, котораго хотятъ наказать, но я ясно замѣчала въ его глазахъ наряду съ любовью также и ненависть. При малѣйшемъ шумѣ за стѣной онъ пугался, при малѣйшемъ шорохѣ вздрагивалъ. Какъ-то разъ ночью онъ проснулся съ пронзительнымъ крикомъ. Я обняла его и какъ бы про себя громко сказала, что всему въ концѣ концовъ бываетъ предѣлъ. Какой предѣлъ? спросилъ онъ и съ болѣзненнымъ упорствомъ до тѣхъ поръ не отставалъ отъ меня пока я не дала ему священнѣйшей клятвы не предпринимать ничего безъ его вѣдома. Ты моя жена, сказалъ онъ, я хочу сдѣлать тебя своей женой передъ Богомъ и передъ людьми, хотя бы послѣ этого мы съ тобой и разстались навѣки. Такъ оно и случилось, точь въ точь такъ. А я про себя думала: только бы выйти

изъ этого ада! Оставаясь одна, я до крови кусала себѣ руки. Я потеряла всякое представленіе о времени: оно казалось мнѣ то бѣшено мчавшимся колесомъ, то медленнымъ и вялымъ, отвратительно-нуднымъ, какъ разодранный черный флагъ. Самое скверное было то, что Петръ вдругъ обнаглѣлъ. Онъ чувствовалъ свою силу. Борьба съ нимъ насъ совсѣмъ доканала. Я не могла видѣть больше кушаній, которыя онъ каждый день мнѣ тайкомъ приносилъ. Онъ стоялъ всегда и смотрѣлъ на меня. Вначалѣ просилъ, а потомъ сталъ угрожать. Я рѣшила сперва скрыть это отъ Григорія, но вскорѣ узнала, что онъ сталъ такимъ же и по отношенію къ нему. Однажды вечеромъ Григорій пришелъ мертвенно-блѣдный и прошепталъ, что наша тайна несомнѣнно раскрыта: нѣкоторые офицеры не отвѣтили ему на поклонъ, на молитвѣ всѣ перешептывались, — онъ убѣжденъ, что теперь мы погибли. Я старалась быть спокойной, начала его распрашивать и поняла, что всѣ страхи — плодъ его воображенія. Но они такъ и не покидали его: съ этой минуты онъ жилъ, какъ въ бреду. Такъ прошли три дня, самыхъ страшныхъ, самыхъ мучительныхъ. Наконецъ, судно вошло въ портъ. Что происходило въ послѣдніе часы, какъ я очутилась на берегу и какъ пришла въ себя отъ глубокаго обморока, я ужъ не помню. Я смутно помню и то, какъ Петръ отвезъ меня въ какую-то грязную харчевню, совсѣмъ не туда, куда ему велѣлъ Григорій; какъ вечеромъ онъ пьяный ввалился ко мнѣ въ комнату, надѣясь найти во мнѣ беззащитную жертву; какъ я сопротивлялась ему своими послѣдними силами, пробуя воздѣйствовать на него и словами, и убѣжденіемъ и просьбами, и слезами, и, наконецъ, поднявъ крикъ о помощи, на который никто не отозвался, какъ будто въ домѣ никого больше не было, — какъ у меня помутилось въ глазахъ отъ отвращенія къ этому человѣку, къ его опьяненію и къ его животной похоти, и какъ потомъ въ комнату вдругъ ворвался Григорій. Онъ обыскалъ въ поискахъ за мною всѣ гостиницы въ порту и, наконецъ, отыскалъ мой слѣдъ. Онъ оттолкнулъ отъ меня пьяное животное, упалъ передо мной на колѣни и, рыдая, сталъ просить прощенія, — я сама не понимала, за что. На другое утро, какъ я уже вамъ говорила, явился священникъ и на скорую руку повѣнчалъ насъ, — я лежала, какъ мертвая, и ничего не соображала. Въ тотъ

же день я простилась съ Григоріемъ. Все это я помню такъ неясно и смутно, какъ будто это случилось не со мной, а съ другимъ человѣкомъ. Сейчасъ я совсѣмъ ужъ не та, что была раньше. Меня удивляетъ только, какъ я могу еще обо всемъ этомъ разсказывать. Но вы какъ будто силой заставляете себѣ исповѣдоваться. Чѣмъ это объясняется? Однако, мнѣ нужно итти. Пора ужъ!»

Марія обратила вниманіе на то, что по мѣрѣ разсказа Елизавета Петровна говорила все медленнѣе и въ концѣ концовъ стала останавливаться почти на каждомъ словѣ. Кромѣ того и голосъ ея становился все тише, такъ что послѣднія слова Марія разобрала съ величайшимъ трудомъ. «Вы хотите уйти?» спросила она. «Куда же? Вы сами сказали, что вамъ итти некуда?»

«Конечно, некуда. Но все равно, уйти я должна».

«Какъ вы вообще попали въ Кисловодскъ? Вы пріѣхали вмѣстѣ съ нимъ, съ княземъ Григоріемъ?»

«Нѣтъ, нѣтъ. Между нами состоялось молчаливое соглашеніе, что мы больше не увидимся. Развѣ я этого не сказала? Когда онъ уходилъ отъ меня, я знала, что онъ не вернется больше на судно и уѣдетъ на Кавказъ. А ему было извѣстно, что я проѣду въ Кіевъ, гдѣ сестра моя замужемъ за чиновникомъ. Онъ оставилъ мнѣ денегъ, но я отдала ихъ всѣ своему шурину. Я жила, какъ въ чаду. Я знала, что ожидаетъ Григорія. И вотъ въ одинъ прекрасный день получила телеграмму, чтобы я тотчасъ пріѣхала. Не отъ него — а отъ Елены Николаевны. Она надѣялась, навѣрное, что я сумѣю его спасти. Вы можете себѣ представить, въ какомъ онъ былъ состояніи, если она рѣшилась вызвать меня, — меня! Но было уже поздно. Хотя я, все равно, едва ли спасла бы его, наши пути разошлись такъ далеко, какъ будто мы никогда другъ друга не знали. Очень тяжело, конечно, что онъ погибъ, не оставивъ никакого слѣда по себѣ, ни письма, ни привѣта. — Ну, я пойду. Пора!»

Сквозь щели ставень пробивался тусклый разсвѣтъ. Елизавета поднялась. Марія попросила ее взять съ собой пальто: утро очень холодное, да и кромѣ того ее, можетъ быть, не впустятъ въ гостиницу.

Она молча отказалась. Ее охватило вдругъ какое-то злое упрямство и болѣзненюе нетерпѣніе. Когда взволнованная ея разсказомъ и проникнутая самымъ искреннимъ чувствомъ, Марія тоже встала и хотѣла подойти къ ней, чтобы взглянуть на ея блѣдное страдальческое лицо, она неожиданно обернулась и быстро скользнула въ дверь Марія не успѣла даже протянуть ей руку и застыла на одномъ мѣстѣ. Холодъ и жаръ проникли къ ней въ душу, у нея было чувство, будто передъ ней разверзлась земля и поглотила огромную гору и будто вѣтеръ свиститъ еще надъ разверзшейся бездной. Она вздохнула, какъ та, — тяжело и трепетно. Потомъ бросила взглядъ на спящихъ дѣтей, и ее сразу охватило чувство ея неисчерпаемаго богатства. — Каждое изъ этихъ существъ было отраженіемъ драгоцѣннаго облика, каждое — само по себѣ живое, драгоцѣнное благо. Она вздохнула еще разъ, но вздохъ этотъ прозвучалъ уже по-иному.

Она легла опять спать, но едва закрыла глаза, какъ раздался въ дверь сильный стукъ, и на порогѣ показался Ефимъ Леонтьевичъ вмѣстѣ съ солдатомъ. Солдатъ заявилъ, чтобы они скорѣе отправлялись на вокзалъ, вагонъ уже приготовленъ. Тотчасъ же разбудили дѣтей, уложили наскоро вещи, и минутъ черезъ десять процессія во главѣ съ солдатомъ вышла на безлюдную улицу. Они миновали скоро станцію и пошли дальше вдоль полотна. Утро было туманное и свѣжее. Марія подозвала къ себѣ взглядомъ Ефима Леонтьевича, поблагодарила его за самоотверженныя услуги и сказала, что ей очень тяжело съ нимъ разставаться. Но она надѣется, что жизнь когда-нибудь опять сведетъ ихъ и тогда она сумѣетъ дѣйствительно его облагодарить.

«За что вы благодарите меня, Марія Яковлевна?» отвѣтилъ онъ. «И почему вы хотите, чтобы я съ вами разстался? Все, что мнѣ нужно, у меня тутъ съ собой», онъ указалъ на небольшой узелокъ, который несъ вмѣстѣ съ ея чемоданами; «зачѣмъ же мнѣ здѣсь оставаться, мнѣ хорошо будетъ съ вами и въ другомъ мѣстѣ. Вы бѣжите отсюда, позвольте и мнѣ бѣжать вмѣстѣ съ вами. Если васъ тяготитъ мое общество, я могу держаться и въ сторонѣ. Смотрите на меня, какъ на чужого, — вѣдь съ вами будетъ немало чужихъ. Хотя я и не рискую считать себя вашимъ надежнымъ защитникомъ, но все-таки я никогда

въ жизни не простилъ бы себѣ, если бы покинулъ васъ сейчасъ при такихъ обстоятельствахъ. Позвольте же мнѣ быть при васъ и будьте увѣрены, что я вамъ въ тягость не буду».

Она не возражала. «У меня заняты обѣ руки, я не могу даже васъ поблагодарить», сказала она съ привѣтливой улыбкой. «Вы рѣдкій человѣкъ, Ефимъ Леонтьевичъ! Чѣмъ я могла снискать вашу преданность? Вы меня такъ мало знаете».

«Я знаю васъ лучше, чѣмъ вамъ кажется,» отвѣтилъ онъ и покраснѣлъ. «Я думаю много о васъ».

На рельсахъ показался человѣкъ въ соломенной шляпѣ и возбужденно замахалъ имъ рукой «Это Менассе», сказала Марія, «какъ хорошо, что онъ самъ тутъ».

Менассе проявлялъ величайшее нетерпѣніе. «Здравствуйте, генералъ», поздоровалась съ нимъ Марія. Онъ упрекнулъ ее за то, что они опоздали, всѣ остальные расположились по мѣстамъ, — если съ самаго начала не будутъ исполнять его приказаній, неминуема полная катастрофа. Онъ отчаянно жестикулировалъ передъ площадкой пассажирскаго вагона, единственнаго въ длинномъ рядѣ теплушекъ. Окна были завѣшаны наглухо. Внутри вагона была масса народа: всѣ старались отвоевать себѣ мѣста. Менассе вступилъ въ споръ съ какимъ-то пожилымъ господиномъ, окружившимъ себя грудою чемодановъ; набросился на даму, пожелавшую навести у него какую-то справку; метался изъ отдѣленія въ отдѣленіе и самъ еще больше увеличивалъ безпорядокъ; выбросилъ въ корридоръ чью-то картонку, снялъ съ себя въ пылу негодованія соломенную шляпу и ожесточенно размахивалъ ею въ воздухѣ; кричалъ безпрестанно своимъ пронзительнымъ голосомъ, что требуетъ полнаго подчиненія, что попросту броситъ всѣхъ на произволъ судьбы, если не будетъ соблюдена строжайшая дисциплина. «Кто это съ вами?» грубо спросилъ онъ Марію и указалъ пальцемъ на Ефима Леонтьевича. Марія отвѣтила ему спокойнымъ тономъ, добродушно взглянувъ на него своими близорукими глазами: «Господинъ Менассе, я была бы положительно счастлива, если бы вы перестали кричать. У меня вы всего достигните гораздо скорѣе спокойнымъ и

вѣжливымъ тономъ. Вы согласны, не правда ли? Этотъ молодой человѣкъ ѣдетъ вмѣстѣ со мной, я ручаюсь и за его благонадежность и за то, что вамъ будетъ уплачено. А вообще не будемъ ссориться, господинъ Менассе». Она улыбаясь протянула ему руку. Онъ, нѣсколько озадаченный, пожалъ ее наскоро и мгновенно исчезъ.

Посадка была въ пять часовъ утра, а въ десять поѣздъ уже двинулся въ путь, — на западъ, черезъ горы, по направленію къ морю. Ѣхали очень медленно, не скорѣе, чѣмъ на лошадяхъ. Суета мало-помалу улеглась. Менассе не переставалъ наводить порядокъ. Особенно не давали ему покоя сновавшія повсюду дѣти. Когда поѣздъ останавливался, онъ взволнованно бросался къ окну и смотрѣлъ въ щелку; всѣ напряженно молчали, но онъ тѣмъ не менѣе протягивалъ руку, какъ дирижеръ, требующій отъ своего оркестра фермато. Марія знала только нѣкоторыхъ своихъ спутниковъ: одного московскаго фабриканта, помѣщичью семью изъ Тулы, венгерскаго барона, графа и графиню Духорскихъ изъ Петербурга, директора кіевскаго банка и двухъ пожилыхъ дамъ, жившихъ тоже въ Паластъ-Отелѣ. Становилось жарко. Дѣти просили кушать, и приходилось подолгу рыться въ вещахъ. Когда нужно было кормить Ваню, Марію загораживали Арина и Настя. Вдругъ часовъ около четырехъ поѣздъ остановился въ открытомъ полѣ. На нѣкоторое время воцарилось молчаніе, потомъ вдругъ послышался пронзительный голосъ Менассе. Митя пошелъ на развѣдку и сообщилъ: «Тамъ какіе-то люди. Велятъ всѣмъ выходить». Его слова вызвали панику. Дѣло обстояло слѣдующимъ образомъ. Поѣздъ остановила бродячая банда, человѣкъ въ тридцать, сорокъ. Главари потребовали у Менассе документы. Тотъ рѣшительно отказался. Не испугался онъ и угрозъ. И уступилъ только, когда его собирались избить. Всѣ паспорта были при немъ. Показавъ ихъ, онъ вступилъ въ переговоры съ начальникомъ. Нѣсколько бандитовъ зашли уже въ вагонъ и начали выгонять пассажировъ. Выяснилось, что они просто захотѣли воспользоваться удобнымъ способомъ передвиженія и завладѣть вагономъ. Пассажиры безпрекословно подчинились, только нѣкоторыя женщины начали плакать. Графиня Духорская съ невыразимымъ презрѣніемъ на лицѣ стояла посреди груды вещей, усѣ-

явшихъ цвѣтущій лугъ передъ рельсами. Менассе продолжалъ горячо убѣждать угрюмаго начальника банды. Но тотъ только качалъ головой. Онъ не пуститъ ни одного человѣка ни въ пассажирскій вагонъ, ни въ теплушки. Но, Господи — какъ же они останутся тутъ въ горахъ, безъ пропитанія, не зная ни пути, ни дороги?! Да ничего не подѣлаешь; пусть еще радуются, что, такъ дешево отдѣлались. Менассе сталъ предлагать деньги, но опять безуспѣшно. Онъ говорилъ съ начальникомъ то льстиво-вкрадчиво, какъ Яго съ Отелло, — то старался воздѣйствовать на его человѣческія чувства, какъ маркизъ Поза на короля Филиппа. Но все напрасно. Тутъ подошла къ нимъ Марія и заговорила спокойно, безыскусственнымъ тономъ собственнаго достоинства. Ея доводы были не болѣе убѣдительны, чѣмъ аргументы Менассе, но уже при первыхъ ея словахъ начальникъ, по виду простой крестьянинъ, побывавшій на войнѣ, сталъ ее слушать совершенно иначе, хотя и не поднималъ по-прежнему глазъ. На него подѣйствовала, очевидно, извѣстная вольность, соединенная съ большимъ знаніемъ народной души, — особые обороты ея фразъ, какъ будто она ему говорила: ты же самъ понимаешь; опомнись; дѣло обстоитъ очень просто, мы съ тобой сумѣемъ поладить. Все очень спокойно и трезво, какъ будто рѣчь шла о кукурузѣ или картофелѣ, но при всемъ томъ у нея былъ тонъ человѣка, привыкшаго, чтобы исполнялось все, что онъ хочетъ. Въ концѣ концовъ она добилась своего. Согласившись взять отъ Менассе деньги, начальникъ позволилъ размѣститься бѣженцамъ въ двухъ пустыхъ теплушкахъ. Менассе сказалъ только: «Вы дѣльная женщина. Ловко удалось вамъ устроить. Хотя особенно радоваться такому путешествію, конечно, нечего». Онъ принялся тотчасъ же снова командовать. По прошествіи часа всѣ болѣе или менѣе размѣстились, погрузили багажъ, заперли наглухо двери теплушекъ, заплюмбировали ихъ для большей безопасности, и поѣздъ тронулся дальше. Это путешествіе въ товарныхъ вагонахъ длилось три дня и четыре ночи. Вмѣстѣ съ Маріей помѣстилось двадцать семь человѣкъ, изъ нихъ двѣнадцать дѣтей. Въ теплушкѣ было совершенно темно и невыносимая вонь. Пассажиры расположились кое-какъ на сундукахъ и корзинахъ, вперемѣшку старики и больные. Ночью спать было немыслимо, днемъ страдали отъ голо-

да. Естественныя отправленія приходилось совершать тутъ же въ вагонѣ, что было невыносимой мукой и для себя самого, и для всѣхъ окружающихъ. Стукъ колесъ сливался въ убійственный грохотъ. На безконечныхъ остановкахъ царила мертвая тишина. Солнце, раскалявшее желѣзную крышу тѣсной тюрьмы, еще больше усиливало страданія. Больные стонали въ жару, и ихъ невольныя вскрикиванія вызывали всеобщій испугъ. Всѣ три мальчика лежали, тѣсно прижавшись къ Маріи. Она то и дѣло гладила ихъ рукой по лицу, чтобы убѣдиться, спятъ ли они и нѣтъ ли у нихъ жара. Она благодарила Бога за свое спокойствіе и хладнокровіе, хотя и сама недоумѣвала, откуда у нея столько терпѣнія. Она старалась занимать ихъ разговорами; обращалась часто и къ Ефиму Леонтьевичу Ваня былъ почти все время у нея на рукахъ; она смачивала ему личико и ручки одеколономъ, утѣшала Настю, страдавшую рвотой, бранилась съ Ариной, у которой были истерическіе припадки, обмѣнивалась привѣтливыми фразами съ сосѣдями и спорила съ непогрѣшимымъ Менассе относительно близости цѣли ихъ путешествія, небольшого портоваго города на Черномъ морѣ.

Однажды рано утромъ на какой-то станціи сострадательная рука проводника отворила дверь. Ворвавшаяся струя свѣжаго воздуха вернула всѣхъ точно къ жизни. Передъ глазами предстало дивное зрѣлище. Глубоко внизу синее море; вокругъ него послѣдніе отроги хребта, покрытые пышной растительностью, сады, виноградники, пиніи, апельсинныя деревья. Всѣ сразу смолкли; не было слышно ни звука. Люди были похожи на мертвецовъ. Глаза отвыкли отъ свѣта. Прекрасная панорама ихъ ослѣпила. Дверь осталась открытой: предполагалось, очевидно, что опасная граница осталась позади Но за нѣсколько станцій отъ города, Менассе сообщилъ, что портъ уже два дня находится въ рукахъ матросовъ. Пассажиры съ трепетомъ услышали всѣмъ извѣстное, страшное имя начальника матросовъ, Игоря Головина.

У Менассе были въ городѣ свои люди. Онъ извѣстилъ заранѣе о прибытіи эшелона. Поѣздъ остановили за городомъ, пассажировъ высадили и, какъ только стемнѣло, повели гуськомъ въ небольшую гостиницу на окраинѣ города. Больнымъ не могли оказать никакой по-

мощи: имъ пришлось самимъ итти пѣшкомъ. На улицахъ царила паника. Изъ порта доносились выстрѣлы.

Квадратное помѣщеніе, въ которое выходили двери всѣхъ комнатъ гостиницы, стало походить вскорѣ на складъ багажа. По лѣстницѣ то и дѣло поднимались носильщики и сваливали все новыя и новыя вещи. Бѣженцы суетились: каждый отыскивалъ свои сундуки и чемоданы. На ящикъ взобралось нѣсколько мальчугановъ и завязали драку изъ-за удобнаго мѣста. По ногамъ бѣгала съ пронзительнымъ визгомъ маленькая собаченка. Директоръ банка, прислонясь къ стѣнѣ, закурилъ папиросу. Графъ Духорскій вступилъ въ переговоры съ половымъ весьма нечистоплотнаго вида. Менассе потерялъ пенснэ и въ полномъ отчаяніи нырялъ между грудами багажа. Внизу послышался трубный сигналъ. Носильщики потребовали, чтобы ихъ скорѣй отпустили: повидимому, они торопились скорѣе убраться. Кто-то сообщилъ, что выходъ изъ порта закрытъ; другой принесъ извѣстіе, что на морѣ крейсеруетъ неподалеку германское судно. Поднялся неистовый шумъ и споръ изъ-за комнатъ, которыхъ всего навсего оказалось одинадцать. Изъ одной двери послышался голосъ Ефима Леонтьевича: «Марія Яковлевна, идите скорѣе сюда. Я для васъ занялъ комнату». Марія не могла протискаться и попробовала перелѣзть черезъ вещи. Но передъ Ефимомъ Леонтьевичемъ выросъ внезапно Менассе и зарычалъ: «Какъ вы смѣете тутъ кричать, милостивый государь? Если вы тотчасъ же не замолчите, я заткну вамъ глотку! Мы попали тутъ въ самое пекло, вы понимаете? Тутъ нужно Бога молить о спасеніи, а онъ еще смѣетъ кричать!» Марія обратилась спокойнымъ тономъ къ студенту: «Давайте попробуемъ разыскать наши тридцать вещей!» Онъ кивнулъ головой и озабоченно оглянулся. «Гдѣ дѣти?» спросилъ онъ.

Неожиданно на лѣстницѣ показалось трое матросовъ. Одинъ шелъ впереди, отличаясь отъ другихъ и наружностью, и костюмомъ. На немъ были ослѣпительной бѣлизны парусиновыя брюки и куртка элегантнаго покроя. Никакихъ знаковъ отличія на немъ не было, но во всей манерѣ держать себя было что-то повелительное, небрежное, но въ то же время и жестокое. Около него подобострастно завертѣлся хозяинъ, толстый татаринъ съ лицомъ, точно вылѣпяеннымъ изъ масла.

Матросъ былъ, повидимому, озадаченъ, увидѣвъ большую толпу и гору вещей. Картина, при свѣтѣ двухъ маленькихъ керосиновыхъ лампъ на стѣнѣ, была дѣйствительно очень печальная. «Что это за люди?» обратился онъ съ вопросомъ къ хозяину. «И что тутъ происходитъ?» Хозяинъ сталъ искать пугливыми глазами Менассе. Тотъ вышелъ впередъ и попробовалъ было принять независимый видъ. «Откуда? И куда?» презрительно и рѣзко спросилъ матросъ. Менассе запнулся. Матросъ перебилъ его: «О продолженіи вашей поѣздки не можетъ быть, конечно, и рѣчи. Вещи всѣ конфискуются. О дальнѣйшемъ узнаете завтра». Не обращая никакого вниманія на доводы Менассе, который объяснялся съ нимъ больше мимикой и жестами, чѣмъ членораздѣльною рѣчью, онъ крикнулъ хозяину: «Отведи мнѣ комнату». Когда хозяинъ задвигался безпомощно своимъ жирнымъ тѣломъ, другой матросъ пояснилъ ему нетерпѣливо: «Комнату товарищу Головину! Что же ты, свинья, нешто не слышишь?!» Трепещущимъ голосомъ хозяинъ отвѣтилъ, что всѣ комнаты заняты; пусть сами посмотрятъ; у него столько народу; осталась еще одна только комнатка на чердакѣ, но тамъ нѣтъ оконъ, да и перегородка вся сломана. Онъ не смѣетъ предлагать эту комнату Игорю Семеновичу. У его сосѣда неподалеку есть еще одна комната, очень хорошая, съ коврами, честь честью, съ коврами и съ картинками на стѣнѣ. Очевидно, онъ боялся принимать у себя важнаго гостя и во что бы то ни стало хотѣлъ отъ него избавиться. Но Головинъ перебилъ его грубо: «Чего городишь тутъ много, болванъ! Нѣтъ у тебя свободной комнаты, значитъ долженъ освободить. Что я просить тебя буду?! Вотъ, я беру эту комнату. И дѣло съ концомъ». Онъ указалъ на дверь, на порогѣ которой стояла Марія. «Простите», обратилась къ нему Марія, «но это послѣдняя комната для меня и дѣтей. Насъ семеро, а вы одинъ. Мы всѣ совершенно безъ силъ, мы только что совершили страшное путешествіе. Развѣ съ вашей стороны не было бы болѣе справедливо и великодушно провести одну эту ночь наверху въ маленькой комнаткѣ, разъ вы уже не хотите переходить въ другую гостиницу? Я не знаю, правда, съ кѣмъ я имѣю честь разговаривать. Но во всякомъ случаѣ, вѣдь вы же мужчина!»

Головинъ былъ, повидимому, озадаченъ. И недовольно нахмурилъ

брови. «Краснорѣчію васъ не учить», пробормоталъ онъ. «Зубы вы всѣ умѣете хорошо заговаривать. Стоитъ только презрѣнному кули показать свой кулакъ, какъ начинаютъ уже аппелировать къ его великодушію. Мы строимъ новую жизнь, сударыня. Кто вы такая? И что вамъ здѣсь нужно?»

На сей разъ пришлось удивиться Маріи: она не ожидала такихъ оборотовъ рѣчи отъ простого матроса, и ей пришлось призвать на помощь все свое самообладаніе. «Я Марія Яковлевна фонъ-Крюденеръ», назвалась она полнымъ именемъ и положила руку на головку Мити, который какъ бы въ защиту всталъ передъ нею. «Мой мужъ — помѣщикъ Тульской губерніи и царскій офицеръ, бѣжалъ заграницу. Я тоже хочу пробраться туда. Вы сами понимаете, что мнѣ нечего отъ васъ ожидать, — я могу васъ только бояться. Вы совершенно правы: нужда насъ всѣхъ обезличиваетъ. Хорошо: пусть новый строй испытаетъ себя прежде всего на дѣтяхъ и женщинахъ. Настя, Арина, помогите перенести вещи на чердакъ».

Головинъ состроилъ досадливую гримасу. «Вы ошибаетесь, сударыня», сказалъ онъ и положилъ руки въ карманы, «вы ошибаетесь. Я нечувствителенъ ко всѣмъ ухищреніямъ высшаго тона. На чердакѣ или въ бельэтажѣ, это не важно. Завтра васъ и всю вашу компанію предадутъ полевому суду. Вы были въ достаточной мѣрѣ неосторожны и признались только что въ намѣреніи спастись бѣгствомъ, — вамъ должно быть поэтому ясно, что васъ ожидаетъ. У насъ расправа короткая, сударыня: намъ нельзя терять времени. Можете поэтому оставаться здѣсь, если вамъ это такъ важно. Я не буду тревожить сейчасъ и остальныхъ. Изъ дому выходить, конечно, никому не разрѣшается. Въ остальномъ же до завтра вамъ всѣмъ предоставляется полная свобода». Онъ добавилъ это ироническимъ тономъ, обратившись къ столпившейся вокругъ него кучкѣ испуганныхъ бѣженцевъ. Менассе отчаянно размахивалъ руками, какъ хорошій пловецъ, стараясь оттѣснить напиравшихъ на него сзади слушателей и тѣмъ особенно подчеркнуть свое исключительное положеніе; при этомъ онъ подмигнулъ слегка Головину, словно желая дать понять, что онъ еще хочетъ переговорить съ

нимъ сепаратню и твердо надѣется на успѣхъ. Но Головинъ не обращалъ на него никакого вниманія. Повернувшись, онъ замѣтилъ Митю и сказалъ: «Хорошій мальчикъ. Жалко его. Ему придется трудно мириться со всѣмъ. Ты вѣдь будешь нашимъ, когда вырастешь, правда?» Въ первый разъ Марія поблѣднѣла и задрожала всѣмъ тѣломъ, когда Митя съ гордымъ возмущеніемъ восьмилѣтняго героя отвѣтилъ: «Нѣтъ, я всегда буду на папиной сторонѣ!» Головинъ разсмѣялся. «Хорошее воспитаніе, сударыня», сказалъ онъ и посмотрѣлъ на Марію. «Хорошее воспитаніе и хорошая кровь!» Онъ иронически раскланялся, не сводя съ нея взгляда, остраго, жестокаго, неотвратимаго взгляда, который съ холоднымъ спокойствіемъ пронизывалъ ее всю насквозь и все яснѣе и яснѣе обнаруживалъ свою затаенную цѣль. Марія выдержала этотъ взглядъ и опустила глаза, только когда замѣтила недоумѣніе остальныхъ зрителей. Головина окликнули его провожатые, и онъ повернулся къ нимъ. На лѣстницѣ показалось еще двое матросовъ. Они силой волокли за собой повара гостиницы; его обвинили въ шпіонствѣ: кто-то донесъ, что онъ подавалъ сигналы изъ окна кухни. Головинъ отдалъ приказаніе матросамъ, и они тотчасъ же связали его. Хозяинъ, къ которому несчастный поваръ обратился съ мольбой о защитѣ, вступился за него, но напрасно. Менассе между тѣмъ переговорилъ о чемъ-то съ графомъ Духорскимъ и венгерцемъ и подошелъ опять къ Головину. Дернулъ его слегка за рукавъ и опять фамильярно подмигнулъ ему глазомъ, нисколько не смущаясь угрюмаго пренебреженія матроса. Головинъ промолчалъ, но это опять не смутило Менассе, а придало ему, наоборотъ, еще больше храбрости. Считая цѣлесообразнымъ и здѣсь своей обычный образъ дѣйствій, онъ прямо назвалъ сумму, которая могла бы послужить основой для дальнѣйшихъ переговоровъ. Головинъ неожиданно положилъ ему руку на плечо и обратился къ стоявшему рядомъ съ нимъ матросу: «Знаешь, Максимъ Максимычъ, что задумалъ этотъ презрѣнный червякъ? Не больше, не меньше, какъ меня подкупить! Скажи-ка ему, что я стою. Чего добраго, у него языкъ прилипнетъ къ гортани, когда онъ услышитъ мнѣ цѣну». Менассе былъ окончательно сраженъ. Для него это было ново и черезчуръ неожиданно. Матросы съ хохотомъ стали спускаться по лѣстницѣ. Головинъ хо-

тѣлъ было пойти вслѣдъ за ними, но потомъ нерѣшительно остановился на первой ступенькѣ.

Вся эта сцена разыгралась очень быстро. Послѣднія слова Марія слышала уже издали. Она вошла въ комнату, гдѣ Евгенія и Арина приготовляли дѣтямъ постель. Она сѣла въ уголъ и поднесла къ груди неистово кричавшаго Ваню. Митя подошелъ къ ней, словно ожидая ея одобренія: онъ самъ сомнѣвался, правильно ли онъ поступилъ. «Ты велъ себя, какъ хорошій и храбрый мальчикъ», сказала она, но тотчасъ же перемѣнила разговоръ и освѣдомилась, гдѣ будетъ ночевать Ефимъ Леонтьевичъ. Студентъ рѣзалъ хлѣбъ для Алеши и Феди и подмигнулъ Митѣ, чтобъ онъ молчалъ. Марія ничего не сказала. Она была разсѣяна. Ея мысли были заняты цѣликомъ появленіемъ Головина. Его манеры, его жестикуляція, его проницательные, то безцвѣтные, то съ металлическимъ блескомъ глаза, худая высокая фигура, тонкій нервный ротъ съ рядомъ мелкихъ и чистыхъ бѣлыхъ зубовъ, быстрая рѣчь, голосъ, съ поразительной виртуозностью обнимавшій собой всѣ регистры, — все это не выходило у нея изъ головы, — ни каждая подробность въ отдѣльности, ни весь обликъ въ цѣломъ. Неожиданно дверь отворилась, и въ комнату вошелъ онъ самъ.

Ее всю охватилъ вдругъ ледяной холодъ. Ваня отъ злости задрыгалъ ножками, точно прекратилось вдругъ молоко. Стараясь защитить себя отъ назойливаго взгляда, она укуталась до шеи платкомъ и вопросительно посмотрѣла на Головина.

«Мнѣ надо переговорить съ вами наединѣ, Марія Яковлевна», сказалъ онъ холоднымъ офиціальнымъ тономъ.

Она удивилась и, пожавъ плечами, оглянулась вокругъ. Но онъ молчалъ и стоялъ въ ожидательной позѣ: она невольно повернула голову и молча подала знакъ Евгеніи, которая въ свою очередь окликнула Арину и Настю. Ефимъ Леонтьевичъ тоже понялъ: позвалъ мальчиковъ, и всѣ вмѣстѣ вышли изъ комнаты. Марія смотрѣла на матроса по-прежнему вопросительно.

Головинъ произнесъ: «Вашъ еврей-посредникъ принялъ меня за разбойника съ большой дороги и предложилъ мнѣ своего рода выкупъ.

Мнѣ кажется, вы къ этому тоже причастны. Если бы онъ не былъ мнѣ такъ смѣшонъ, я бы вздернулъ его еще сегодня на фонарномъ столбѣ».

«Онъ не мой посредникъ, и я не знаю, что онъ вамъ предлагалъ», холодно отвѣтила Марія.

«Это безразлично, сударыня, ваша причастность не подлежитъ никакому сомнѣнію. Всѣ тутъ въ равной мѣрѣ замѣшаны. Правда, очень наивно поручать роль застрѣльщика такому ничтожеству. Вы должны были бы это предотвратить. Но неужели эти ваши глаза возымѣли сразу обо мнѣ такое скверное мнѣніе? Почему же вы сами не воспользовались удобнымъ случаемъ и не позондировали почвы? По правдѣ сказать, я этого ждалъ. И то, что я вмѣсто этого вынужденъ былъ самъ сейчасъ къ вамъ явиться, не послужитъ вамъ въ пользу».

Марія взволнованно думала: на что онъ, собственно, намекаетъ?

Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы. Потомъ продолжалъ, уже болѣе размѣреннымъ и отчетливымъ голосомъ: «Я стоялъ тутъ у лѣстницы и думалъ: что это за странный голосъ? что это за странная женщина? Видалъ ты уже такое лицо? и какъ могло случиться, что не видалъ? Ну-съ, и вотъ мнѣ пришлось рѣшиться сдѣлать самому первый шагъ Это вамъ пріятно, не правда ли? Я прекрасно понимаю, конечно, что моя персона можетъ возбуждать въ васъ только одно отвращеніе. И несмотря на это я все-таки пришелъ къ вамъ. Пришелъ съ предложеніемъ заключить нѣчто вродѣ перемирія».

«Съ какимъ предложеніемъ?» наивно спросила Марія.

На его красномъ, мускулистомъ, закаленномъ отъ вѣтра лицѣ отразилась досада. Такъ какъ всѣ его нервы были напряжены до крайнихъ предѣловъ и властно требовали быстраго рѣшенія, то всякое промедленіе возбуждало еще больше его нетерпѣніе. Въ его голосѣ послышалась жестокость, когда онъ процѣдилъ сквозь зубы: «Ради васъ я долженъ былъ удовольствоваться комнатой на чердакѣ. Я полагаю, вы меня вознаградите за это».

«Вознагражу? То есть какъ? Что вы этимъ хотите сказать?»

«То, что вы должны пожаловать ко мнѣ наверхъ!»

«То есть какъ? Я васъ не понимаю».

Его лицо зло передернулось. «Я хотѣлъ бы, чтобы вы сегодня ночью оказали мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ», повторилъ онъ съ досадой.

Марія весело улыбнулась.

«Мнѣ это необходимо», продолжалъ онъ и выпятилъ впередъ нижнюю челюсть, «крайне необходимо,—я объясню вамъ потомъ, почему. Я забилъ себѣ въ голову, и совершенно безцѣльно разубѣждать меня въ этомъ. Лучше и не пытайтесь».

Марія опять улыбнулась. Подъ броней этой улыбки она съ головы до ногъ была сейчасъ свѣтской дамой. «Вы преувеличиваете мой интересъ къ чужимъ навязчивымъ мыслямъ», сказала она просто, «я не хочу даже пробовать».

Онъ подошелъ къ ней поближе. «Такъ это вашъ окончательный отвѣтъ?» спросилъ онъ неожиданнымъ тономъ любопытства.

Она кивнула головой. Ваня у нея на рукахъ громко заплакалъ. «Да бросьте-жъ ребенка», крикнулъ онъ на нее, «онъ мнѣ мѣшаетъ!» Марія погладила Ваню по спинкѣ, и тотъ замолчалъ. Головинъ уставился на ея руку. Она поспѣшно спрятала ее подъ подушку ребенка.

Минуты черезъ двѣ онъ снова началъ: «Отлично, давайте говорить съ вами на свѣтскій манеръ. Чего вамъ бояться?»

«Только своего мнѣнія о себѣ же самой».

«И больше ничего?»

«Нѣтъ, и еще. Я не могу допустить того, чего я впослѣдствіи могла бы стыдиться. Что бы со мной ни случилось, я обязана оправдаться передъ тѣмъ, кто имѣетъ право требовать отчетъ у меня».

«Вздоръ», пробормоталъ Головинъ. «Это похоже на то, какъ если бы я собирался повторить съ вами исторію съ boule de suif. Нѣтъ, шутить у меня нѣтъ ни времени, ни охоты». Онъ замѣтилъ ея удивленіе по поводу своего литературнаго оборота, но скорчилъ только недовольную гримасу. «Ваши опасенія неосновательны», сказалъ онъ, «и недостаточно остроумны. Я предлагаю вамъ выходъ, который можетъ

устроить васъ во всѣхъ отношеніяхъ. Я долженъ вступить съ вами въ переговоры объ участи вашей собственной персоны, вашихъ дѣтей и всѣхъ вашихъ спутниковъ. Если вы мнѣ отказываете, она, значитъ, тѣмъ самымъ окончательно предрѣшается. Въ противномъ случаѣ передъ вами рискъ, на который согласился бы всякій здравомыслящій человѣкъ».

«Зачѣмъ же нужны эти ночные переговоры на чердакѣ?» спросила Марія, покачавъ головой. «Назовите мнѣ ваши условія, и я вамъ скажу, пріемлемы они для меня или нѣтъ».

Онъ засмѣялся. «Нѣтъ, къ сожалѣнію, это не входитъ въ мои расчеты», отвѣтилъ онъ иронически. «Въ этомъ случаѣ я могъ бы съ такимъ же успѣхомъ вступить въ торгъ съ вашимъ усерднымъ евреемъ. Но это въ мои планы не входитъ. Цѣна, о которой могла бы тутъ итти рѣчь, не можетъ быть оплачена звонкой монетой. Рискъ рискомъ, сударыня. Было бы довольно нелѣпо, съ моей стороны, разыгрывать передъ вами роль Атиллы. Но какъ бы то ни было, а здѣсь въ городѣ я полновластный диктаторъ, и участь всѣхъ васъ въ рукахъ у меня одного. Ничего не подѣлаешь, дѣло обстоитъ именно такъ. Съ другой стороны, я понимаю прекрасно, что къ затронутому мною вопросу надо подходить деликатно, и если вы находите, что насиліе, оказываемое мною по отношенію къ вамъ, неприлично, я готовъ вамъ дать серьезное обѣщаніе. Я торжественно обѣщаю не подходить къ вамъ ни на волосъ ближе того, чѣмъ вы сочтете возможнымъ въ цѣляхъ вашего спокойствія и безопасности. Это слово я вамъ даю, и вы можете ему повѣрить. Если же вы откажетесь и послѣ этого, то отвѣтственность за всѣ послѣдствія ляжетъ цѣликомъ ужъ на васъ». Онъ повернулся на каблукахъ и направился къ двери. «Я жду васъ, Марія Яковлевна», сказалъ онъ. «Жду васъ черезъ часъ. Не медлите слишкомъ долго. Ночи очень короткія».

У Маріи былъ взволнованный видъ. Уже взявшись за ручку двери, онъ обернулся еще разъ къ ней лицомъ и сказалъ, опять поднявъ подбородокъ: «Я азартный игрокъ, но въ то же время и честный. Наша власть здѣсь, въ сущности, очень не прочна. Возможно, что утромъ намъ придется уйти. Поговариваютъ о приближеніи нѣмцевъ. Тогда мы

не успѣемъ, конечно, предать васъ суду и вы отдѣлаетесь однимъ только страхомъ. Подумайте надъ тѣмъ, что я поставилъ на карту, которую такъ неосторожно раскрылъ сейчасъ передъ вами. Подумайте какъ слѣдуетъ, — вѣдь, право же, это не лишено интереса».

Онъ исчезъ.

Въ комнату вернулись прислуги и дѣти. Поѣвъ немного предъ сномъ, всѣ моментально улеглись и отъ усталости сейчасъ же уснули. Студентъ расположился внизу подъ лѣстницей. Марія тоже легла на кровать. Но одѣтая. Неожиданно послышался стукъ. Менассе попросилъ разрѣшенія поговорить съ ней. Отказать ему было нельзя. Онъ интересовался, о чемъ она говорила съ Головинымъ. Всѣ спутники необычайно взволнованы. У нихъ съ души упалъ камень, когда они увидѣли, что это чудовище зашло къ ней въ комнату. Марія была совершенно безъ силъ. Но подала ему надежду на утро. Менассе заявилъ, что только она можетъ предотвратить неминуемую опасность. Графъ Духорскій просилъ передать ей свое безграничное уваженіе. Всѣ ждутъ отъ нея чуда. Евгеніи удалось, наконецъ, выпроводить болтливаго Менассе.

Марія уснула. Но скоро, точно по чьему-то приказанію, снова открыла глаза. Мгновенно пришла въ себя и вспомнила все, что съ ней было. Комната была залита свѣтомъ луны. Она взглянула на часы: половина двѣнадцатаго, она спала, значитъ, цѣлыхъ три часа. Она тихо встала, поправила прическу, привела въ порядокъ платье, достала изъ саквояжа кружевной платокъ, накинула его на плечи и вышла на цыпочкахъ изъ комнаты. Медленно поднялась по узкой деревянной лѣстницѣ. Наверху на площадкѣ была дверь. Она остановилась въ нерѣшительности, но въ эту минуту дверь отворилась, и передъ ней предсталъ Головинъ.

Не говоря ни слова, онъ попросилъ ее войти въ комнату. Тамъ не было свѣта, и она заколебалась. Но луна свѣтила настолько ярко, что видна была каждая щель въ полу, каждая паутинка. Комната была не шире оконной рамы и длиной съ желѣзную кровать. Кромѣ кровати тамъ стоялъ еще столъ и стулъ. Перегородка была частью сломана, и

полусгнившія доски торчали наружу. Въ окнѣ не было стеколъ. Виденъ былъ длинный рядъ низкихъ крышъ, залитыхъ свѣтомъ луны, и дальше зеркальная поверхность воды, въ которой тоже мерцалъ лунный дискъ.

«Если вы настаиваете, я могу зажечь свѣчку, хотя у меня всего только огарокъ», сказалъ Головинъ. «Я лично предпочитаю естественное освѣщеніе. Все время, что я здѣсь терпѣливо васъ ожидалъ, я старался представить себѣ ваше лицо въ лунномъ свѣтѣ. У меня романтическія замашки, не правда ли? Я дѣйствительно по натурѣ романтикъ. Снаружи немного грубый, но въ душѣ несомнѣнно романтикъ». Онъ засмѣялся.

Марія постояла мгновеніе, потомъ взялась за спинку стула. Онъ замѣтилъ: «У стула всего только три ножки. Онъ въ крайнемъ случаѣ пригоденъ для того, чтобы я на немъ балансировалъ. Мнѣ придется предложить вамъ сѣсть на кровати. I know that's a funny misfortune —, но все положеніе вообще настолько по существу щекотливо, что не стоитъ и придавать значенія такимъ внѣшнимъ условностямъ. Присядьте, пожалуйста».

Кровать была очень низкая. Марія сѣла и почувствовала, какъ сразу покраснѣла. Ей стало холодно отъ свѣжаго воздуха, проникавшаго въ разбитое окно, и она плотнѣе закуталась въ кружевной платокъ. Потомъ молча взглянула на Головина: въ ея большихъ темныхъ глазахъ съ характернымъ для близорукихъ пристальнымъ взглядомъ, мерцалъ влажный блескъ. «Кто вы, въ сущности говоря?» спросила она своимъ обычнымъ спокойнымъ и бодрымъ тономъ. «Я не могу отдѣлаться отъ чувства, что передо мной какой-то маскарадъ. Вы дѣйствительно матросъ по профессіи? Кто вы такой?»

Онъ небрежно присѣлъ на край стола и скрестилъ руки. «Итакъ, вамъ угодно мое „curriculum vitae?“ » спросилъ онъ съ улыбкой. «Маскарадъ? Нѣтъ. Пожалуй, я скорѣе сшитъ изъ лоскутковъ. Или еще вѣрнѣе, какъ капустный кочанъ, изъ множества листьевъ.» Онъ откашлялся и посмотрѣлъ въ окно: «Я понимаю: съ моей стороны было бы неделикатно не удовлетворить вашего любопытства. Но я постараюсь

быть краток въ своей автобіографіи. Родился я въ Варшавѣ. Отецъ поляк съ примѣсью нѣмецкой крови. Мать: англичанка, дочь пастора. Лѣтъ отъ роду тридцать шесть. Воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ. Надѣлалъ глупостей, былъ исключенъ. Шатался безъ дѣла, послѣ смерти родителей остался безъ всякихъ средствъ. Въ одинъ прекрасный день собрался съ духомъ: засѣлъ за электро-технику. Голодалъ; уѣхалъ въ Швецію, оттуда въ Норвегію. Устроился на китоловномъ суднѣ; провелъ двѣ зимы въ гренландскихъ льдахъ. Отправился въ Эдинбургъ. Сталъ тамъ монтеромъ. Удралъ въ Исландію и построилъ въ Рекьявикѣ электрическую станцію. Женился на дочери судовладѣльца. Уѣхалъ съ ней въ Лондонъ. Былъ ею обманутъ. Коротко расправился съ ней: пустилъ пулю ей въ голову и убѣжалъ.Въ Америку. Работалъ въ паровой прачешной; на угольныхъ докахъ въ Монреалѣ; на колбасной фабрикѣ въ Чикаго; въ Jllinois Railway Company. Былъ чертежникомъ и инженеромъ въ Санъ-Франциско. Выкинулъ фокусъ: соблазнилъ заразъ двухъ дочерей лѣсного короля. Былъ до полусмерти избитъ наемными негодяями. Провалялся полгода въ больницѣ. Уѣхалъ въ Парижъ; сталъ репортеромъ Нью-Іоркъ-Геральда; въ 12 году былъ посланъ въ Петербургъ. Примкнулъ къ революціонной организаціи. Въ 14 году былъ призванъ во флотъ. Сталъ любимцемъ команды. Участвовалъ въ переворотѣ и вотъ», онъ раскланялся вычурно, «достигъ высокой почести принимать у себя такую важную гостью.»

«Порядочно», съ улыбкой сказала Марія.

«Вамъ еще мало? Факты не исчерпываютъ всего содержанія. Почти всякая жизнь, и моя въ томъ числѣ, напоминаетъ неряшливо упакованный ящикъ. Когда мы опорожняемъ его, вещи далеко не имѣютъ той цѣнности, что была у нихъ до упаковки. Я не любитель перебирать старье. Лучше вбить въ ящикъ еще пару гвоздей».

«Вы идете впереди себя самого, съ самимъ же собой пускаетесь взапуски», замѣтила Марія.

«Вы только такъ говорите, но я сильно сомнѣваюсь, представляете ли вы себѣ истинное положеніе вещей», отвѣтилъ онъ. «Собственно говоря, у меня не было ни одного дня передышки. Знаете — вѣдь, въ сущ-

ности, я не помню ни одного часа, какъ вотъ сейчасъ, когда можно было говорить и вспоминать? Я все время былъ точно на кораблѣ, который на всѣхъ парусахъ уносился отъ бури. Шквалъ за шкваломъ; пробоина за пробоиной; всѣ у насосовъ; и въ концѣ концовъ всякій разъ отчаянный прыжокъ въ спасательную лодку. Все время въ трезвомъ опьяненіи; въ пьяной рѣшимости; съ дрожью во всемъ тѣлѣ. И въ безпощадной борьбѣ со всѣмъ, что становилось поперекъ дороги».

«Какъ ни какъ, а къ жизни у васъ былъ большой аппетитъ», сказала Марія и обнажила свои прекрасные зубы.

«Вы правы», отвѣтилъ онъ и кивнулъ головой. «Жизнь у меня не оставалась въ долгу, и я у нея тоже. Я изучилъ ее сверху донизу: и ветхій остовъ, и жалкое снаряженіе, и заржавленный механизмъ, и весь въ трещинахъ киль, и ненадежный канатъ: да, да, сверху до низу. А что касается экипажа: больные мозги, лихорадочное бѣшенство, — животное звѣрство. Удовольствіе не малое, Марія Яковлевна, прямо нектаръ для души. Бывали минуты, когда я съ упоеніемъ сидѣлъ, какъ возлѣ парового котла въ полномъ его напряженіи, и по пальцамъ могъ высчитать, черезъ сколько времени все это помпезное сооруженіе съ оглушительнымъ трескомъ взлетитъ въ воздухъ. Въ сущности, это были наипрекраснѣйшія минуты. Во мнѣ есть что-то отъ пророка, — во всякомъ случаѣ я хорошій діагностъ. Это пришлось мнѣ какъ нельзя болѣе кстати во время службы во флотѣ. Болѣе удобнаго очага для взрыва не нарисовать самому пылкому воображенію. Бочка динамита съ фитилемъ— игрушка въ сравненіи съ нимъ. Весьма поучительно было наблюдать, какъ неотвратимо сало влекло мышей въ мышеловку. Я искусно лавировалъ все время между повышеніемъ въ чинѣ и дисциплинарнымъ взысканіемъ. Они никакъ не могли меня захватить. Я не шелъ ни на какую приманку. Да и къ чему мнѣ было все это? Я понималъ, что у порохового погреба я какъ разъ занимаю надлежащее мѣсто. Своимъ друзьямъ я могъ въ точности предсказать день и часъ, когда взлетитъ мина въ воздухъ. И дѣйствительно въ назначенный день мы приставили къ стѣнкѣ и командира, и офицеровъ, и боцмана и вообще всѣхъ, кто носилъ погоны и знаки отличія. Расправа была, къ сожалѣнію, очень короткая,

— въ особенности по сравненію съ тѣмъ медленнымъ адомъ, который они всю жизнь уготовляли другимъ».

Онъ говорилъ совершенно спокойно, почти даже весело, словно разсказывалъ о какомъ-то спортивномъ подвигѣ; въ тонѣ его слышалось и легкое, полунасмѣшливое хвастовство. Онъ закурилъ папиросу, и при свѣтѣ спички его лицо показалось Маріи какимъ-то дѣтски-наивнымъ. Сложивъ руки на колѣняхъ, она сидѣла на кровати и не находила словъ.

«Удивительно, какъ сверкаютъ ваши руки при свѣтѣ луны», сказалъ Головинъ, «совсѣмъ, какъ бѣлый янтарь».

Она вздрогнула. «Вы пригласили меня для переговоровъ», сказала она, нахмуривъ брови, «таково было наше условіе. Я подчинилась вашему капризу, потому что въ концѣ концовъ отъ этого каприза завишу и я, и еще много людей. Перейдемте же къ дѣлу!»

«Меня удивляетъ, что вы такъ торопитесь», отвѣтилъ онъ ироническимъ тономъ. «Будьте довольны, что я такъ много мелю тутъ вамъ языкомъ. Мои намѣренія нисколько васъ не касаются. Или дѣйствительно вы такъ наивны и думаете, что я удовольствуюсь одной скорлупой и оставлю въ покоѣ зерно? Неужели вы пришли сюда въ убѣжденіи, что мы будемъ разыгрывать здѣсь съ вами дипломатію?!»

Марія поднялась въ тревогѣ. «Я думала, вамъ недостаточно весело на душѣ, чтобы играть комедію».

«Это не должно быть непремѣнно boule de suif,» цинично возразилъ онъ. «Мы можемъ повернуть дѣло и иначе. Это правда не такъ уже весело. Хотя большею частью все дѣло въ женщинѣ: веселье зависитъ почти всегда отъ нея».

Низкій грудной голосъ Маріи задрожалъ, когда она отвѣтила ему оскорбленно: «Между нами общаго нѣтъ ничего. Вамъ угодно шутить, а мнѣ, повѣрьте, совсѣмъ не до шутокъ. Вы восторженно пляшете вокругъ мірового пожара. Такъ и выбирайте себѣ партнершу, которая тоже все свое счастье видитъ въ дымящихся развалинахъ. Что вы отъ меня хотите?»

Онъ быстро подошелъ къ ней, поднявъ руки. «Прежде всего: сядьте. И не дѣлайте такого лица! Не бойтесь, я до васъ не дотронусь. Ей Богу, не дотронусь. Вамъ холодно? Хотите надѣть мою шинель? Нѣтъ? Ну, такъ сидите, сидите. Не хотите, не надо. Я понимаю, вы питаете отвращенiе къ моей шинели. Такая щепетильность простительна. А теперь слушайте».

Онъ придвинулъ треногiй стулъ и сѣлъ на краюшекъ, чтобы сохранить равновѣсiе. Положилъ руки на колѣни, нагнулся и выпятилъ снова нижнюю челюсть. Все съ какимъ-то страннымъ изяществомъ, съ неуклюжей ловкостью, съ грацiей сильнаго человѣка. «Два съ половиной года я не смотрѣлъ въ лицо женщины», началъ онъ и какъ-то по-дѣтски улыбнулся, «два съ половиною года не дышалъ атмосферой, окружающей женщину, не испытывалъ чаръ, исходящихъ отъ движенiй ея рукъ, отъ подыманiя и опусканiя ея вѣкъ, отъ раскрытiя ея губъ. Я дышалъ углемъ, вбиралъ легкими угольную пыль и мучительно выдыхалъ ее обратно вмѣстѣ съ воздухомъ, пропитаннымъ солью; я задыхался отъ тяжелаго воздуха въ казармахъ, отъ запаха пригорѣлаго масла въ кочегаркѣ. Я слышалъ скрежетъ зубовный, слышалъ проклятiя, на меня изливалась вся грязь со дна души человѣческой; я испыталъ всѣ страшныя, стенящiя, яростныя и злобныя муки огромной темницы — и проголодался. Проголодался не въ томъ смыслѣ, какъ вамъ это кажется. Я получилъ вѣдь все-таки воспитанiе, многое видѣлъ, я вовсе не хищникъ. Я не голоденъ, какъ человѣкъ, подыхающiй отъ недостатка пищи, пищи вообще. Ахъ, если бы въ этомъ было все дѣло! Столъ для другихъ полонъ вѣдь явствъ. Я голоденъ, какъ человѣкъ, воплотившiй передъ собой свой горячечный бредъ. Я присутствовалъ однажды въ Бостонѣ на спиритическомъ сеансѣ. Неожиданно въ голубоватомъ сiянiи явилось привидѣнiе женщины. Такой же, какъ вы, Марiя Яковлевна. Какая вы чудесная сейчасъ, когда сидите вотъ такъ предо мной и слушаете! Такъ вотъ: я рѣшительно пошелъ навстрѣчу призраку, не обративъ вниманiе на истерическiе вопли испуганныхъ участниковъ сеанса, протянулъ руки — и ощутилъ теплое мягкое человѣческое тѣло. Я хорошо помню еще, какое невыразимое наслажденiе испыталъ я, когда я коснулся этого теплаго мягкаго тѣла. Это чувство нисколько не

было меньше отъ того, что передо мною былъ призракъ. Наоборотъ, наслажденіе, очевидно, было дьявольски запретно и потому именно доставляю мнѣ такую божественную радость. Вы меня понимаете. Человѣкъ долженъ хвататься руками, даже когда вокругъ него появляются призраки. А призраки вокругъ меня мелькаютъ уже очень давно».

Онъ опять улыбнулся. Провелъ рукой по рѣдкимъ, зачесаннымъ вверхъ волосамъ. Какъ-то вдругъ постарѣлъ, опустился и сгорбился, но потомъ сразу сталъ опять молодымъ, гибкимъ и сильнымъ. Спустя минуту молчанія онъ снова началъ. «Поговоримъ еще немного о горячечномъ бредѣ и о томъ, какъ онъ создается. Представьте себѣ сотни людей, простыхъ, обыкновенныхъ людей, скученныхъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на одномъ мѣстѣ. Ихъ сотни, но въ цѣломъ своемъ они одиноки посреди океана. Ихъ давитъ военная плетка, гнететъ тяжелая служба. Подавлены всѣ влеченія, всѣ инстинкты. Представьте же себѣ на мгновеніе, что должно неминуемо получиться изъ этого. Я по натурѣ своей не знаю ни страха, ни отвращенія. Я стараюсь смотрѣть на вещи, какъ можно болѣе просто: разъ что-нибудь существуетъ, значитъ, такъ быть и должно. Но если человѣкъ буквально погрязаетъ въ міазмахъ, исходящихъ отъ всѣхъ его окружающихъ, то нервы его не выдерживаютъ. У мужчинъ при вынужденномъ воздержаніи появляется желаніе — молчаливое, глухое, мучительное, отравляющее и сжигающее все внутри нихъ. Ошибочно думать, что хорошее средство противъ этого — изнурительный трудъ и физическое утомленіе. Они отравляютъ и сжигаютъ еще больше: въ концѣ концовъ человѣкъ весь насквозь пропитывается яростной похотью и раскалывается на два существа, одинаково животныхъ по природѣ своей: одно--реальное, будничное, безутѣшное и другое, сгорающее въ пламени воспоминаній и неутоленныхъ желаній. Я никогда не вѣрилъ въ существованіе мирныхъ Робинзоновъ: если такой Робинзонъ человѣкъ здоровый и сильный, не утратившій своего пола, то его попросту неминуемо ждетъ сумасшествіе. Или онъ долженъ убить въ себѣ часть своей жизни. Достаточно войти, напримѣръ, въ судовую казарму и посмотрѣть на каждаго изъ спящихъ въ отдѣльности. Вотъ одинъ: онъ лежитъ весь въ поту, съ большими, глубокими складками на лбу. Въ каждой такой складкѣ бездна похотли-

выхъ желаній. Но онъ въ восторгѣ, несчастный, онъ фантазируетъ; онъ изживаетъ всего себя въ своемъ порочномъ снѣ: ни въ одномъ мозгу самаго изощреннаго эротика не возникаетъ такихъ невѣроятныхъ возможностей. А вотъ другой, онъ извивается въ своихъ мукахъ страшныхъ желаній: онъ блѣденъ, какъ смерть, и впился зубами въ свои собственныя губы. А у третьяго видъ, какъ будто онъ карабкается на крутую скалу: онъ весь напряженъ, какъ натянутый канатъ и похотливъ, какъ обезьяна. Они храпятъ, цѣпляются за что-то скрюченными пальцами, сладострастно смѣются, шепчутъ чьи-то имена, обнимаютъ воздухъ, цѣликомъ растворяются въ хаосѣ горящихъ видѣній. Или еще хотя бы примѣръ. Я сижу среди нихъ; свободный отъ службы вечеръ; идетъ разговоръ; обмѣниваются привычными репликами; грубый намекъ за намекомъ; точно залпы изъ тяжелыхъ орудій, отъ которыхъ гудитъ только въ ушахъ. Скоро наступаетъ кульминаціонный моментъ: глаза разгораются, развязываются языки, говорятъ громко самыя невѣроятныя вещи, объ нихъ кричатъ, ихъ безстыдно размалевываютъ, — всѣ точно барахтаются въ горячей лужѣ, соперничаютъ другъ съ другомъ въ цинизмѣ, въ непристойности, — и при всемъ томъ ясно замѣтно, какія безконечныя муки доставляютъ имъ эти переживанія. А вотъ двое обмѣниваются между собой тайными взглядами. Мужчина съ мужчиной, все равно какъ мужчина съ женщиной. Они оба полны одной мыслью, оба прекрасно понимаютъ другъ друга, — и они далеко не единственные. Вамъ страшно? Я не хочу васъ пугать. Я хочу только нарисовать настоящій темный фонъ для моихъ свѣтлыхъ видѣній. Когда насытишься такимъ образомъ всѣмъ, что способно извергнуть изъ себя дно души человѣка, всѣ небесныя видѣнія становятся ясными и бѣлоснѣжными, какъ чистыя лиліи въ грязномъ зараженномъ болотѣ. Но до ангела надо умѣть дотянуться. Нужно все время тщательно закрывать свои поры, чтобъ не заразиться. Преждевременно сдаться, значитъ по-моему, убить тельца въ чревѣ матери. Монахъ, смакующій свои похотливыя видѣнія, тотъ же опытный сластолюбецъ. И святой Антоній былъ, пожалуй, величайшимъ знатокомъ тѣлесной любви. Болѣе жгучаго возбуждающаго средства, чѣмъ мукъ добровольнаго воздержанія, я представить себѣ не могу. Вообще же я сторонникъ разумной постепенно-

сти. Тамъ въ этомъ дьявольскомъ пеклѣ, на кораблѣ, я воспиталъ свой инстинктъ, — бережно взростилъ, какъ вскармливаютъ животное, на котораго возлагаютъ надежды въ смыслѣ вкуснаго блюда. Но на что, въ сущности, были направлены мои всѣ желанія? Трудно сказать. На опредѣленную гладкость кожи, на опредѣленную округлость бедеръ, на опредѣленную форму рукъ, на опредѣленную прозрачность жилокъ на вискахъ, на опредѣленную походку и взглядъ. Развѣ словами тутъ выразишь? Это только можно ощутить обоняніемъ, осязаніемъ, эпидермосомъ, нервнымъ токомъ. Хотите знать болѣе ясно: я хочу равную себѣ, равную по чувственной страсти. Короче говоря, Марія Яковлевна, вы именно та, кого я хочу».

Взглядъ Маріи упалъ на скорпіона, неподвижно висѣвшаго напротивъ нея на перегородкѣ, легкаго и граціознаго, лишеннаго всякихъ тѣней, точно японскій рисунокъ. Видъ насѣкомаго доставилъ ей облегченіе: какъ бы отдѣлившейся частью своей души она наслаждалась нѣжностью и красотой, забывая опасное и ядовитое, — оно было ей чуждо, она объ немъ впервые сегодня узнала. Она перевела глаза на Головина и сказала привѣтливымъ тономъ: «Какъ странно! Какъ только вы высказались, я стала сразу спокойной. Теперь между нами все ясно. Я испытываю къ вамъ даже чувство симпатіи. И все это благодаря одной только фразѣ, безразсудной, грубой, насильственной фразѣ. Совершенно неожиданно превосходство — и притомъ значительное — оказалось на моей сторонѣ».

«Я васъ не понимаю», пробормоталъ Головинъ, выходя изъ себя.

«Вы сказали, что вы хотите меня», продолжала Марія все тѣмъ же привѣтливымъ тономъ; «я отвѣчаю вамъ: хорошо, вотъ я. Пожалуйста».

Головинъ молча смотрѣлъ на нее.

Она замѣтила бодро и весело: «Развѣ можно взять человѣка, такъ просто безъ разсужденій? просто изъ прихоти? какъ берутъ яблоко съ дерева, къ тому еще изъ чужого сада? Неужели же можно взять женщину только потому, что чувствуешь аппетитъ и что игра стоитъ свѣчъ? Неужели она не что иное, какъ только лакомый кусокъ? Добыча? минутное наслажденіе? Если вы придерживаетесь такихъ взглядовъ — пожалуйста».

Головинъ поднялся, подошелъ къ окну и повернулся спиной. Луна освѣщала сейчасъ только маленькій кусочекъ стѣны.

«Неужели же вы думаете, что можете овладѣть мною?» продолжала Марія. «Вы можете меня подавить, глубоко опозорить, навѣки унизить, но не мной овладѣть. Предположите, что вы силой достигнете своей цѣли: что же, по-вашему, это буду я, Марія Крюденеръ, или попросту бездушная моя оболочка? Ставить ли людей къ стѣнкѣ или дѣлать изъ нихъ жертвъ случайной встрѣчи — въ сущности, совершенно одно и то же. Вы хотите меня имѣть! Имѣть — какое пошлое слово. И какъ можно имѣть, когда самъ ничего не даешь? Это скорѣе наполовину преступленіе, наполовину фантазія, но во всякомъ случаѣ большое убожество».

Головинъ продолжалъ молчать.

«Для меня расчетъ очень несложенъ», сказала Марія. «Я должна уплатить вамъ за свободу, а , можетъ быть, и за жизнь пятидесяти человѣкъ, среди которыхъ и мои дѣти, и я сама. Если вы настаиваете сейчасъ на своемъ предложеніи, то мнѣ не остается, повидимому, ничего другого, какъ согласиться на позорную сдѣлку. Впрочемъ, въ ней нѣтъ ничего особеннаго, ничего потрясающаго по сравненію съ тѣми великими событіями, которыя мы всѣ переживаемъ. Такова, вѣроятно, судьба, и съ ней придется мнѣ примириться. Время залѣчитъ рану, я въ этомъ не сомнѣваюсь. Но долженъ ли въ этомъ проявиться тотъ новый міропорядокъ, о котормъ, если не ошибаюсь, вы сами говорили сегодня? Мнѣ жаль васъ. Все это очень старо и слишкомъ обыденно».

Не отходя отъ окна, Головинъ отвѣтилъ ей глухимъ голосомъ: «Вы намѣренно искажаете смыслъ моихъ словъ. Это адвокатская логика. Вы женщина до мозга костей и потому пускаете въ ходъ весь арсеналъ своего краснорѣчія для борьбы съ тѣмъ, что само собой разумѣется. Я самъ хорошо вижу и тонко чувствую. Возможно, что мой компасъ немного попортился: стрѣлка мечется, повидимому, то вправо, то влѣво, какъ будто вблизи нея магнитное поле. Тѣмъ не менѣе я ясно почувствовалъ, что вы стараетесь окружить себя толстой броней. Въ этомъ-то и была для меня главная прелесть. Я долженъ отвоевать васъ. Передо

мною незримый противникъ. Сразиться лицомъ къ лицу мнѣ съ нимъ не придется. Но я его чувствую. Ощущаю. И вижу».

Маріей впервые овладѣлъ трепетный страхъ.

Онъ повернулся къ ней лицомъ и продолжалъ: «Каждымъ взглядомъ своимъ вы говорите объ немъ. Вы ходите, стоите, сидите, какъ онъ вамъ велитъ и какъ вамъ разрѣшаетъ. Но сейчасъ вы не задрожали бы, если бы мнѣ не удалось уже затемнить его образъ въ вашемъ сознаніи. Вы сильны, но меня оттѣснить вы не въ силахъ: скоро уже и онъ не сумѣетъ помочь вамъ, власть его ослабѣетъ».

«Все это одни только ухищренія съ вашей стороны, Игорь Семеновичъ», сказала Марія.

«Вы считаете меня, значитъ, попросту гнуснымъ насильникомъ или обыкновеннымъ бродягой? Мнѣ знакомы пути, ведущіе къ сокровенному пламени тѣла. Кто вамъ сказалъ, что я отказываюсь отъ медленной тайны сближенія? Отъ радостей постепенности? Отъ неожиданностей и всѣхъ тѣхъ сладостно-горькихъ мгновеній, которыя неразрывными узами связуютъ одно тѣло съ другимъ? Но, можетъ быть, я сумѣлъ бы, — можетъ быть, я дѣйствительно въ силахъ втиснуть эту волшебно- коварную постепенность въ рамки двухъ, трехъ часовъ, вмѣсто того, чтобы изъ вялости и недостатка порыва настолько растягивать ее, что между пресыщеніемъ и достиженіемъ остается столько же общаго, сколько между горделивымъ судномъ, только что спущеннымъ съ дока, и обломками, выкинутыми на берегъ послѣ кораблекрушенія».

«Возможно, что вы дѣйствительно способны на это», возразила Марія, «но вы никакъ не можете превратить одну вещь въ другую, — не можете опрокинуть весь законъ жизни».

Головинъ насмѣшливо улыбнулся. «Смотря какъ. Магическое искусство не знаетъ этихъ препятствій».

Марія замолчала и испуганно посмотрѣла на него.

«Вы упомянули о случайныхъ встрѣчахъ», продолжалъ онъ. «Я лично не вѣрю въ такія случайности. Дѣйствительно ли вы такъ ужъ твердо убѣждены, что васъ привело въ этотъ городъ и въ этотъ домъ простое сцѣпленіе случайныхъ обстоятельствъ, а не моя воля, мое рѣшеніе?

— Если хотите, мой флюидумъ? Но предположимъ, что это все-таки былъ только случай. Мы могли бы очутиться съ вами такъ же случайно и на необитаемомъ островѣ. Мнѣ приходится вернуться опять къ Робинзонамъ. Какой срокъ вы поставили бы себѣ до сближенія со мной? Если вамъ непріятенъ этотъ вопросъ, я предложу его вамъ въ другой формѣ: сколько времени молчала бы ваша кровь по отношенію къ нормальному, здоровому и сильному человѣку, если бы даже изъ хитрости или тонкаго расчета я не сталъ ее совсѣмъ разжигать? Сочли ли бы вы для себя особой заслугой сохранять свою святость ради какой-то призрачной вѣрности? Вѣрность, — что такое, въ сущности, вѣрность? Договоръ, узаконяющій тяжкое воздержаніе, — насиліе собственника, — замокъ противъ взлома, закрытыя уши, судорожно стиснутая рука».

«Я не хочу спорить съ вами обо всѣхъ этихъ тонкостяхъ», отвѣтила Марія. «Все зависитъ отъ того, загорится ли пламя отъ пущенной искры или нѣтъ».

«Вы правы», согласился Головинъ, подошелъ ближе, остановился въ темномъ углу комнаты и прислонился къ перегородкѣ, «вы правы. Мы въ нашемъ застывшемъ мірѣ разучились примѣнять вѣрные методы. Мнѣ приходилось въ Америкѣ имѣть много дѣла съ китайцами. Они хорошо знаютъ всѣ эти методы. У нихъ это искусство унаслѣдовано еще отъ прошлыхъ тысячелѣтій. Они смѣются надъ нашими ухищреніями, издѣваются надъ нашей неповоротливостью и толстокожестью, пожимаютъ плечи надъ тѣмъ, что мы именуемъ несчастной любовью. Подобно тому какъ на Востокѣ имѣется цѣлая разработанная система, дающая возможность самому слабому человѣку одержать побѣду надъ атлетомъ и заставить его пасть на колѣни, такъ тысячелѣтняя наука даетъ въ руки посвященныхъ и могущественную способность внѣдрять физическую любовь въ наиболѣе упорно сопротивляющійся матеріалъ. Физическую любовь, — точнѣе говоря, любовь вообще, если отрѣшиться навсегда отъ глупаго обычая европейцевъ уснащать всякими возвышенными красотами обыкновенныя явленія природы. Вы, можетъ быть, помните извѣстную скандальную исторію съ исчезновеніемъ въ Нью-Іоркѣ миссъ Голивудъ? Она считалась первой красавицей, окружена была толпой изысканныхъ поклонниковъ, была недоступна и пользова-

лась безукоризненной репутаціей. Въ одинъ прекрасный день она исчезла, — безслѣдно, таинственно. За указаніе ея мѣстонахожденія были назначены огромныя суммы, двѣсти сыщиковъ разыскивали ее по всей странѣ, но только спустя нѣсколько мѣсяцевъ ее нашли въ одномъ изъ самыхъ грязныхъ вертеповъ китайскаго квартала. Было арестовано множество китайцевъ, главный виновникъ скрылся безслѣдно. Красавицу водворили снова въ родительскій домъ, но узнать ее было немыслимо. Она не отвѣчала на разспросы окружающихъ; не могла приспособиться къ условіямъ прежней жизни; стала необычайно раздражительной и впадала нерѣдко въ состояніе болѣзненной угнетенности. Врачи не могли ничего съ нею подѣлать, безсильны были и всѣ ея прежніе друзья и вотъ въ то время, какъ были пущены въ ходъ всѣ усилія для ея излѣченія, ей удалось возстановить связь со своимъ соблазнителемъ. Въ одинъ прекрасный день она снова исчезла. Въ оставленномъ письмѣ она категорически заявила, что совершенно добровольно возвращается къ китайцу. Американское общество было, разумѣется, внѣ себя, потому что въ его глазахъ нѣтъ существа болѣе низкаго, чѣмъ презрѣнный китаецъ. Происшествіе вызвало огромную сенсацію. Мнѣ чужда, конечно, всякая расовая и кастовая ненависть, и поэтому я постарался использовать свои китайскія связи, чтобы выяснить себѣ этотъ загадочный случай, далеко не единичный, какъ пришлось мнѣ узнать впослѣдствіи. Это далось мнѣ не такъ-то легко. Китайцы вообще очень скрытный народъ; кромѣ того, по ихъ мнѣнію, въ этой области мы никогда не сумѣемъ понять другъ друга. У насъ съ ними въ корнѣ различное міровоззрѣніе. Но мнѣ повезло: я нашелъ себѣ превосходнѣйшаго учителя, утонченнаго, какъ морской песокъ, и мудраго, какъ старый опытный слонъ. Вы меня слушаете? Я плохо различаю ваше лицо. Вамъ не хочется познать эту мудрость и эту утонченность, ведущую въ таинственный лабиринтъ? Какая же мнѣ польза, если вы сопротивляетесь уже у самаго входа въ него! Изъ него вѣетъ загадочнымъ азіатскимъ сладострастіемъ. Оно не имѣетъ ничего общаго съ нашими крохотными страстишками и дозволенными чувствами. Въ этомъ смѣшеніи учености и наркотическаго угара самое главное, чтобы человѣкъ освободился отъ страха передъ глубочайшей низиной своего естества. Кто же

изъ насъ достигаетъ этихъ низинъ? Онѣ не доступны и величайшему преступнику. Можетъ быть, Достоевскій? Но и онъ не могъ освободиться отъ страха. Мой китаецъ развилъ мнѣ, между прочимъ, цѣлую философію чувственныхъ внушеній и вліяній. Самое овладѣніе живымъ инструментомъ играетъ уже второстепенную роль. Техника чрезвычайно индивидуальна, но наши женщины уже въ первой стадіи утрачиваютъ обычно всякую силу сопротивленія. Чѣмъ утонченнѣе воспитаніе, тѣмъ безпомощнѣе женщина. Я читалъ исповѣдь одной такой женщины—изумительнѣйшее произведеніе, которое мнѣ только когда-либо попадалось, смѣлое и безстрашное. Одна дама изъ хорошаго общества, жена профессора въ Филадельфіи, бѣжала со своимъ китайскимъ слугой. Въ своей исповѣди она писала о счастьѣ ужаса, о сладости угасанія, о томъ, что она не испытываетъ никакихъ угрызеній совѣсти, что свою душу, весь обманчивый миръ этой души она отдала за яркое пламя, которое ее охватило и въ которомъ мгновенія близкой смерти чередуются съ мгновеніями воскрешенія плоти. Это звучитъ для насъ очень дико и дѣйствительно не что иное, какъ особое проявленіе истеріи. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого ее нашли въ предмѣстіи Пекина безъ головы, съ отрубленной правой рукой. Все это, однако, побудило меня испытать науку на практикѣ. Успѣхъ былъ поразительный, — сказалась хорошая школа. Мнѣ недоставало, правда, конечной тайны. Чего бы я ни далъ за нее! Но мы слишкомъ широки для этого и слишкомъ поверхностны. Европейскій человѣкъ не достаточно тѣсенъ въ себѣ самомъ. Въ этомъ родѣ говорилъ, кажется, что-то и Митя Карамазовъ. Я произвелъ много опытовъ. Самыя необузданныя становились податливыми, какъ кроткіе агнцы. Ползали предо мной, какъ послушные черви. Быстро утрачивали всю свою духовную сущность: какъ будто изъ мозга ихъ удаляли ножомъ какіе-то центры сознанія. Насилія не приходится примѣнять никогда. Достаточно незамѣтно войти, незамѣтно опутать чудесное тѣло и овладѣть имъ, — разыграть роль раба, безмолвной тѣни, неотвратимаго второго «я», презрѣнной и отвергнутой части существа, коварной и соблазнительной химеры. И скоро человѣкъ весь въ твоей власти, выбраться назадъ онъ ужъ не можетъ. Тутъ есть ласки, какъ нѣжный бархатъ. Уши, вѣки глазъ, кончикъ каждаго пальца, каждый кусочекъ

кожи, — все получаетъ свое отдѣльное наставленіе, все дрессируется на спеціальную ласку, и все проникается глубочайшею благодарностью. Благодаритъ малѣйшій уголокъ любимаго тѣла. Каждая частица преисполняется своимъ особымъ сладострастіемъ, въ каждой пробуждается свой особый, ликующій отъ восторга, полатливый звѣрекъ. И въ объятіяхъ своихъ ты держишь тогда существо безъ стыда и безъ лжи, безъ души и безъ страха, непостижимое, какъ далекое небо. Марія Яковлевна,» его голосъ, опустившійся до тихаго шопота, снова окрѣпъ и, благодаря контрасту, прозвучалъ крикомъ: «Марія Яковлевна, если я проникну къ вамъ въ грудь и войду въ ваше сердце, оно все равно будетъ моимъ такъ или иначе. Бросимъ эти разсказы и воспоминанія. Все это міръ, какимъ онъ былъ и сотни тысячъ лѣтъ тому назадъ. Да, да, я проникъ въ вашу грудь, и тамъ нѣтъ уже больше прежняго облика, нѣтъ ни обѣта, ни вѣрности, — тамъ только любовь. Пусть я сгорю въ ней и погибну, если такъ быть должно, но только дайте мнѣ эту любовь».

Луна зашла. Стало совершенно темно. Марія поднялась, ощупью нашла столъ и достала свѣчу. Рядомъ съ ней были спички. Она зажгла огарокъ. Тревожно посмотрѣла на него и подумала, что его хватитъ ненадолго. «Любовь», прошептала она, «любовь!»

«Зачѣмъ вы убиваете слово, произнося его такимъ образомъ?» спросилъ ее Головинъ, не сходя съ мѣста.

«Я отметаю отъ себя только трупъ, убили вы его сами», серьезно произнесла она. «Убили навѣки».

«Мораль, нелѣпая мораль», замѣтилъ онъ, пожимая плечами. «Ударъ слишкомъ слабый. Я вамъ на него не отвѣчу».

Марія начала тѣмъ низкимъ голосомъ разсказчицы сказокъ, который уже однимъ своимъ звукомъ воплощаетъ все, что хочетъ передать: «Въ деревнѣ я слышала сказку о двухъ мужикахъ, Петрѣ и Никитѣ. Оба были бѣдные и никакъ не могли выбиться въ люди. Петръ отправился странствовать и пропадалъ нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, вернулся и принесъ домой мѣшокъ, полный золота. Откуда у тебя столько золота? спросилъ его съ жадностью Никита. Вырылъ въ землѣ, отвѣтилъ Петръ и началъ строить себѣ дворецъ. Никита разспросилъ его о доро-

тѣ, ушелъ, но черезъ нѣкоторое время вернулся усталый. Я заблудился, сказалъ онъ. Петръ пошелъ его провожать, подвелъ къ высокой горѣ и показалъ шахту: вотъ сюда тебѣ надо спуститься и рыть землю нѣсколько лѣтъ. Но опять, спустя короткое время, Никита пришелъ обратно съ пустыми руками и заявилъ: мнѣ не охота много лѣтъ копаться въ землѣ; дай мнѣ лучше часть твоего золота; такъ будетъ проще. Своимъ золотомъ я съ тобой не могу подѣлиться, отвѣтилъ ему Петръ, ты видишь, я строю дворецъ; надо же мнѣ платить рабочимъ! Помоги мнѣ строить, — тогда получишь часть золота».

Она замолчала.

«Ударъ немногимъ сильнѣе», съ улыбкой сказалъ Головинъ. «Вернувшись домой, Петръ долженъ былъ бы подѣлиться своимъ золотомъ».

«Какой толкъ былъ бы отъ этого Никитѣ?» съ жаромъ возразила Марія. «Онъ растратилъ бы свою долю и снова остался бы нищимъ».

«Расточать лучше, чѣмъ рыть много лѣтъ землю», настаивалъ на своемъ Головинъ, все еще улыбаясь и смотря на нее исподлобья.

«Расточитель — тотъ же воръ», сказала Марія. «Нужно работать, нужно рыть землю!»

«Нужно, нужно», насмѣшливо повторилъ Головинъ; глаза его заблестѣли. «А развѣ я не работалъ въ шахтѣ? Развѣ не рылъ я землю?»

«Можетъ быть, — но вы не искали въ ней золота, не слѣдовали примѣру Петра», возразила Марія, поднявъ правую руку, не столько въ знакъ протеста противъ его словъ, сколько въ защиту отъ его взгляда. «Если Петръ спроситъ васъ: что дѣлалъ ты въ шахтѣ?—вы должны будете отвѣтить ему: все, что идетъ противъ тебя, отравляетъ твое сердце, уготовляетъ страданія тебѣ и твоимъ ближнимъ. А Петръ между тѣмъ строилъ».

Головинъ ничего не отвѣтилъ. Онъ откинулъ голову назадъ къ перегородкѣ, продолжалъ улыбаться и искоса смотрѣлъ на нее. Ею овладѣло какое-то странное безпокойство и чувство стыда, поднявшееся откуда-то изъ глубины и охватившее постепенно все ея существо. Ей хотѣлось мгновенно исчезнуть. Въ концѣ концовъ она разсердилась и стала себя упрекать, зачѣмъ зажгла свѣчку. Сердце забилось

учащенно, горячая волна пробѣжала по спинѣ и за ушами. Она сама не понимала, что съ ней. Неожиданно онъ спросилъ ее, не трогаясь по прежнему съ мѣста: «Вы вѣрите въ конецъ?»

«Въ какой конецъ?»

«Не только въ конецъ Маріи Крюденеръ и Игоря Головина, — это и безъ того слишкомъ ясно. Я говорю о концѣ Россіи и Европы, о концѣ желѣзныхъ дорогъ и телеграфа, газетъ и книгъ, искусства, науки и политики, о концѣ міра, концѣ человѣчества, концѣ вообще всего сущаго. Вы вѣрите въ это?»

Марія опустила голову. Спустя немного она отвѣтила тихо: «Нѣтъ, не вѣрю. Я вѣрю въ вѣчную жизнь».

«Вѣрите ли вы въ возвращеніе?» спросилъ Головинъ, и улыбка его утонула въ тѣни, которую бросило на его лицо мигавшее пламя огарка.

«Что понимаете вы подъ возвращеніемъ?»

«Ничто вновь не повторяется», продолжалъ онъ, какъ бы не обративъ вниманія на ея вопросъ. «А все же каждое дыханіе въ человѣкѣ говоритъ о возвращеніи. Ничто не повторяется дважды, между тѣмъ какъ въ человѣкѣ живетъ неутолимая потребность въ вѣчномъ повтореніи. Опять, опять и опять, — вотъ слово, которое вселяетъ въ насъ слабость. Пока мы не преодолѣемъ его, до тѣхъ поръ мы всегда будемъ лишь игрушками въ рукахъ судьбы. И для васъ, Марія Яковлевна, никогда не вернется ужъ то, что было вашей гордостью, вашимъ достояніемъ, тѣмъ, что указывало вамъ вѣрный путь. Оно никогда не вернется. Никогда».

Закрывъ глаза, Марія рѣшительно покачала головой и сказала: «Вы ошибаетесь. Я убѣждена въ этомъ такъ же, какъ въ томъ, что утромъ взойдетъ снова солнце: оно вернется ко мнѣ».

«Въ васъ говоритъ сейчасъ увѣренность вопреки всякому чувству. Вы имѣли несчастье напасть на счастливый бракъ ,— иначе вы были бы женщиной, съ которой можно было бы пойти на баррикады. Какъ досадно, когда существо съ инстинктомъ орла опускается до роли насѣдки. Все, что было въ васъ благороднаго и способнаго на порывъ, замужество стиснуло въ узкую капсулу, и вы боитесь сейчасъ поше-

велиться, чтобы не разбить драгоцѣнную оболочку. По отношенію ко всему вы связаны завѣреніями, обязательствами, долгомъ, признательностью. Вы тщательно отгораживаетесь отъ всего, на что у васъ хватило бы силъ, если бы у васъ не отняли элементарной человѣческой свободы. Такихъ женщинъ, какъ вы, государство должно было бы націонализировать еще въ ранней молодости. Бракъ ихъ разрушаетъ. Все равно, какъ если насыпать песокъ въ драгоцѣнный часовой механизмъ. Когда потомъ является великій врагъ, тогда бываетъ уже поздно. Великій врагъ, верховный комиссаръ, прямой и неподкупный».

Она молчала. На ея лицѣ появилось выраженіе невыразимой задушевности, которая сразу поразила Головина.

«А въ великаго врага вы тоже не вѣрите?» спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ. Она молча посмотрѣла ему прямо въ глаза и ничего не отвѣтила.

«Рисовали ли вы когда-нибудь себѣ его обликъ?» продолжалъ онъ настороживишись и по-прежнему какъ-то странно насмѣшливо. «Навѣрное, да. Вѣдь у васъ сильно развитое воображеніе. Развѣ онъ не плѣнителенъ? не увлекателенъ? не соблазнителенъ? Развѣ онъ не похожъ на настоящаго любовника? Развѣ ему не доступны всѣ тайны, все написанное, все установленное, изученное и пережитое? И развѣ не проникъ онъ во все это сладострастія ради? Весь міръ полонъ имъ. Онъ призванъ смести накопившійся соръ».

«Да весь міръ полонъ имъ», сказала Марія. «Онъ кричитъ о справедливости — и убиваетъ; проливаетъ слезы состраданія — и убиваетъ; возвѣщаетъ прогрессъ и обновленіе — и убиваетъ; цѣлуетъ, обнимаетъ — и убиваетъ. Онъ не знаетъ пощады въ своей — любви». Она все еще смотрѣла на его горѣвшіе зеленоватымъ блескомъ глаза. Неожиданно свѣча зашипѣла и потухла.

Воцарилось продолжительное молчаніе. Марія почувствовала слабость въ колѣняхъ, подошла къ кровати и опустилась на край ея. Въ неподвижности Головина ей чувствовалась жуткая опасность. Въ окно забрезжилъ сѣрый свѣтъ, первый проблескъ наступавшаго утра. Она

не рѣшалась поднять глазъ. Она была точно скована желѣзнымъ кольцомъ.

Неожиданно послышался его голосъ: «Вы настолько богаты, что можете вычеркнуть одну ночь изъ своей жизни. Для васъ она не будетъ переживаніемъ, а я изживу ее тысячекратно. Объ этой ночи я не говорю, — она уже кончилась. Но предстоитъ еще вѣдь одна. Пусть даже не слѣдующая, пусть будетъ какая-нибудь другая. Я терпѣливъ».

Марія отвѣтила вынужденно, какъ будто слова ей продиктовалъ кто-то третій: «Ее не будетъ никогда».

Онъ началъ снова: «Мы словно два передовыхъ поста. Мы смѣло можемъ сравнить себя съ враждующими сторонами. Это звучитъ величаво. Итакъ, не выкупъ и не предательство, — можетъ быть, только жертва, которая сдѣлаетъ излишними много другихъ».

«Я не принадлежу себѣ. Ни одинъ мой волосъ не принадлежитъ мнѣ одной», возразила Марія.

«Вы сами чувствуете всю трусость въ этомъ отвѣтѣ. Развѣ есть физическое препятствіе, которое было бы непобѣдимо?»

«На этотъ вопросъ мнѣ не хотѣлось бы отвѣчать».

Тамъ, гдѣ препятствіе возникаетъ со стороны прошлаго, а не настоящаго, тамъ отказъ можетъ мгновенно смѣниться согласіемъ».

«Я вторично за сегодняшній день аппелирую къ вашему благородству». Она закрыла руками глаза.

Онъ продолжалъ: «Если бы вы прикоснулись своими губами къ моимъ губамъ, я представилъ бы себѣ, что я снова юноша и началъ бы сызнова. Возвращеніе, возвращеніе! Не бойтесь, я не сойду съ мѣста. Я буду благороденъ, какъ трубадуръ. Но мечтать вы не можете мнѣ запретить. Я грежу о томъ, что я держу вашу руку. Касаюсь ея только концами своихъ пальцевъ. Вы забыли, что вы мать, жена, важная дама, — сбросили съ себя всѣ проклятые знаки отличія изжитаго міра. Вы —только рука, вы вся въ одной лишь рукѣ. И за нее цѣпляются мои пальцы, съ ихъ кровью, мозгомъ, инстинктомъ, душой. Развѣ вы можете этому воспрепятствовать? Молчи, прекрасная рука женщины: я прони-

каю въ тебя, растворяюсь въ тебѣ, и ты раскрываешься передо мной, какъ чаша цвѣтка...»

Марія слушала его, ощущая внутри и вокругъ себя холодъ, но чувствуя въ то же время горячую волну, которая ей зетемняла сознаніе. Онъ не прикоснулся къ ней, — между тѣмъ ея рука была точно въ тискахъ. Мысли неслись безпорядочнымъ роемъ. Кровь приливала къ головѣ и струилась потомъ быстро къ сердцу. Ей казалось, что она говоритъ, но тутъ же она испугалась тѣхъ словъ, которыхъ вовсе не произносила. На нее взглянули вдругъ серьезные глаза Мити. Ея тѣло было ей чуждо; оно вселяло въ нее страхъ. Передъ ней предстали часы, но стрѣлки ихъ почему-то не двигались. Она посмотрѣла въ окно. «Скоро утро», прошептала она. На улицѣ послышались чьи-то торопливые шаги. Хорошо, что просыпаются люди, пронеслось у нея въ головѣ.

Съ едва замѣтной дрожью въ голосѣ Головинъ снова началъ: «Да, скоро утро. Конецъ перваго акта. Занавѣсъ. Какъ долго продлится антрактъ, неизвѣстно. Не въ этомъ, впрочемъ, дѣло. Какъ вы намѣрены впредь бороться со мной? Какъ разрушите вы ту власть, которую пріобрѣлъ я надъ вами? Вы окунетесь снова въ обязанности, будете разрѣшать важныя задачи, будете привлекать къ себѣ снова людей, начнете вновь строить надтреснутое зданіе, — все равно, на заднемъ планѣ всегда буду я, — тутъ не поможетъ никакая борьба и никакія старанія».

Въ призрачномъ свѣтѣ утра она различала его лицо. Оно напоминало сейчасъ сѣрое пятнистое покрывало. Она не могла ему ничего возразить. И въ своемъ удрученномъ раздуміи удивлялась только его внѣшнему облику: въ немъ была какая-то своеобразная свобода, какое-то странное изящество. Неожиданно послышался снизу протяжный и рѣзкій свистъ. Какъ насторожившійся песъ, Головинъ поднялъ голову. Подошелъ къ окну, вынулъ свистокъ и подалъ отвѣтный сигналъ. Вслѣдъ за этимъ послышался съ моря залпъ тяжелыхъ орудій.

«Ничего не подѣлаешь», сказалъ Головинъ, «приходится браться снова за старое». Онъ снялъ шинель со стѣны и набросилъ на плечи. «Путь вашъ свободенъ, Марія Яковлевна», добавилъ онъ съ легкимъ поклономъ. Марія поднялась Чувства облегченія въ ней не было.

«Два слова еще», сказалъ онъ, остановившись у двери. «Во-первыхъ: запомните разъ навсегда и молите судьбу, чтобы пути наши снова не встрѣтились».

«Нѣтъ. Они не должны больше встрѣтиться», отвѣчала она.

«И во-вторыхъ: нѣтъ въ мірѣ средства, которымъ вы снова обрѣли бы покой вашей души. Развѣ только мы еще разъ съ вами столкнемся. А это пока неизвѣстно».

Марія прислушалась къ его энергичнымъ шагамъ, когда онъ спускался по лѣстницѣ. Потомъ прижала руки къ груди и подняла вверхъ блѣдное лицо, на которомъ отразилась твердая вѣра.

Когда она спустилась внизъ, всѣ уже встали и приготовлялись къ дальнѣйшему путешествію. Въ радости по поводу ухода матросовъ, на нее не обратили никакого вниманія. Менассе велъ переговоры съ лодочникомъ, который предлагалъ шлюпку для перевозки всѣхъ пассажировъ. Марія между тѣмъ ясно почувствовала всю правду словъ Головина: ея путь былъ открытъ, но конечная цѣль этого пути стала неясной и темной.

АГЛАЯ.

Во время революціи, медленно развивавшейся въ Россіи въ позапрошломъ десятилѣтіи, произошло однажды въ Москвѣ кровавое уличное столкновеніе. Непосредственнымъ поводомъ къ нему послужила высылка тридцати пяти студентовъ и курсистокъ, торжественно справившихъ юбилей одного изъ своихъ славныхъ учителей, находившагося на дурномъ счету у полиціи, и подготовившихъ это чествованіе рядомъ тайныхъ собраній. Жестокая расправа коснулась нѣсколькихъ видныхъ московскихъ семействъ. Скорбь и возмущеніе множества доселѣ совершенно мирныхъ гражданъ создали въ обществѣ настроеніе, гораздо болѣе опасное, чѣмъ могло его вызвать выступленіе активныхъ политическихъ дѣятелей.

Среди лицъ, съ величайшей поспѣшностью высланныхъ изъ столицы, находилась молоденькая дѣвушка, Анна Павловна Надинская. Въ Москвѣ жилъ ея братъ Евгеній, офицеръ драгунскаго полка, красивый изящный молодой человѣкъ двадцати трехъ лѣтъ; ему предсказывали блестящую будущность. Онъ горячо любилъ сестру, она была самымъ близкимъ другомъ во всѣхъ его переживаніяхъ и чувствахъ. Когда онъ узналъ, что ее выслали, что ее отняли у него и у всего міра, что обрекли ее на тяготы и лишенія, неизбѣжно связанныя съ долголѣтнимъ пребываніемъ въ далекой Сибири, его горе было настолько велико и чувство справедливости настолько задѣто, что это сразу поколебало всѣ устои его существованія и онъ не могъ признавать уже того строя, которому

до сихъ поръ охотно служилъ. Когда черезъ нѣсколько дней его полкъ получилъ приказаніе выступить для подавленія вспыхнувшихъ въ Москвѣ уличныхъ безпорядковъ, онъ, совершенно неожиданно для себя самого и къ своему же собственному изумленію, покинулъ эскадронъ, во главѣ котораго ѣхалъ, соскочилъ съ лошади и быстро побѣжалъ по направленію къ баррикадѣ, сложенной изъ вырытыхъ камней мостовой, досокъ, телѣгъ, корзинъ и всякаго домашняго скарба. Онъ подалъ при этомъ знакъ защитникамъ баррикады: они не могли истолковать его ложно, тѣмъ болѣе, что перебѣжчики изъ военныхъ, даже во время самой борьбы, не были въ то время особою рѣдкостью. Не успѣлъ, однако, Надинскій взобраться на вершину баррикады, черезъ которую онъ хотѣлъ перелѣзть, какъ его поразили два выстрѣла, посланные ему вслѣдъ драгунами. По другую сторону баррикады онъ увидѣлъ протянутыя руки и сіяющіе благодарные взгляды, — они устранили послѣднія его колебанія. Онъ услышалъ и свое имя; его, значитъ, узнали. И ликованіе радостныхъ голосовъ вознаградило его въ мгновеніе смертельной слабости. Онъ повернулся, выхватилъ изъ кобура револьверъ и выстрѣлилъ въ солдатъ, отказываясь отъ нихъ навсегда своимъ негодующимъ сердцемъ. Потомъ повалился на грудь и судорожно впился пальцами правой руки въ плетенку стула, стиснутаго между досокъ баррикады.

Его тотчасъ же подхватили два молодыхъ человѣка и отнесли безъ сознанія на каменное крыльцо въ ближайшія ворота. Быстро растегнувъ мундиръ и сорочку Надинскаго, они оторвали кусокъ рубахи, перевязали раны, изъ которыхъ обильно струилась кровь и безпомощно оглядѣлись вокругъ. Невдалекѣ стояла повозка зеленщика. Владѣлецъ ея куда-то исчезъ; маленькая тощая лошадка точно застыла въ оглобляхъ. Быстро принявъ рѣшеніе, они спрятали офицера въ салатъ и капусту и прикрыли листьями. Одинъ изъ нихъ вернулся на баррикаду, а другой взялъ лошадь подъ уздцы, повелъ ее медленно по мостовой и черезъ нѣкоторое время, миновавъ нѣсколько улицъ, добрался до площади, гдѣ находились университетскія клиники. Введя лошадь съ повозкой въ просторный дворъ, онъ направился въ комнату ассистента, который тотчасъ же отдалъ распоряженіе перенести раненаго въ операціонный залъ. Рана оказалась тяжелая. Одна пуля только поцарапа-

ла шею. но другая зато проникла черезъ лопатку въ легкія, застряла въ тѣлѣ и требовала немедленнаго оперативнаго удаленія. Только на третьи сутки Надинскій пришелъ въ себя и долгое время не могъ сообразить, гдѣ онъ и что съ нимъ случилось.

Между тѣмъ полиція, благодаря цѣлой сѣти шпіоновъ, пронюхала, гдѣ находится молодой офицеръ, о поступкѣ котораго стало извѣстно всему городу. Въ клинику неожиданно явился приставъ арестовать тяжело раненаго. Его провели къ постели Надинскаго. Удостовѣрившись въ дѣйствительной серьезности его состоянія, онъ продолжалъ тѣмъ не менѣе настаивать на его выдачѣ и ссылался на полученное имъ письменное предписаніе. Во время переговоровъ съ нимъ дежурнаго врача, подошелъ какъ разъ профессоръ, бросилъ бѣглый взглядъ на апатичное лицо Надинскаго, еще почти дѣтское выраженіе котораго пробудило въ немъ участіе и симпатію, и заявилъ: «Если его сейчасъ тронуть отсюда, онъ не проживетъ и четверти часа. Для полиціи гораздо цѣлесообразнѣе выждать». Приставъ заколебался. Онъ поступилъ только недавно на службу и не успѣлъ еще очерствѣть. Кромѣ того цѣлая груда дѣлъ и обязанностей совсѣмъ закружила ему голову. Пораздумавъ немного, онъ согласился, наконецъ, оставить офицера въ клиникѣ до тѣхъ поръ, пока его можно будетъ увезти безпрепятственно.

Такимъ образомъ, на нѣсколько дней участь Надинскаго удалось отсрочить. За эти дни профессоръ принялъ еще большее участіе въ немъ и сумѣлъ заинтересовать его судьбой и другихъ вліятельныхъ лицъ. Нашлись друзья, вызвавшіеся устроить ему побѣгъ. Однажды утромъ его перенесли въ отдѣльную палату, гдѣ никого изъ больныхъ больше не было. Въ тотъ же вечеръ къ нему явился какой-то молодой человѣкъ; онъ рѣшилъ, переодѣвшись сестрой милосердія, перевезти раненаго въ Сокольники, хотя, въ сущности, при слабости Надинскаго и при непрерывно продолжающемся лихорадочномъ состояніи это было сопряжено съ рискомъ для его жизни. Но Надинскій согласился на его предложеніе: онъ хорошо понималъ, что оставаться — значитъ обречь себя на вѣрную смерть или, что пожалуй гораздо хуже еще, на вѣчную каторгу. И вотъ поздно ночью въ холодъ и снѣгъ — дѣло бы-

ло въ серединѣ марта — его отвезли въ Сокольники и помѣстили на дачѣ одного ученаго, не возбуждавшаго никакихъ подозрѣній со стороны полиціи. Но не прошло и сутокъ, какъ вѣрные люди, пробравшіеся подъ видомъ случайныхъ прохожихъ, въ домъ, гдѣ лежалъ Надинскій, сообщили хозяину, что полиція напала на слѣдъ офицера и что ночью его неминуемо арестуютъ Не оставалось ничего, какъ искать для него другого пристанища. Хозяйство ученаго, нѣмца по происхожденію, вела его сестра Анастасія Карловна, сердечная, добродушная старушка. Она уже больше сорока лѣтъ жила въ Москвѣ, имѣла большія связи и много знакомыхъ и пользовалась кромѣ того большой любовью среди простонародья. Она принесла Надинскому обѣдъ въ этотъ день, ухаживала за нимъ и старалась скрыть отъ всѣхъ его пребываніе на дачѣ. Ей пришлось позаботиться теперь для него о новой одеждѣ, и, когда смерклось, они при помощи незнакомаго ей человѣка, предложившаго свои услуги, перевезла офицера въ костюмѣ простого рабочаго въ домъ къ одному токарю. Тамъ онъ пробылъ всего одну ночь: уже утромъ хозяинъ возымѣлъ подозрѣніе и, побоявшись отвѣтственности для себя и семьи, отказался держать въ своемъ домѣ больного. Пятеро сутокъ таскали такимъ образомъ Надинскаго изъ дода въ домъ, — отъ токаря къ вдовѣ извозчика, оттуда къ каменьщику, къ садовнику и, наконецъ, въ квартиру одного молодого рабочаго. Каждый разъ черезъ нѣсколько часовъ люди догадывались, кому они оказали пріютъ; страхъ передъ полиціей превозмогалъ состраданіе, и они становились глухими ко всѣму краснорѣчію Анастасіи Карловны, усердіе которой между тѣмъ не ослабѣвало. Она проводила всѣ ночи подлѣ Надинскаго, — его нельзя было оставлять одного: приходилось переодѣвать его, мыть и дважды въ день перевязывать рану, которая заживала крайне медленно, благодаря постоянному передвиженію и постояннымъ волненіемъ. Когда же, наконецъ, и рабочій, котораго удалось подкупить деньгами и убѣжденіемъ, наотрѣзъ отказался держать у себя опаснаго гостя, Анастасія Карловна дѣйствительно отчаялась въ возможности спасти Надинскаго. Друзья, которые ей до сихъ поръ помогали, были вынуждены прекратить эту помощь: за ними слѣдила полиція, и каждый новый шагъ могъ ихъ совсѣмъ погубить. Она и са-

ма чувствовала опасность, грозившую ей со всѣхъ сторонъ. Въ послѣдній разъ она просьбами и убѣжденіями попробовала повліять на рабочаго: пусть онъ хоть на одну еще ночь окажетъ христіанское милосердіе, отъ этого зависитъ жизнь ея брата, — она выдавала Надинскаго за своего брата. Но тщетно: своими просьбами она еще больше разжигала подозрѣніе боязливаго человѣка, и въ концѣ концовъ добилась только того, что онъ далъ ей три часа сроку; если по истеченіи этого времени Надинскаго не уберутъ изъ его дома, онъ долженъ будетъ заявить полиціи.

Было три часа дня. Такимъ образомъ, до шести Анастасія Карловна должна была сыскать гдѣ-нибудь пристанище. Она пошла безцѣльно по улицамъ, заходила въ нѣсколько домовъ, но такъ и не рѣшилась ни къ кому обратиться, зная заранѣе, что ее всюду ждетъ отказъ или, бытъ можетъ, даже предательство. Неожиданно ей пришло въ голову помѣстить Надинскаго въ одинъ изъ тѣхъ домовъ, гдѣ находятъ себѣ пріютъ парочки. Тамъ не нужно предъявлять документовъ; если Надинскому удастся провести тамъ хоть двое сутокъ спокойно, онъ будетъ спасенъ. Такъ ей сказалъ врачъ, еще сегодня утромъ осмотрѣвшій больного. Онъ сумѣетъ тогда уѣхать изъ Москвы и добраться какъ-нибудь до границы. Но для того, чтобы привести въ исполненіе этотъ смѣлый планъ, ей необходима помощница, женщина, которая могла бы сойти за подругу любви и въ то же время была бы абсолютно надежна и въ достаточной мѣрѣ находчива. Она перебрала мысленно всѣхъ своихъ знакомыхъ, но не нашла никого, кто могъ бы взять на себя эту трудную миссію. Въ революціонныхъ кругахъ у Анастасіи Карловны связей не было, да и опасно было бы довѣриться человѣку, за которымъ и безъ того, можетъ быть, слѣдитъ ужъ полиція. Нечего было думать и о какой-нибудь простой женщинѣ или проституткѣ, которую можно было бы купить за деньги. Нѣтъ, тутъ нужна была только дама или барышня изъ общества.

Она была положительно безъ силъ отъ пережитыхъ за послѣдніе дни треволненій и, испытывая потребность хоть немного передохнуть, зашла въ первое попавшееся маленькое кафе. Тамъ былъ пріятный полумракъ; за маленькимъ столикомъ въ углу сидѣли двѣ дамы и пили

шеколадъ. Анастасія Карловна, не обративъ на нихъ никакого вниманія, сѣла неподалеку, но скоро замѣтила, что одна изъ сосѣдокъ, пожилая дама, посмотрѣла на нее пристально и привѣтливо поклонилась. Она узнала ее: это была Анна Ивановна Шмолль, жена генерала въ отставкѣ, несчастная глухонѣмая женщина, а рядомъ съ ней ея дочь Аглая, девятнадцатилѣтняя дѣвушка необыкновенной красоты. Анастасія Карловна бросила на нее взглядъ и сразу рѣшила: она должна мнѣ помочь, она и никто другой. Семью генерала она знала уже много лѣтъ, когда Аглая была еще маленькой дѣвочкой. Она удѣляла ей всегда много вниманія и подолгу съ ней разговаривала: еще тринадцатилѣтнимъ ребенкомъ она производила впечатлѣніе человѣка, обладающаго какими-то особыми качествами, какою-то особой силой. Что это были за качества и что за сила, она такъ и не могла себѣ дать отчета, сколько ни размышляла надъ этимъ. Мать же была самой заурядной женщиной, набожной, апатичной и простодушной, тупо покорившейся своей тяжелой болѣзни.

Анастасія Карловна присѣла къ нимъ за столикъ и, жестами и мимикой освѣдомившись у генеральши о здоровьѣ, начала тихо бесѣдовать съ Аглаей. Генеральша пристально слѣдила за движеніями ея губъ но, ничего не понимая, опустила скромно глаза и не мѣшала имъ своимъ любопытствомъ. Анастасія Карловна понимала всю рискованность своего плана. Ей нельзя было терять времени; она должна была говорить какъ можно короче, должна была въ нѣсколькихъ словахъ разсказать все, потребовать смѣлаго подвига, воздѣйствовать на затаенное человѣколюбіе Аглаи, но въ то же время и быть осторожной и осмотрительной, такъ какъ случайно могло рушиться все и малѣйшая неловкость могла испортить все дѣло. Аглая имѣла очень смутное представленіе о революціонномъ движеніи; она о многомъ догадывалась, но еще плохо разбиралась и понимала. Она жила еще въ мірѣ грезъ, въ воспоминаніяхъ о куклахъ и мечтахъ о красивыхъ вещахъ, окруженная льстивыми похвалами женатыхъ мужчинъ и успѣхомъ среди молодежи, но, какъ юная лань, которая чуетъ далекій охотничій рогъ, догадывалась о нароставшемъ движеніи, о неизбѣжной крови, страданіяхъ и смерти. Не отдавая себѣ яснаго отчета, она испытывала иногда

смутную потребность проявить себя въ чемъ-нибудь. Бывали минуты, когда она ощущала въ себѣ томящее безпокойство, безпричинную грусть, желаніе выйти изъ круга праздной беззаботности, въ которомъ протекала вся ея жизнь. Но она боялась свѣта, боялась людей, трепетала при видѣ каждой незнакомой руки, которая къ ней протягивалась; ей казалось, что все, находящееся внѣ предѣловъ ея дома и ея комнаты, некрасиво и грязно; она не могла безъ содроганія слушать разговоры постороннихъ на улицѣ, не могла читать газетъ, не испытывая чувства, будто вся окружающая жизнь, наряду со всей своей жуткостью и загадочностью, таитъ въ себѣ нѣчто позорное и позорящее. Это тяжелое, неотвратимое впечатлѣніе производило на нее и большинство книгъ и даже стиховъ, — пѣніе, которое ей приходилось слышать изъ окна ея комнаты, и случайные остроты знакомыхъ.

Она безмолвно слушала Анастасію Карловну. Ея прекрасное лицо то покрывалось густой краской, то снова блѣднѣло. Она не испытывала ни смущенія, ни соблазна неизвѣданныхъ переживаній, ни сладостнаго любопытства молодости, — она слышала лишь голосъ долга. Ничего другого не отражало и серьезное лицо Анастасіи Карловны. Ей не приходилось даже бороться съ собой: она сразу поняла, какъ должна поступить. Но только одно. Она была невѣстой. Шесть недѣль тому назадъ она обручилась съ однимъ господиномъ, петербургскимъ аристократомъ. Ея родители и близкіе друзья предрекали ей блестящее будущее, она сама была очень счастлива. И единственное, что ее смущало сейчасъ, была мысль объ этомъ человѣкѣ, котораго она искренне уважала. Но когда Анастасія Карловна, догадавшаяся объ ея колебаніяхъ, намекнула на это и постаралась ее успокоить, она нахмурила брови и заявила, что объ этомъ она и не думаетъ: ея женихъ никогда не заподозритъ, что она способна на какой-нибудь нехорошій или некрасивый поступокъ.

«Такъ вы согласны?» тихо спросила Анастасія Карловна, устремивъ взглядъ своихъ сѣрыхъ задумчивыхъ глазъ на руки дѣвушки.

«Согласна», такъ же тихо отвѣтила Аглая, не подымая головы. «Есть одно только препятствіе . . .»

«Какое же можетъ быть препятствіе, разъ вы согласны?» быстро прервала ее Анастасія Карловна съ фанатическимъ воодушевленіемъ въ голосѣ.

«Какъ мнѣ устроить, чтобы уйти изъ дому на двое сутокъ?» спросила Аглая, судорожно стиснувъ пальцы своихъ бѣлыхъ рукъ.

Анастасія Карловна задумчиво устремила взглядъ на тарелку съ пирожными.

«Есть одинъ только способъ», шопотомъ продолжала Аглая; «уйти не сказавшись и оставить мамѣ записку....»

«Да, записку, нѣсколько словъ, попросить ее никому не говорить, обѣщать, что по возвращеніи вы все ей раскажете. Но и вамъ придется потомъ хранить эту тайну, Аглая Николаевна», добавила она предостерегающимъ тономъ. «Вы должны будете навсегда объ этомъ забыть, какъ будто никогда ничего не случилось».

Аглая кивнула головой. Ея широко раскрытые глаза глядѣли задумчиво куда-то въ пространство. Анастасія Карловна подробно объяснила ей, какъ ей нужно одѣться, какъ вести себя, гдѣ и въ которомъ часу ждать и не преминула еще перевести потомъ разговоръ на шутливую тему, чтобы только вызвать улыбку на лицѣ Аглаи и разсѣять всѣ подозрѣнія матери. Наконецъ, она поднялась съ облегченнымъ сердцемъ и распрощалась.

Вернувшись къ Надинскому, она разсказала ему обо всемъ. Онъ лежалъ на диванѣ въ убогой комнаткѣ рабочаго. Выслушавъ ее, онъ пожалъ ей руку и сказалъ: «Моя жизнь не стоитъ такихъ усилій, Анастасія Карловна. Я конченный человѣкъ». Анастасія Карловна разсердилась на него, она ожидала другой благодарности, не такихъ разочарованныхъ словъ и принялась перевязывать ему рану. Надинскій тяжело вздохнулъ. «Что со мной будетъ?» сказалъ онъ усталымъ голосомъ, «я сталъ весь другой, и чувствомъ, и мыслями. Вокругъ меня точно одни привидѣнія, весь міръ куда-то ушелъ. Передо мной моя мать. Она не знаетъ еще ничего. Она сняла съ груди медальонъ и смотритъ на него. Она не знаетъ, что никогда больше не увидитъ меня, ей ничего еще неизвѣстно, но она уже плачетъ надъ моей фотографіей. А я, я

ничего не ощущаю. Мнѣ стало все безразличнымъ: во мнѣ умерла вся любовь».

Анастасія Карловна сочла его слова обычнымъ лихорадочнымъ бредомъ и только озабоченно покачала головой. Между тѣмъ стемнѣло, и въ ворота въѣхалъ экипажъ. Анастасія Карловна раздобыла для Надинскаго элегантный костюмъ, сама одѣла его, еще разъ хорошенько осмотрѣла и проводила внизъ. Въ экипажѣ сидѣла Аглая въ густой вуали. Анастасія Николаевна подала ей пакетъ съ перевязочнымъ матеріаломъ и сказала Надинскому, что черезъ два дня въ опредѣленный часъ и въ опредѣленномъ мѣстѣ будетъ ждать его на вокзалѣ, пока же займется раздобываніемъ для него заграничнаго паспорта. Потомъ назвала кучеру адресъ, кивнула еще разъ въ окно, и карета отъѣхала.

Аглая и Надинскій сидѣли молча другъ подлѣ друга. Положеніе было слишкомъ необычно, слишкомъ серьезно и слишкомъ опасно, чтобы у нихъ могло еще возникнуть чувство неловкости. При свѣтѣ рѣдкихъ фонарей, Аглая замѣтила, что онъ закрылъ глаза и что лицо его мертвенно блѣдно. Когда онъ сѣлъ въ карету, онъ подалъ ей руку, — больше ничего. Со своей стороны она чувствовала, что его близость ее не пугаетъ и что она можетъ молчать.

Домъ, къ которому они подъѣхали, находился на отдаленной, пустынной улицѣ. Надинскому пришлось собрать всѣ свои силы, чтобы выйти изъ экипажа. Онъ подалъ своей спутницѣ руку, но, въ сущности, она повела его, а не онъ ее. Онъ попросилъ отвести имъ двѣ комнаты и съ величайшимъ трудомъ поднялся по лѣстницѣ, стараясь все время вести себя, какъ опытный жуиръ, цѣликомъ поглощенный интереснымъ любовнымъ приключеніемъ. По обычаю дома свиданій, къ нимъ приставили для услугъ спеціальнаго человѣка. У лакея, въ ливреѣ съ серебряными галунами, были злобные, проницательные глаза на выкатѣ; съ толстыхъ мясистыхъ губъ не сходила все время застывшая, приторная улыбка. Аглая чувствовала, какъ при взглядѣ его у нея больно сжимается сердце. Онъ накрылъ на столъ и, точно съ видомъ собаки-ищейки, сталъ въ выжидательную позу. Между тѣмъ Надинскій съ напускнымъ хладнокровіемъ началъ выбирать кушанья, вина и шампан-

ское. Своимъ испытующимъ взглядомъ лакей какъ бы требовалъ, чтобы они были дѣйствительно тѣми, за кого они себя выдавали. Аглая была накрашена, въ платьѣ съ глубокимъ вырѣзомъ на груди. Она должна была вся преобразиться; дѣтскую невинность, которая обычно сіяла у нея на лицѣ, ей пришлось превратить въ нарочитое легкомысліе. Она должна была разговаривать, проявлять кокетство, смѣяться, обнимать Надинскаго за шею, садиться къ нему на колѣни, — должна была пускать въ ходъ обольстительные, чувственные жесты и мимику. Ей приходилось дѣлать все то, чего она никогда не видала, на что никогда не хотѣла смотрѣть, о чемъ думала всегда съ отвращеніемъ и трепетомъ и о чемъ имѣла лишь смутное понятіе изъ подслушанныхъ, вопреки волѣ ея, разговоровъ. Она должна была дѣлать все это, лишь бы ввести въ заблужденіе лакея, то и дѣло входившаго въ комнату съ тарелками, блюдами, бутылками и бокалами, ставившаго шампанское въ жбанъ со льдомъ, подававшаго кушанья и потомъ молчаливо, съ улыбкой за подобострастно опущенными вѣками ожидавшаго дальнѣйшихъ приказаній. Ей приходилсь дѣлать все это ради ослѣпительныхъ лампъ, ради пестрой мебели, ради большихъ зеркалъ на стѣнахъ, ради всего этого дома, мишурная роскошь котораго вызывала въ ея душѣ лишь глубокое возмущеніе. Но мало того: ей приходилось слѣдить и за тѣмъ, чтобы ея поведеніе не показалось почему-либо неискреннимъ и неестественнымъ: все должно было быть само собой разумѣющимся, привычнымъ и утонченнымъ, во всемъ должна была сказываться ея опытность и умѣніе. Ей приходилось кушать, пить вино и шампанское, и при томъ не только изъ своего бокала, но и изъ бокала Надинскаго: ему пить, конечно, было нельзя, но нельзя было оставлять бокалы и полными. Она до сихъ поръ почти никогда не пила и скоро почувствовала легкую дурноту. Ей стоило величайшихъ усилій не выходить изъ своей роли, которую она играла передъ лакеемъ съ такой огромной затратой энергіи и съ такимъ самопожертвованіемъ. Какъ только лакей выходилъ изъ комнаты, она вставала со стула: страшное напряженіе уступало мѣсто на ея лицѣ выраженію полной растерянности и пугливыхъ воспоминаній: у нея было чувство, какъ будто прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она ушла изъ дому. Надинскій смотрѣлъ на нее

тогда со скорбно-недоумѣвающимъ взглядомъ, старался уловить ея искренній взоръ, молчаливо страдалъ за нее, горячо обвинялъ себя и съ величайшимъ трудомъ заставлялъ себя снова изображать на лицѣ стереотипную улыбку, когда услужливый лакей входилъ опять въ комнату.

Наконецъ, со стола было убрано. Въ дверяхъ появилась горничная съ бѣлой наколкой на головѣ. Она была еще молода, но на видъ уже старая: ея лицо посѣрѣло отъ вѣчной жизни при искусственномъ свѣтѣ и въ плохо провѣтренныхъ комнатахъ. Она принесла воду, затопила печь и освѣдомилась, не угодно ли еще что-нибудь. Говорила она сладкимъ вкрадчивымъ голосомъ, но въ глазахъ ея сквозила ненависть къ высшему классу, ко всѣмъ, кто приходилъ сюда для того, чтобы предаться здѣсь торопливому, краденому наслажденію. У Аглаи темнѣло въ глазахъ, когда она должна была объясняться съ горничной: ей было стыдно своихъ ногъ, своихъ рукъ, своей шеи и плечъ. Но, наконецъ, и это испытаніе миновало. Она могла запереть дверь. Они остались одни. На башенныхъ часахъ пробило десять. Надинскій перешелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ стояла двуспальная кровать подъ голубымъ шелковымъ балдахиномъ, и изнеможенно опустился на нее. Только по прошествіи четверти часа Аглая смогла помочь ему раздѣться. Натянувъ на себя одѣяло, онъ легъ передъ ней съ обнаженною грудью. Вѣдь онъ человѣкъ, подумала про себя Аглая и почувствовала, какъ у нея къ глазамъ подступаютъ слезы. Съ затаеннымъ испугомъ она вспомнила вдругъ здоровое, краснощекое лицо своего жениха. Обмыла рану и наложила вновь перевязку. Надинскій ощущалъ ея нѣжныя руки, все равно какъ чувствуетъ во снѣ человѣкъ сладостное благоуханіе. Благодарить ее онъ не могъ; онъ боялся ея взгляда, боялся оскорбить ее своей благодарностью, ему хотѣлось, чтобы она смотрѣла на него, только какъ на безпомощное тѣло, безъ души и безъ облика. И въ то время какъ она, то съ содроганіемъ, то съ чувствомъ жалости, думала о томъ, что передъ ней живой человѣкъ, онъ то въ сладостной грезѣ, то въ страхѣ за нее, представлялъ ее себѣ тѣнью, безтѣлеснымъ созданіемъ.

Онъ уснулъ. Аглая сѣла въ кресло и замерла въ неподвижной позѣ. Она взяла съ собой изъ дому книжку, но знала, что не сумѣетъ, конечно, взять ее даже въ руки. Она попробовала отвлечь свои мысли,

подумать о матери, объ отцѣ, о подругахъ, о послѣднемъ балѣ, объ оперѣ, но не могла сосредоточиться: все сливалось передъ ней въ общую массу. Она слышала глубокое дыханіе Надинскаго, видѣла его красивое, блѣдное, изможденное страданіями лицо, но не могла сосредоточиться на мысли объ немъ, о человѣкѣ, котораго была призвана сейчасъ охранять. Ей казалось, что отъ ея кресла до его постели длинный загадочный путь. Она прислушивалась. Слышала легкій смѣхъ на лѣстницѣ и торопливые шаги по корридору. Черезъ стѣну доносились голоса, мужскіе и женскіе, доносились и сверху и снизу. Гдѣ-то звенѣли бокалы. Потомъ раздались звуки рояля. Заиграли вальсъ. Одна струна рояля, была, очевидно, порвана, потому что въ опредѣленномъ мѣстѣ мелодіи всякій разъ замѣчался провалъ, все равно какъ недостатокъ зуба во рту смѣющагося человѣка. Откуда-то донесся вдругъ крикъ, рояль сразу смолкъ, и у лѣвой стѣны послышался шорохъ. И затѣмъ вздохи, отъ которыхъ у Аглаи застыла кровь въ жилахъ. Она чувствовала запахъ духовъ, накопившійся въ запертыхъ комнатахъ, слышала шелестъ одежды, стукъ раскрываемыхъ и закрываемыхъ дверей. Звуки вызывали передъ ней образы, она была не въ силахъ избѣжать ихъ, дрожала всѣмъ тѣломъ и, содрогаясь, вынуждена была обращать на нихъ взглядъ. Такимъ она никогда не представляла себѣ міръ, такая жизнь не рисовалась ей никогда. Объятія въ темнотѣ, руки, чужія другъ другу и все же сплетающіяся между собой, страсть передъ ярко освѣщенными зеркалами, полное забвеніе стыда, разоблаченіе непознанныхъ чувствъ, опошленіе тайны, оскверненіе святости, опустошеніе затаенныхъ сокровищъ фантазіи,—она судорожно закрыла лицо руками, почувствовала на щекахъ своихъ слой румянъ, и сердце ея затрепетало отъ ужаса.

Надинскій открылъ глаза и простоналъ. Она прошла огромное разстояніе, которое, казалось, отдѣляло ее отъ него, и подала ему стаканъ воды. Прикоснувшись къ его лбу и почувствовавъ, что у него жаръ, она положила ему на голову мокрое полотенце. Онъ вдругъ проснулся и заговорилъ. Заговорилъ отрывистыми фразами, о клиникахъ, о профессорѣ, объ Анастасіи Карловнѣ. Аглая подавала ему изрѣдка нерѣшительныя реплики. «Завтра я настолько оправлюсь, что сумѣю уѣ-

хать отсюда», сказалъ онъ. Она возразила: «Это немыслимо. У васъ еще лихорадка, да и кромѣ того Анастасія Карловна будетъ ждать васъ только послѣ завтра въ семь часовъ утра». При этихъ ласковыхъ словахъ передъ нимъ раскрылась сразу ея душа, ея еще ничѣмъ до сихъ поръ не омраченная молодость, ея чистыя и сильныя своей непосредственностью чувства. Того, что она все время дрожала, онъ не замѣтилъ. Неожиданно опять раздались звуки рояля: кто-то игралъ одной рукой, рѣзко, бравурно и громко. Во все время игры Надинскій и Аглая смущенно смотрѣли другъ другу въ глаза. Было уже далеко за полночь. Внезапно внизу послышался сильный стукъ въ дверь. И вслѣдъ за нимъ пронзительный наглый звонокъ. Надинскій приподнялся слегка на постели. Пальцы его судорно сжались, во взглядѣ отразилась мрачная напряженность. Аглая встала и, затаивъ дыханіе, прислушалась. Рояль замолчалъ. Прошло немало времени, пока отворили дверь. Но вотъ послышались шаги на лѣстницѣ; оба въ отчаяніи устремили взглядъ на ручку двери, ожидая каждое мгновеніе стука въ ихъ комнату, стука, который долженъ былъ разрѣшить ихъ страшную участь. Голоса раздавались все ближе и ближе, но потомъ неожиданно смолкли. У нихъ отлегло немного отъ сердца. За эти три, четыре минуты они почувствовали между собой какую-то странную связь: ихъ силы и страхъ были направлены противъ одной общей цѣли, имъ казалось, будто какой-то неистовый вихрь поднялъ ихъ въ воздухъ и кинулъ въ объятія другъ другу, такъ что они должны были сплестись между собою руками, чтобы оказать другъ другу подержку и не ринуться вмѣстѣ на землю. Оба забыли о себѣ самихъ: Надинскій ощущалъ только ея смертельный страхъ, утрату счастья всей жизни, позоръ и ужасъ, — передъ Аглаей же предстала впервые грозящая ему опасность, и она смутно почувствовала, ради чего онъ принесъ себя въ жертву.

Между тѣмъ больной опять задремалъ. Крѣпко уснуть онъ не могъ: ему мѣшалъ яркій электрическій свѣтъ. Онъ стѣснялся сказать объ этомъ Аглаѣ, но по безпокойному подергиванію вѣкъ она сама поняла, что ему мѣшаетъ, встала, погасила лампу и зажгла въ сосѣдней комнатѣ свѣчку. Она тоже устала, — поздній часъ, точно парализующій ядъ, сковывалъ ея члены. Она оглянулась, нельзя ли прилечь гдѣ-ни-

будь. Въ этой комнатѣ постели не было, — стояла только кушетка. Но плюшевая обивка внушала ей отвращеніе. Противны были ей и кресла, и коверъ. У порога комнаты, гдѣ спалъ Надинскій, она отвернула конецъ ковра, разстелила на полу свою шубу и легла. Свѣча продолжала горѣть. Но лежа на полу, она какъ будто еще ближе слилась съ этимъ домомъ: въ неясномъ шумѣ слышались теперь отдѣльные звуки, восклицанія, смѣхъ, обрывки фразъ. Но наряду со всѣмъ этимъ она различала ясно и тихій стукъ снѣжинокъ о стекла оконъ и глубокое дыханіе Надинскаго: оно напоминало ей о принятой ею на себя большой отвѣтственности. Каждый вздохъ все тѣснѣе и тѣснѣе связывалъ ее съ его участью. Вся прежняя жизнь показалась вдругъ лишенною смысла; все, что она дѣлала, къ чему стремилась, о чемъ мечтала, стало вдругъ дѣтской забавой. Она, точно съ палубы корабля, смотрѣла съ тоскливымъ чувствомъ на уходящую родину. Ея сонъ чередовался съ минутами бодрствованія. Во снѣ она слышала, какъ Надинскій утѣшалъ ее и вселялъ въ нее бодрость; наяву до нея доносилось его лихорадочное хриплое дыханіе. Во снѣ она склонялась надъ нимъ и оберегала его; наяву она чувствовала подъ собой жесткій полъ комнаты и слышала чьи-то страстные женскіе вопли. Когда забрезжило утро, она увидѣла на коврѣ большую крысу. Она показалась ей фантастическихъ размѣровъ, она затрепетала отъ ужаса, когда животное зашевелилось. Она привстала на колѣни и съ тоской взглянула въ окно, въ щель между драпировками. Въ нее пробивался лишь смутный сѣрый свѣтъ утра; въ окнѣ противоположнаго дома ясно обрисовалось чье-то злое уродливое лицо. Ее охватило на мгновеніе чувство полной безпомощности, и она направилась къ постели Надинскаго, какъ бы ища тамъ защиты. Его правая рука безсильно свѣшивалась внизъ; на лбу блестѣли крупныя капли пота. Его лицо показалось ей какимъ-то странно чужимъ, незнакомымъ. Въ груди пробудилось ощущеніе болѣзненной ненависти. Но все же въ мірѣ не было никого больше, кто могъ бы смотрѣть на нее такимъ взглядомъ. Отъ него она могла многаго требовать, — безъ него для нея во всемъ мірѣ оставался одинъ только этотъ отвратительный домъ.

Когда они пріѣхали, они не сказали, сколько времени думаютъ пробыть въ комнатахъ. Обычно было не принято оставаться больше од-

ной ночи. Анастасія Карловна посовѣтовала имъ сдѣлать видъ, будто они проспали до полдня, и только потомъ заявить хозяину, что они намѣрены провести въ домѣ еще одну ночь. Это сдѣлать нетрудно, особенно если дать лакею и горничной по золотому. Но сейчасъ нужно было свѣжей воды для перевязки раны, да и кромѣ того необходимо было накормить Надинскаго. Съ другой стороны, они несомнѣнно обратятъ вниманіе прислугъ, если такъ рано позвонятъ и имъ трудно будетъ найти оправданіе своему намѣренію провести тутъ еще цѣлый день. Надинскій лежалъ съ открытыми глазами и размышлялъ, какъ поступить лучше. Потомъ попросилъ ее подать ему сюртукъ и вынуть изъ кармана бумажникъ. Двухъ золотыхъ, по его мнѣнію, мало, нужно дать пятьдесятъ рублей. Но Аглая замѣтила, что такая расточительность можетъ навести на подозрѣніе: что, если вдругъ явится хозяинъ и начнетъ допытываться? Дрожащими пальцами она держала передъ собою бумажку: никогда еще деньги не были для нея такою реальностью и въ то же время чѣмъ-то загадочнымъ и непонятнымъ. Они обсуждали спорный вопросъ съ напускнымъ хладнокровіемъ, но голоса ихъ звучали при этомъ какъ то странно и глухо. Замѣчаніе Аглаи о нагломъ выраженіи лица лакея неожиданно вызвало у Надинскаго реплику, болѣе ироническую, чѣмъ онъ самъ того хотѣлъ: она всегда жила, навѣрное, подъ стекляннымъ колпакомъ и едва ли ей можетъ быть симпатиченъ кто-нибудь снизу, изъ тѣхъ, кто обреченъ на грязь и нужду. Это была безсознательная попытка возмутиться противъ ярма благодарности, которое она невольно на него возложила, желаніе ее спровоцировать и оживить негодованіемъ застывшія черты ея лица. Она печально опустила глаза. Молча признала его правоту и этимъ сразу обезоружила его. Ея мягкость его тронула, но въ то же время побудила его къ новой вспышкѣ жестокости. Онъ отрицалъ случайность, связавшую ее съ нимъ на двое сутокъ, онъ считалъ виноватымъ только себя въ униженіи, на которое она была обречена, и это еще больше воспаляло его гнѣвъ по отношенію къ ней. Ему казалось, будто до встрѣчи съ нимъ она носила одни лишь бѣлыя платья и на ея прекрасныхъ губахъ дрожали еще ея привычныя, пустыя слова, неизмѣнный аттрибутъ изнѣженнаго избалованнаго класса. Только сейчасъ, только тутъ рядомъ съ ней онъ почувствовалъ себя

впервые революціонеромъ. Его страхъ и его бѣгство показались ему вдругъ позорными, — онъ подумалъ, что это должно неминуемо умалять его въ мнѣніи Аглаи. Онъ неожиданно заявилъ, что встанетъ сейчасъ и уйдетъ. Онъ покажетъ, что ничего не боится, — его долгъ раздѣлить участь тѣхъ многихъ, которые достигли больше его и больше, чѣмъ онъ — рисковали. Кому принесетъ онъ пользу, если удастся ему убѣжать заграницу? Ни народу, ни друзьямъ, ни даже несчастной сестрѣ.

Аглая умоляла его успокоиться. Но говорила только общія фразы, приводила только самые наивные аргументы. Когда же онъ вдругъ замолчалъ, она приняла повелительный тонъ и стала похожей на юную королеву. Но неожиданно и ей пришлось замолчать. Она услыхала шаги. Подняла палецъ правой руки и приложила къ губамъ. У дверей, несомнѣнно, кто-то подслушивалъ. Ея гордый взглядъ сталъ вдругъ снова безпомощнымъ. Надинскій опустилъ голову. Тогда Аглая быстро рѣшилась. Подошла на цыпочкахъ къ двери, отперла задвижку, быстро вернулась къ постели, легла рядомъ съ Надинскимъ, натянула одѣяло до подбородка, потянулась къ электрическому звонку, висѣвшему на длинномъ шнуркѣ надъ ихъ изголовьемъ, и позвонила. Оба затаили дыханіе, пока въ дверь не послышался стукъ. На порогѣ показалась горничная; съ безучастно угрюмымъ видомъ выслушала приказаніе Надинскаго принести свѣжей воды и сказать лакею, чтобы онъ подалъ завтракъ. Приказаніе было тотчасъ же исполнено; спустя немного вошелъ и лакей. Испытующимъ взглядомъ онъ окинулъ, поскольку могъ, обѣ комнаты: Аглаѣ показалось, что онъ ищетъ ея платье, въ которомъ она лежала подъ одѣяломъ, и что отсутствіе его сразу вызвало у него подозрѣніе. Она закрыла глаза: видъ этого человѣка былъ ей невыносимъ. Надинскій взялъ пятидесятирублевую бумажку и протянулъ ее лакею. «Тутъ двадцать для горничной и тридцать для тебя», сказалъ онъ искусственно-небрежнымъ тономъ; «мы бы хотѣли остаться до завтра, если возможно». Лакей согнулся чуть не до земли: такой щедрости онъ никакъ не ожидалъ. Горничная, возившаяся около печки, подошла и хотѣла поцѣловать у Надинскаго руку. Онъ отстранилъ ее. «Какъ прикажете, сударь. Съ нашей стороны препятствій не будетъ», заявилъ

лакей съ кошачьей ужимкой и подмигнулъ глазомъ. Надинскій заказалъ завтракъ. Прошло не меньше четверти часа, пока принесли чай и все остальное. Между тѣмъ Аглая лежала, какъ на раскаленномъ желѣзѣ. Все ея тѣло пронизывало что-то, для нея самой непонятное, какая-то странная смѣсь муки и страха; лицо ея покрылось мертвенной блѣдностью. Надинскій не шевелился, ея ощущенія передавались ему, онъ понималъ ея страданія и избѣгалъ смотрѣть на нее. Наконецъ, лакей накрылъ на столъ, еще разъ отвѣсилъ низкій поклонъ и удалился. Вслѣдъ за нимъ вышла и горничная. Аглая сорвала съ себя одѣяло и торопливо вскочила съ постели, точно спасаясь бѣгствомъ. Заперла дверь и раскрыла окно. Волосы ея распустились, но она не собрала ихъ: они хоть немного закрывали ея обнаженныя плечи. Часомъ раньше она не показалась бы въ такомъ видѣ Надинскому, но послѣ того, какъ она лежала съ нимъ рядомъ въ постели, обнаженная, несмотря на скрывавшее ея наготу платье, всецѣло предоставленная его власти и насильственно подавлявшая все возмущеніе своей крови, она уже не обращала вниманія на то, что волосы ея были распущены.

Провѣтривъ какъ слѣдуетъ комнату, она заявила Надинскому, что нужно смѣнить перевязку. Онъ молча спустилъ до пояса сорочку. Даже неопытный глазъ Аглаи сразу замѣтилъ, что за ночь рана значительно затянулась. Жара у Надинскаго тоже уже не было. Искуснѣе, чѣмъ наканунѣ, Аглая обмыла и перевязала рану и принесла Надинскому хлѣба и молока. Ему захотѣлось чаю; она молча повиновалась. Сама она едва притронулась къ кушанію, какъ бы досадуя на свое тѣло за испытываемый имъ голодъ. Въ домѣ царила мертвая тишина. Съ улицы доносился шумъ экипажей и крикъ дѣтей. Надинскій опять задремалъ. Аглая ушла въ первую комнату. Стараясь не шумѣть, сняла ботинки и долго ходила взадъ и впередъ, судорожно стиснувъ обѣими руками пряди распущенныхъ волосъ. По временамъ она останавливалась и погружалась въ раздумье. Смотрѣла на картины, висѣвшія на стѣнахъ, но какъ будто не видѣла ихъ. На одной была изображена Леда съ лебедемъ между колѣнями. Около двери другая: нѣмецкій студентъ съ ранцемъ за спиной размахиваетъ фуражкой по направленію къ дому, изъ окна котораго выглядываетъ молоденькая дѣвушка съ двумя длинными косами.

Въ большомъ зеркалѣ отражались обѣ комнаты и противоположное зеркало: тамъ была, казалось, цѣлая амфилада комнатъ, въ каждой комнатѣ Леда со своей уродливо-мясистой наготой, и сантиментальный студентъ, и постель со спящимъ Надинскимъ, и безчисленное множество царскихъ портретовъ. Аглая подходила къ окну, смотрѣла на экипажи и на дѣтей, на снѣгъ, лежавшій на крышахъ, на лица позади тусклыхъ оконъ противоположнаго дома, и ей казалось, что и это повторяется въ зеркалѣ безчисленное множество разъ. Куда дѣвался весь міръ? Все, что она любила, къ чему стремилась своей наивной душой? Гдѣ сама она, Аглая, привыкшая къ своей уютной дѣвической комнатѣ? Гдѣ ея женихъ, Александръ Михайловичъ, краснощекій, здоровый, всегда улыбающійся? Гдѣ вся блестящая Москва съ соблазнительными витринами магазиновъ, съ радостными лицами знакомыхъ, съ элегантными офицерами и изящными женщинами? Куда дѣвался весь міръ? Она видѣла передъ собой лишь человѣка, лежавшаго въ безчисленныхъ постеляхъ въ безчисленномъ множествѣ комнатъ, отражавшихся въ зеркалѣ. Видѣла передъ собой рану на бѣлоснѣжной кожѣ, и эта рана казалась ей магическимъ пламенемъ, которое неотступно влекло ее за собой.

Часы пробили двѣнадцать. Прошло еще много, очень много времени — она сама не знала, сколько — пока Надинскій проснулся. Наконецъ, онъ присѣлъ на постели, и она робко направилась къ нему. Съ неожиданной рѣшимостью въ голосѣ онъ попросилъ ее уйти, какъ только стемнѣетъ, онъ чувствуетъ себя достаточно окрѣпшимъ и можетъ провести ночь одинъ. Лакею онъ сумѣетъ сказать какъ-нубудь, что она хочетъ вернуться домой. Ночью никто не обратитъ на это вниманія. Аглая покачала головой. Она заявила, что считаетъ нужнымъ остаться, какъ ради него, такъ и ради себя самой. Рана начинаетъ только затягиваться, — ее по крайней мѣрѣ еще два раза нужно обмыть и перевязать. Если она уйдетъ и съ нимъ что-нибудь случится, она всю жизнь себѣ не проститъ. Надинскій посмотрѣлъ на нее вопросительно и протянулъ ей руку; она невольно пожала ее. Но мгновенно обоихъ охватилъ страхъ. Оба прочли въ глазахъ другъ у друга счастливое, радостное, но зловѣщее превращеніе. Аглая съ бьющимся сердцемъ подошла къ зер-

калу и поправила волосы. Ея пальцы дрожали при этомъ. Если бы онъ сейчасъ велѣлъ ей уйти, она не стала бы больше сопротивляться. Но онъ началъ вдругъ роптать на то, что его не убили на баррикадѣ. Что ждетъ его на чужбинѣ, въ безполезныхъ скитаніяхъ, съ вѣчной болью въ душѣ за погибшихъ и вѣчными заботами о завтрашнемъ днѣ? Онъ не богатъ, у него много долговъ, имѣніе матери много разъ заложено. Удрученная его малодушіемъ, Аглая замерла передъ зеркаломъ и смотрѣла на свое утомленное отъ безсонной ночи лицо. Онъ продолжалъ говорить и порицать свой поступокъ. Онъ не сознавалъ, какое бремя беретъ на себя, — у него это былъ инстинктъ, а не сознательно созрѣвшее рѣшеніе. Онъ не герой, — герои не бросаются въ неизвѣстность, заранѣе сознавая всю безплодность своей жертвы. А развѣ она — онъ обратился къ Аглаѣ — развѣ она, пошедшая съ нимъ въ эту клоаку, — развѣ она дѣйствовала съ полнымъ сознаніемъ или просто поддалась чувству, чувству состраданія, искушенію неизвѣданнаго переживанія, соблазну краснорѣчивой Анастасіи Карловны? Развѣ сейчасъ она не подавлена, не разбита, развѣ эти переживанія не отняли у нея послѣднія силы? «Такіе мы всѣ», воскликнулъ онъ и откинулся на подушки, «ненужные, выкинутые за бортъ, нищіе своей собственной фантазіи, жертвы минуты, обманутые всѣмъ тѣмъ, что мы дѣлаемъ!»

Аглая подошла и сѣла на край постели. Спокойно и пристально посмотрѣла ему прямо въ глаза. Взглядъ ея сразу опровергъ всѣ его слова, въ выраженіи ея лица сквозила полная гармонія души. Казалось, будто божественная природа своимъ простымъ безмолвіемъ пришла на помощь его смятенному сердцу. Лучъ радости и счастья скользнулъ по лицу Надинскаго; его проникнутый сомнѣніемъ духъ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ. Отъ Аглаи исходила какая-то непоколебимая увѣренность. Онъ забылъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Между тѣмъ стемнѣло; спустилась ночь. Они не зажигали свѣта и хранили полное молчаніе. Когда же наступило время снова начать комедію, необходимую въ этомъ домѣ, Аглая зажгла электричество, задернула драпировки и вышла въ сосѣднюю комнату, чтобы дать Надинскому возможность одѣться. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ окликнулъ ее: безъ ея помощи онъ никакъ не могъ надѣть рукава. Совсѣмъ какъ наканунѣ, подали ужинъ;

какъ наканунѣ, лакей прислуживалъ имъ въ ливреѣ съ серебряными галунами, съ еще болѣе раболѣпной, пошлой улыбкой, еще болѣе подозрительный, позади своей коварной гримасы. Они ѣли нехотя и избѣгали смотрѣть другъ на друга. Двигали только молча руками, стараясь обмануть этимъ бдительное вниманіе шпіона. Аглая плохо играла сегодня свою роль: ея смѣхъ звучалъ слишкомъ искусственно, разговоръ не клеился. Надинскій облегчилъ ей немного задачу: когда на минутку лакей вышелъ изъ комнаты, онъ шепотомъ предложилъ ей затѣять споръ. Онъ придумалъ имя какой-то графини и сталъ увѣрять, что жемчужное колье, которое носила графиня Шувалова на послѣднемъ балу у княгини Карамзиной, было фальшивое. Аглая утверждала противное. Онъ сдѣлалъ недовольное лицо и продолжалъ настаивать на своемъ. Щеки Аглаи залились багровымъ румянцемъ: это притворство въ притворствѣ вызвало въ ней удивленіе и смутный страхъ передъ Надинскимъ. Лакей въ ливреѣ подавалъ кушанія, наливалъ въ бокалы шампанское и всѣмъ своимъ видомъ выражалъ соболѣзнованіе имъ обоимъ, точно привыкъ слушать всегда одно только нѣжное воркованіе голубковъ. Въ концѣ концовъ Надинскій поднялся съ досадой и крикнулъ лакею, чтобы тотъ поскорѣе убиралъ. Умоляющій взглядъ Аглаи привелъ его въ изумленіе. Онъ сдѣлалъ видъ, будто раскаивается въ своемъ недовольствѣ и, простеревъ руки, направился къ ней. Лакей радостно ухмыльнулся. Аглая тоже поднялась съ мѣста и прижалась къ его плечу головой, на самомъ дѣлѣ лишь для того, чтобы напомнить ему шопотомъ, какъ бы онъ не забылъ заказать на утро экипажъ. Надинскій кивнулъ головой, обратился къ лакею и велѣлъ привести экипажъ къ шести часамъ утра. Лакей молча раскланялся и хотѣлъ было выйти изъ комнаты.

Въ это время послышался вдругъ неистовый крикъ. За нимъ второй и третій. Аглая испуганно всплеснула руками; Надинскій съ волненіемъ взглянулъ на дверь. Она была какъ разъ полуоткрыта: лакей только что хотѣлъ унести послѣдній подносъ. Неожиданно мимо двери промчалась полуобнаженная женщина. «Да закройте же дверь», въ отчаяніи произнесла только Аглая. Въ это мгновеніе грянулъ откуда-то выстрѣлъ. И вслѣдъ за нимъ весь домъ огласился страшнымъ мужскимъ

крикомъ. Надинскій вытолкнулъ лакея изъ комнаты и заперъ дверь. Нѣсколько минутъ было тихо, но потомъ на лѣстницѣ послышались тревожные поспѣшные шаги. Раздались голоса, чей-то громкій голосъ повелительно кричалъ что-то сверху, другой вторилъ ему жалобно на верхней площадкѣ. Послышался душу раздирающій плачъ: Аглая не выдержала, заломила руки и бросилась на кушетку, стараясь спрятать лицо. Улица тоже вдругъ оживилась. Раздался стукъ въ парадную дверь. Послышался отчетливо голосъ полицейскаго. По корридору кого-то пронесли, тяжело и грузно ступая. Въ дверяхъ показался лакей. Съ взволнованнымъ лицомъ обратился къ Надинскому и сказалъ: «Не извольте безпокоиться, ваше сіятельство. Не волнуйтесь, сударыня. Самые пустяки: обыкновенное происшествіе. Ваше сіятельство больше не побезпокоятъ». Съ этими словами онъ исчезъ. Надинскій подошелъ къ Аглаѣ, сѣлъ рядомъ съ ней и дрожащей рукой началъ гладить ей волосы. Вся содрогнувшись отъ его прикосновенія, она подняла голову и взглядомъ запретила ему это дѣлать. Онъ отошелъ отъ нея. Ему стала вдругъ противной вся жизнь. За окнами бушевала вьюга, а снизу, точно въ насмѣшку, послышались вдругъ снова звуки рояля, тотъ же самый вальсъ, какъ вчера, съ тѣми же самыми провалами въ мелодіи. Но развѣ прошелъ всего одинъ день? одни сутки? развѣ не протекли съ тѣхъ поръ долгіе годы? И развѣ не дали ему эти годы всѣ образы и переживанія цѣлой человѣческой жизни: радость и горе, богатство и нищету, надежду и разочарованіе, достиженіе и утрату, грезу и смерть? И неужели наступилъ уже конецъ? Вѣдь впереди еще ночь, безконечная, загадочная ночь! У Надинскаго было чувство, будто съ тѣхъ поръ, какъ онъ поднялся на баррикаду и былъ раненъ, для него началась новая жизнь, съ новыми, до сихъ поръ невѣдомыми ему условіями и требованіями, — будто надъ всѣмъ прежнимъ существованіемъ его поставленъ навсегда крестъ и будто онъ пришелъ въ этотъ домъ, чтобы принять здѣсь на себя новое бремя, лишенное всякой связи съ прошедшимъ и будущимъ и не имѣющее съ нимъ ничего общаго.

Взволнованный и потрясенный, онъ легъ на постель. Черезъ нѣсколько минутъ показалась Аглая. Оставивъ въ столовой горѣть электричество, она не стала зажигать здѣсь свѣта. Въ зеркалахъ мутными

очертаніями отражалась по-прежнему безконечная амфилада. Агнія посмотрѣла, хватитъ ли воды: одинъ кувшинъ былъ еще полонъ. Надинскій снялъ сорочку, и она обмыла ему рану. Вынимая изъ сумочки свѣжій бинтъ для перевязки, она выронила оттуда небольшую книжку. Надинскій попросилъ ее почитать ему вслухъ. Она сѣла на стулъ рядомъ съ постелью и стала читать стихи Лермонтова. Но черезъ нѣсколько минутъ ея руки опустились безсильно, голова свѣсилась на бокъ. Она уснула, какъ засыпаютъ дѣти, незамѣтно и сладко. Надинскій старался не шевелиться. Онъ не сводилъ глазъ съ ея лица; ему казалось, будто онъ самъ невольно воспринимаетъ всѣ мельчайшія переживанія, отражавшіяся въ чертахъ у нея. Онъ ощутилъ вдругъ въ груди чудесный покой. Вытянулся на постели и вдохнулъ въ себя точно благоуханіе цвѣтущаго сада. Ея губы зашевелились. Она прошептала что-то, нѣжно улыбнулась, — ея пальцы разжались, книга упала на полъ. Она вздрогнула, открыла глаза, испуганнымъ взглядомъ окинула полутемную комнату, но сейчасъ же снова уснула. Сонъ овладѣлъ ею на этотъ разъ еще сильнѣе, чѣмъ прежде: туловище утратило равновѣсіе, и она бы, навѣрное, упала, если бы Надинскій не поддержалъ ее. Онъ осторожно обвилъ ея плечи руками и тихо положилъ спящую поперекъ своей постели. Ноги ея остались на стулѣ, голова лежала на его бедрахъ, она закинула руки за голову, и ея грудь поднималась и опускалась въ мѣрномъ и плавномъ дыханіи. Но мало-по-малу Надинскому стало тяжело держать ее такъ. Онъ медленно прилегъ на подушку, опустилъ руки подъ одѣяло и просунулъ ихъ подъ спину дѣвушки. Такъ было значительно легче: онъ могъ попеременно поддерживать ее то руками, то бедрами и колѣнями. Его охватило радостно-счастливое чувство: не только потому, что онъ хоть чѣмъ-нибудь могъ отблагодарить ее за ласку и жертву, но и потому еще, что она была такъ близка отъ него, такъ всецѣло подъ его охраной и попеченіемъ. Онъ не сводилъ съ нея восторженныхъ глазъ: ея жизнь, ея сонъ, ея безсознательныя переживанія, ея тѣло, въ которомъ каждая линія была осмысленнымъ протестомъ противъ хаотичности міра, — все вселяло въ него невыразимо сладостное чувство вновь обрѣтенной силы души.

Она проспала такъ нѣсколько часовъ, пока ее не разбудилъ не-

ожиданно барабанный бой проходившаго мимо дома патруля. Надинскій приподнялся слегка на постели и уловилъ ея взглядъ, въ которомъ отразилось нѣмое изумленіе. Сначала въ немъ блеснула на мгновеніе тихая радость, но сейчасъ же заволоклась выраженіемъ стыда. Она слабо вскрикнула, вскочила съ постели, и лицо ея залилось яркимъ румянцемъ. Она прижала руки къ груди и молча опустила глаза. Смущеніе не оставило ее и тогда, когда Надинскій попробовалъ заговорить съ нею. Онъ заставилъ себя произносить безразличныя фразы, освѣдомлялся о погодѣ и о времени. Она отвѣчала ему разсѣянно. На ея лицѣ робость и страхъ смѣнялись благодарностью и затаеннымъ вопросомъ. Она въ послѣдній разъ обмыла и перевязала ему рану. Съ величайшимъ трудомъ сохраняла она присутствіе духа: весь внѣшній міръ казался ей огромной разинутой пастью хищнаго звѣря. Было уже три четверти шестого. Пора было собираться въ дорогу. Надинскаго охватила тихая грусть. Когда онъ одѣтый вышелъ къ Аглаѣ, лицо его было блѣдно. Онъ молча присѣлъ къ столу. Она сѣла напротивъ, въ шляпѣ и шубѣ. Они сидѣли такъ долго, не произнося ни слова и стараясь не встрѣчаться другъ съ другомъ взглядами.

Наконецъ, послышался за окномъ шумъ колесъ, и спустя немного въ дверь постучали. Вошелъ лакей, уже не въ ливреѣ, а въ засаленной курткѣ, растрепанный, съ злымъ, недовольнымъ лицомъ. Надинскій расплатился по счету, заплатилъ впередъ и за экипажъ. Они вышли изъ комнаты. Внизу у лѣстницы стояли два помойныхъ ведра, а у порога лежала черная собака, проводившая ихъ съ легкимъ ворчаніемъ до экипажа. На улицѣ не было ни души. Они молча проѣхали весь длинный путь.

На вокзалѣ за колонной, въ условленномъ мѣстѣ, ихъ встрѣтила Анастасія Карловна. Поздоровалась и освѣдомилась о здоровьѣ Надинскаго. Вручила ему паспортъ и чемоданъ со всѣмъ необходимымъ для дороги. Они перешли на перронъ. Надинскій поднялся въ вагонъ. Но черезъ нѣсколько минутъ вышелъ опять, направился къ Аглаѣ и подалъ ей руку. Страшная тяжесть въ затылкѣ помѣшала ей поднять голову и взглянуть на него. Но вотъ онъ взялъ ее за другую руку, лѣвую за лѣвую, и всѣ ихъ четыре руки сплелись между собой, какъ звенья одной

неразрывной цѣпи. Они простояли такъ нѣсколько мгновеній, точно переживая какой-то странный, призрачный сонъ. Анастасія Карловна подала предостерегающій знакъ: медленнымъ шагомъ Надинскій повернулся къ вагону и поднялся на ступеньки. Подошелъ къ окну, и въ сѣроватомъ туманѣ его лицо обрисовалось мертвенно-блѣднымъ пятномъ. Раздался свистокъ, и поѣздъ тихо тронулся въ путь.

Вернувшись домой, Аглая застала мать въ слезахъ. Она не рѣшилась разсказать мужу о письмѣ дочери и всяческими ухищреніями сумѣла скрыть отъ него отсутствіе Аглаи. На всѣ взволнованные и умоляющіе жесты глухонѣмой матери дѣвушка качала только уклончиво головой и не проронила ни звука. Но особенно велико было недоумѣніе матери, когда Аглая категорически отказалась свидѣться съ женихомъ, пріѣхавшимъ какъ разъ на нѣсколько дней изъ Петербурга. Въ этомъ отношеніи не помогли и уговоры отца. Она заперлась у себя въ комнатѣ и не хотѣла ни съ кѣмъ говорить. Свадьбу пришлось отмѣнить, и еще болѣе, нежели раньше, Аглая начала сторониться людей, близкихъ друзей и чужихъ, мать, отца и сестеръ. Она ушла цѣликомъ въ свою тихую грусть, совершенно преобразилась и, наконецъ, по настоятельному совѣту врачей, уѣхала съ матерью заграницу, сначала въ Парижъ, а оттуда на бретонское побережье. Однажды ночью мать неожиданно вошла въ ея комнату: она лежала на полу на балконѣ, закинувъ руки за голову, и съ широко раскрытыми, сіяющими страннымъ блескомъ глазами смотрѣла на звѣздное небо. На ея лицѣ отражалось чувство безпредѣльнаго одиночества, незнакомое и чуждое огромному большинству людей.

Надинскій пропалъ безъ вѣсти. По слухамъ, онъ поселился на уединенной фермѣ въ западной части Канады. Ни онъ, ни Аглая никогда не узнали даже именъ другъ друга.

Оглавленіе.

Ex Libris
E. Korman

Русское Универсальное Издательство

Берлинъ

Russischer Universal Verlag G.m.b.H.

Berlin W 62 - Lutherstrasse 29

Tel.: Lützow 570

